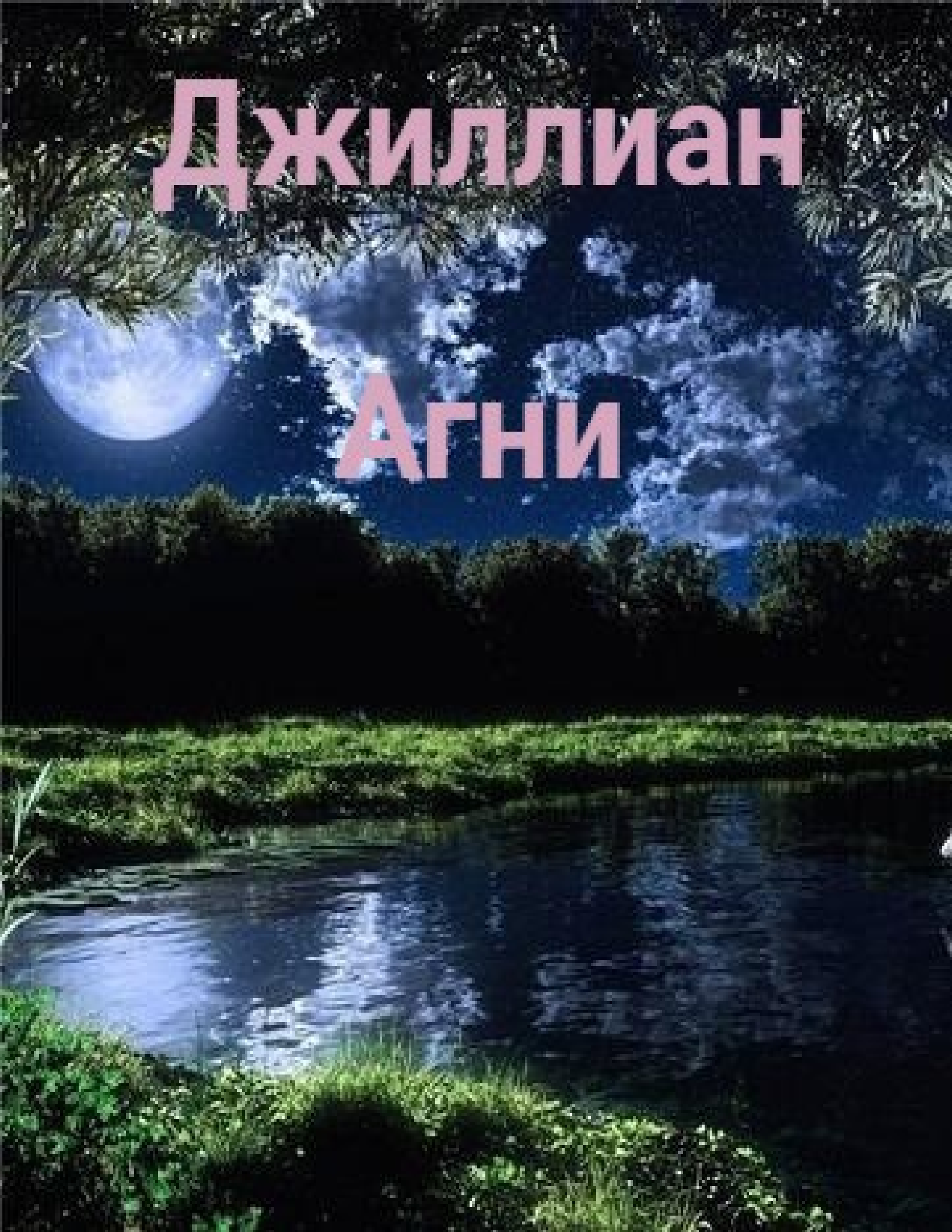

Джиллиан

Агни

Аня перешла из дождя в дождь — из мира своего в мир, полный магии и приключений.

Глава 1

Пролог

Сны порой снятся очень реалистичные и слишком активные... Иногда они могут уводить в тёмные, бездонные пропасти, где тонешь в небытии, а иногда дают вынырнуть на поверхность, вроде бы очнуться — и тут же ввязывают в какое-то действие, которому веришь, что оно настоящее. А потом спохватываешься, потому что в этом настоящем замечаешь несуразности. И всё равно не веришь, что спишь...

... Очнуться сидящей в каком-то ледяном каменном углу, обняв колени, — нехилое впечатление даже для сна.

Следующее ощущение — крупная дрожь от холода и мерно сыплющего сверху промозглого дождя на и так насквозь влажную одежду. Откуда эта вода... Где одеяло... Наверное, снова упало на пол, а проснуться — никак...

А когда она с трудом подняла голову взглянуть на слишком светлое даже сквозь веки — снова поспешно зажмурилась: мир взял столь стремительный разгон вокруг неё, что от головокружения затошнило...

Потом послышались (точней — проступили сквозь стену. Кажется) голоса, от которых захотелось спрятаться, потому что они были слишком пронзительными, и она из-за них чувствовала себя больной. А вокруг уже кричали. И крик в сновидении болезненно бил по ушам. Потом в общий ор растерянно вопивших над головой вмешался встревоженный мужской голос:

— Отойдите от неё! Это моя сестра!

Неизвестные люди сразу замолчали и отодвинулись — по тем же сонным ощущениям. Они ещё говорили — по ощущениям, горланили, но уже не так громко, что-то обсуждали между собой — с интонациями «вот как оно бывает».

Она не успела открыть глаза, чтобы посмотреть, кто назвал её сестрой. Сквозь веки почудилось: будто туча надвинулась сверху, а потом кто-то взялся за её подмышки — и она взлетела на чужих руках, а потом поневоле прижалась к чужому телу — безвольной головой к плечу, тоже холодному, потому что верхняя одежда мужчины промокла. Что-то взметнулось над головой, и стало совсем темно: кажется, её укрыли от дождя?.. Странные ощущения от действия, происходящего во сне. Слишком реалистичные...

Потом началось движение: её несли на руках. От дыхания под накидкой вскоре стало теплей обычного, и она, всё ещё крупно дрожа, снова услышала голос того, кто назвался её братом (у неё никогда не было братьев — напоминало слабо возмущённое сознание, а потом его отголоски затихали!), его лихорадочный шёпот:

— Сестра, милая, ты только не умирай, ладно? Сейчас придём домой, разогреем тебя... Выпьешь горячего чаю... Ты только не умирай! Иначе мы все пропадём без тебя...

Она слышала равномерный, бывший по ушам треск и грохот, как будто тяжело груженные телеги быстро ехали по камням, и в этом грохоте пряталось лошадиное поцокивание... Но ведь такого быть не может. Машины в дождь обычно ездят без грохота, с шипением колёс по мокрому асфальту... Ах, да... Это же сон.

Потом грохот стал уменьшаться, как будто её уносили подальше от оживлённой дороги. Оставался лишь плеск воды под ногами спешащего мужчины. Болезненное ощущение слабости заставляло прикрывать глаза и сильно сжиматься от промозглого холода, да ещё,

как ни странно, задрёмывать...

— Никас, это она? — вдруг ворвался под накидку детский голосишко. — Ты нашёл её?

— Нашёл-нашёл, — скороговоркой ответил нёсший её мужчина. — Открывай калитку.

Металлический скрежет возвестил о том, что его просьбу (а сказал он мягко), кажется, только что выполнили... Она засыпала от холода, слишком медленно согреваясь в равномерном движении, совершенно равнодушная к происходящему от слабости, и в полудрёме слышала:

— ... Горячую воду налить бы ей... В сухое переодеть...

— Никас, а она не умерла?

— Клади её на лежанку!

— Лисса, принеси одеяло с камина — оно уже согрелось!

Её, абсолютно безвольную, уже лежавшую на чём-то сравнительно мягком, а главное — сухом, раздели, закутали в тёплое, местами даже горячее одеяло, а потом подняли ей голову. Шея не могла, не хотела напрягаться. Голову ей придержали и заставили выпить воду — чуть горячее, чтобы можно было назвать тёплой. Обычную воду, если бы не едва уловимый привкус мёда и мяты... С трудом глотая, она выпила — и тепло разлилось внутри... Голоса стали тише, и она заснула с мыслью о том, что ноги остались холодными и их трудно согреть...

— ... Агни...

Шёпот толкнулся в ухо.

Аня открыла глаза в темноту. Открыла рот, чтобы лучше слышать эту темноту.

— Агни, я замёрзла, — прошептал кто-то очень близко, дыша теплом в её лицо. — Пусти меня к себе, под одеяло...

Она выпростала руку из-под одеяла, внезапно испуганная. Дома никого из посторонних не должно быть! И тем более — детей.

— А-агни-и... — обиженно, чуть не плачуще проныл уже вслух детский голосок.

Осторожно, боясь слишком сильно откинуть пышущее жаром одеяло, а потому прижимая его к себе, она села на кровати — и снова пока ещё слабо удивилась: почему так жёстко? Вроде и матрас есть, но... И в этот момент, наверное, наклонилась чуть в сторону: свет откуда-то издали мягко очертил линии махонькой фигурки, стоявшей рядом. Снова плачущее: «Агни, мне холодно-о...»

Она подняла руку и неуверенно опустила ладонь на голову ребёнка. А потом снова легла и отодвинулась, всем своим движением приглашая: «Иди ко мне». Маленькая, тощая, слишком прохладная для ребёнка, даже закутанного в одежду, фигурка быстро юркнула под приподнятое одеяло. Аня решила разобраться со странным сном утром, когда солнце привычно войдёт к ней в комнату... А пока... Обняв прильнувшего к ней ребёнка, грея его и дыша горячечным теплом в его макушку, она подоткнула со всех сторон одеяло и постаралась уснуть... Последняя мысль: она где-то сильно простыла — и ей снова снятся странные сны.

Глава первая

Аня открыла глаза в серую пасмурь. Утро? Вечер?

Дезориентированная после глубокого сна, она тихонько вздохнула.

Мышцы, зажатые то ли от желания сохранить тепло, то ли из-за последствий страшного

сна, постепенно расслаблялись. Особенно после того, как она поняла, что находится в незнакомом месте.

Плохо видны предметы. Пока Аня осознавала лишь, что находится в громадной комнате. В пустой комнате. Точней... Мебель вроде была, но её так мало, а помещение такое большое, и потолки неожиданно высокие. Потом она поняла, что её голова лежит на странной, очень тощей подушке, а под её одеялом, от которого пахнет затхлостью и сырой пылью, спит кто-то маленький. Сон предупреждал. Но Аня всё равно не поверила. Заглушило желание приподнять одеяло — помнила жалобу из сна: «Агни, я замёрзла...», она некоторое время лежала неподвижно, ожидая, когда в комнате станет светлей. И раздумывала. Где она? Всё совершенно незнакомое.

Вчера она легла спать в собственной постели.

И... что теперь? И откуда здесь... брат? Откуда ребёнок, лежащий сейчас под одеялом? Аня напряглась: а ещё она помнила другие голоса, и их было достаточно много. И человек, назвавшийся братом, сказал странную вещь: «Иначе мы все пропадём без тебя...» Что это значит? Нет, её точно не похитили, и эти люди точно не бандиты. И размышлять впустую — смысла нет. Надо дождаться, пока всё объяснят сами.

— Лисса... — услышала она шёпот и скосилась посмотреть на зовущего.

Ого. Вот и входная дверь. В полуоткрытом проёме склонился мужчина, очертаний которого в полумраке комнаты почти не разобрать.

— Лисса, ты здесь?..

Прикинув, кого именно зовут, Аня, лежавшая на боку, хрипловато (горло побаливало) выговорила:

— Под одеялом... у меня...

— Ты очнулась, Агни! — всё ещё говоря тихо, обрадовался мужчина и что-то сделал такое, после чего в его руках оказалась зажжённая свеча. Он быстро подошёл к кровати и присел перед ней на корточки. Такой счастливой улыбки она давненько не видела.

В замешательстве захлопала глазами. Она Аня — это помнила. Но назвали её странно — Агни. Спутали с кем-то? Вряд ли... И как теперь разговаривать с этим мужчиной? По голосу узнала — это тот, кто назвался её братом. Теперь она его в пламени свечи немного разглядела. Симпатичный. Смуглый, большеглазый, чуть горбоносый. Правда, лицо худое-прехудое, словно давно не ел досыта. И широкоплечий, как кирпичник, который долго занимался ручной кладкой... Но это подождёт. Как бы выяснить, что происходит?

Мужчина тем временем ласково погладил её по голове, поправил одеяло. И Аня в растерянности вздрогнула: он освободил её... косы! Нет, одну косу — потрёпанную, видимо давно не чёсанную, тёмной змеёй соскользнувшую с плеча. Длинная... Да Аня вовек таких не растила... И, растерянная, она поняла одно: пора объявить об амнезии!

— Я ничего... не помню... — прошептала она в ответ на ласку.

Мужчина понимающе кивнул.

— Неудивительно. Ты получила слишком большую дозу колдовской отравы. Болела так, что мы решили — уже на ноги не встанешь. А когда вроде начала поправляться, ещё хуже стало — ты начала убегать из дома.

— А что... со мной случилось?

Мужчина оглянулся на входную дверь, встал и подошёл к ней закрыть. Затем тихонько взял откуда-то большой, мягкий, но очень обшарпанный стул.

— Меня зовут Никас. Я твой старший брат. — Он помолчал, но не оттого, что ждал от

неё на это сообщение какой-то реакции, а потому что отодвинул от края кровати край одеяла и со стула пересел ближе к Ане. Улыбнулся, взяв её за руку, и продолжил: — Мы рано осиротели. Мы — это пятеро детей, оставшиеся из всей семьи. Ты, самая старшая из сестёр, после смерти матери решила выйти замуж за самого богатого на нашей улице мага, чтобы помочь всем нам. Он давно к тебе сватался. А ты всегда была решительной. Вышла. Но прожила с ним недолго. Он был не очень стар. — Никас пожал плечами. — Но очень любил деньги. И брал слишком много дел, связанных с магией проклятий. Однажды вляпался в старинное проклятие, которое ему заказали снять. Когда его не стало, ты перевезла всех нас сюда, в его дом. Ведь он достался тебе по наследству вместе с усадьбой. Дом старый и не очень уютный — твой муж был скуповат на обстановку для него. Зато нам теперь не надо снимать углы у других хозяев. Вот только... У твоего умершего мужа нашли завещание: да, дом с усадьбой остаётся тебе, но деньги, которые он хранил в банке, перешли к его младшей сестре. А той показалось этого мало: она наслала на тебя проклятие на смертельную болезнь и подсунула отраву. Ведь после твоей смерти дом тоже переходил к ней. — Никас передохнул от долгой речи, а потом с тревогой спросил: — Хоть что-то ты вспомнила?

— Нет... — вздохнула Аня, внутренне замирая от ужаса: а что случилось с её телом там, в своём мире, если душа перешла в тело здешней женщины?! Не хотелось думать об этом, но по логике, если души поменялись местами, если та Агни здесь умирала, то и она, Аня... её тело тоже умерло там?..

Но сознание постепенно приходило в норму, и она нерешительно спросила:

— Можно встать? Уже утро? И... где моя одежда?

— Сейчас всё принесу, — отозвался Никас и встал.

— Никас, а Лисса? Почему она прибежала ко мне среди ночи?

— Агни, — улыбнулся «брат», — ты что — не помнишь, как горела ещё вчера от магически вызванной лихорадки? Да ты так полыхала, что я сразу понял, куда могла сбежать Лисса, чтобы погреться.

Он вышел, а у Ани появилась новая проблема: будить или не будить так хорошо пригревшуюся под одеялом девочку?..

Некоторое время женщина полежала неподвижно, думая о том, что Никас познакомил её только с поверхностным положением дел семьи той Агни, чьим именем он её называет. Что же произошло? Её закинуло в параллельный мир? Или в прошлое? С каким-то условием, типа — заменить умирающую женщину, чтобы эта семья не пропала? А что на самом деле случилось с Агни? Никас сказал — колдовство, магия... Неужели такое может быть всерьёз?! Никогда она не была слишком суеверной или верящей во всякое... неземное. Но нынешнее положение... Хм. То есть... Она должна не просто заменить, но... И почему она не помнит, что с ней было в её мире?

— Агни... — прошептали из-под одеяла. — Никас ушёл?

Она приоткрыла кончика одеяла, чтобы не выпустить сразу всё тепло. На неё сонно моргала худенькая девочка лет пяти, чумазенькая и со всклокоченными короткими светлыми, почти белыми волосёнками. Вот она зевнула во весь свой ротишко, а потом, жмурясь, улыбнулась, глядя снизу вверх.

— Я так хорошо спала, Агни! Ты всегда такая горячая?

После краткого стука в дверь вошла хмурая девочка-подросток, лет тринадцати, с гладко причёсанной тёмно-русой головой и тощей косичкой, в длинном платье с разрезами по бокам. Она молча вынула Лиссу из-под одеяла и унесла малышку, нисколько не

протестующую, — видимо, потому что та выпалась в тепле. А Аня осталась хлопать глазами в недоумении: это кто — вошедшая и тут же ушедшая? Одна из пятерых детей, а значит — ещё одна её младшая сестра? А кто же ещё один ребёнок? Мальчик, девочка?

Но худенькая девочка вернулась с чашкой горячего чая и с охапкой одежды и присела на кровати, рядом, как недавно сидел с Аней Никас.

— Пей, Агни. Тебе надо поправляться, — неожиданно ласково сказала она. — Никас сказал — ты совсем всё забыла, пока болела. Меня зовут Кристал. — И внезапно закрыла руками лицо и расплакалась: — Мы все так боялись, что ты умрёшь!.. Прости, что я плачу, но мне так не хотелось уходить из этого дома!

По плечи укрывшись одеялом, встревоженная Аня села, спустив ноги на холодный пол. Она приняла чашку из рук Кристал, начиная всё больше беспокоиться о семье, в которую попала. Неужели в ней всё так плохо? Присмотревшись к бледно-жёлтому напитку, пригубила от края чашки, решив считать его главным достоинством то, что он горячий... Отпила, ощутив лёгкий вкус трав, а потом задумалась, глядя на «свои» ноги. Всегда было легко сразу садиться на постели, а затем вставать, но сейчас она резко ощутила слабость и этих ног, и тела. Та самая Агни и впрямь переболела очень сильно?

— Боишься встать? — по-своему расценила её взгляд Кристал. — Но сегодня ты выглядишь гораздо лучше! Давай я помогу тебе подняться. Сначала оденешься, а потом встанешь. Вот рубашка, вот нижнее бельё. Вот платье. Туфли я принесла только домашние. Ведь ты больше не будешь сбегать? Никас сказал — лихорадка закончилась!

— Я тоже надеюсь, что не буду, — пробормотала Аня, вдруг сообразив, что в этом мире побег из этого дома — для неё самый плохой выход во всех смыслах. Ладно — в этом доме её вроде как знают. Но в том мире, который для неё постепенно начинался с этого дома, она не знает жизни от слова совсем!

Руки, силой которых она в своём мире всегда гордилась, у этого тела оказались очень слабыми. Подняла их, когда Кристал принялась надевать на неё длинную сорочку, а они сами упали! Аня даже испугалась. Но девочка спокойно приняла положение и, чуть приговаривая что-то успокоительное, помогла ей подняться, чтобы отвести в комнатку для умывания и прочих гигиенических процедур. Здесь даже ванна была! А потом девочка начала одевать её, как ребёнка. Причём, как чуть позже поняла Аня, этот вариант был весьма замечателен: ведь начини Аня одеваться сама... Да она названия и назначения некоторых предметов одежды и её деталей не знала! Единственное — понравилось, что Кристал неожиданно предложила:

— Наденешь платье или штаны?

Вопрос слегка ошарашил: она-то решила, что попала в мир прошлых веков — ну, примерно, семнадцатый-девятнадцатый, судя по интерьеру помещения, по одежде Кристал и её старшего брата, по цокоту копыт, припомнившегося ей из того болезненного состояния до сна. А тут — штаны для женщины?.. Это что — особая частичка мира, в котором есть магия?

— Ну, если можно, штаны, — нерешительно сказала она.

— Хорошо. Так будет теплей, хотя твоя температура и прошла, а на улице наконец закончились дожди, — энергично кивнула Кристал. — Сейчас оденешься, я принесу тебе мясной бульон, а мальчики выведут тебя в сад.

— Какие мальчики? — ошеломлённо спросила Аня.

— Наши с тобой братья, — улыбнулась Кристал. — Ты и это забыла?

— Но как же... Лисса? — только и сумела выговорить Аня, одевшись полностью. Она,

если честно, поразились: если детей пятеро, то почему мальчик не один, а двое?

Девочка поморгала на неё озадаченно, а потом снова расплылась в улыбке.

— Ты даже забыла, что нашла Лиссу на улице?

Аня открыла рот... и закрыла. Ну, предположим...

Кристал встала и убежала из комнаты, а Аня выдохнула: кажется, все в этом доме уверены, что она потеряла память из-за... Она хмыкнула: странно даже выговаривать — из-за колдовской отравы. Но... Если отравы, то кто ей дал её? Кто-то настолько близкий, что она могла принять что-то съедобное из его рук?

Впрочем, всё это подождёт. Есть дела поважней. Например, как побыстрее прийти в себя и не быть обузой в семье, которая, кажется, и так испытывает лишения.

Итак, здесь есть старший брат, девочка-малышка, девочка-подросток и ещё два брата-подростка, которых она не видела, но Кристал легко назвала их «мальчиками». Интересно, а они какого возраста?.. Но, что называется, к актуальным вопросам примешивались вопросы другие. Всё, что Аня о себе помнила: она ложилась спать. Она замужем? А... её семья? Есть ли у неё дети? Что-то такое вспоминалось, что она вечно куда-то бегала, что-то постоянно делала и кому-то помогала... Она морщилась, напрягала мозги — впустую. Прошое словно отрезали от неё и выбросили...

Вздыхнув, Аня ладонями огладила «свою» одежду: плотная рубашка, длинный жилет с шикарной вышивкой, чуть свободные штаны — эта Агни похудела здорово. Одежда лёгкая и мягкая. Кажется, из довольно дорогих тканей, хоть и потрёпана давним ношением. И кожаные тапочки. Здесь в таких ходят — или именно ей такую обувь принесла Кристал, ну, для больной?

В дверь стукнули. Сначала вошла Кристал, чему Аня очень удивилась: ей-то зачем стучаться? Но следом появились два подростка чуть старше Кристал — четырнадцать им или пятнадцать? Один — тёмно-русый и невысокий, коренастый; второй — почти чёрненький, высокий и худощавый. Если тёмно-русый выглядел крепким и сильным, то второй казался очень хрупким. Хотя первое впечатление обманчиво: чёрненький отошёл вглубь комнаты и принёс к кровати небольшой стол — явно из тяжёлых пород дерева.

— Привет, Агни, — тем временем поздоровался с ней тёмно-русый. — Кристал сказала, что ты поправляешься, но ничего не помнишь...

— Я... Ну, я кое-что... — беспомощно залепетала Аня.

— Да ладно, не горюй, — вмешался чёрненький. — Меня зовут Греди, а это — Кеган. Ты хотя бы помнишь, что мы двойняшки?

— Двойняшки? — прошептала Аня.

А мальчики рассмеялись и быстро накрыли стол: постелили скатёрочку, при виде которой Аня вполнощённо подумала: «А есть ли здесь моющие средства и как тут у них с гигиеной?!», потом поставили корзинку с ломтями чёрного хлеба, которую и принесла Кристал, прежде чем снова убежать из комнаты.

— Ты вовремя начала выздоравливать, — звонко сказал тёмно-русый Кеган. — У нас пока ещё есть мясо. А с него ты поправишься быстро.

— Греди! — раздался приглушённый дверью крик Кристал. — Откройте мне! У меня руки заняты! Быстрее!

Аня ожидала, что девочка появится с кастрюлей в руках, но Кристал принесла какую-то плоску, в которой дымилось невнятное варево, а в нём покачивалась ложка.

Они накормили её супом, состоящим из мяса и бульона, на дне обнаружилась крупа.

Кроме соли, специй Аня не прочувствовала. Кристал принесла ещё одну тарелку, плоскую — для мяса, которое надо было крошить. Мальчики к этому времени ушли, так что Аня разделила кусок на три части — себе, Кристал, которая даже из вежливости не стала отнекиваться, и Лиссе, ворвавшейся в комнату и сразу протянувшей ладошки:

— Дай!

Отрезая по кусочку, Аня опять слегка испуганно размышляла, приучила ли их та Агни к кусочничеству (или попрошайничеству?), едят ли дети вообще мясо? И кто варил этот суп? Мясо разварилось достаточно хорошо, хотя чувствуется переваренность.

Лисса, одетая в то же мягкое платьице, в котором была, когда спала под бочком Ани, съела свою порцию первой и, ожидаемо для Ани, немедленно осмотрелась, справились ли едоки со своими кусками. Сморщилась от досады: опоздала! И схватила последний ломоть хлеба. Кристал спокойно восприняла жадность девочки, и Аня решила помалкивать, но потом обязательно разобраться, почему Лисса так себя ведёт и почему ей так себя вести позволяют.

Почти одновременно пришли мальчики. Кристал унесла посуду. А Кеган накинул на плечи Ани то ли покрывало, то ли плед и помог подняться. И вся компания сопровождала Аню в сад. Аня, вообще-то, поначалу ожидала, что её просто оставят среди яблонь на какой-нибудь скамеечке. Однако, когда вышли из комнаты, она, бережно ведомая под руки, сообразила, что и речи нет об обыкновенном деревенском или дачном саде, представшем в воображении при одном только слове «сад».

Оказалось, что «её» комната находится на втором этаже. И если в комнате сейчас, когда Кристал раздёрнула шторы на окне, купалась в солнечном свете, то в коридоре было довольно темно... Сквозь болтовню ребятишек Аня слушала, как поскрипывают деревянные полы, отмечала, что под ногами не обычные половицы, а деревянные интарсии, складывающиеся в причудливый геометрический рисунок.

Спустилась она с помощью «братьев» и «сестры» и в сопровождении радостно подпрыгивающей Лиссы в полутёмный холл, похожий на крестьянскую избу летом, когда на улице солнце, но в помещение не попадают. Мгновенное удивление, когда осознала сравнение с деревенской избой: «Я была... деревенская?» Машинально взглянула на руки. Необычно длинные пальцы и чуть ли не аристократические тонкие запястья привели в чувство, заставив грустно улыбнуться: «Хочешь узнать, кто ты, по чужому телу?»

— Ты уже хорошо стоишь на ногах, — одобрительно сказал разговорчивый Греди. — Как ты хочешь выйти — через парадный вход или из задней двери?

— А можно... — робко начала Аня. — Можно через парадный вход, а потом обойти дом и посмотреть на заднюю дверь?

Мальчики переглянулись, а потом уставились на Кристал. Вновь удивлённая, Аня тоже взглянула на девочку. Почему они смотрят на сестру? А Кристал явно над чем-то размышляла, после чего кивнула братьям и сказала:

— Я сумею её поддержать. Бегите. Никас ждёт вас.

Глядя со всех ног удирающим куда-то мальчишкам, Аня не удержалась:

— Куда они?

— Никас работает, а братья помогают ему, — спокойно ответил Кристал, словно решила не обращать внимания на то, что вопросы Ани слишком... наивны для человека, который всего лишь забыл кое-что из прошлого. Или для девочки-подростка человек, задающий такие вопросы, и в самом деле — это нормально? Придётся ещё немного выждать

— решила Аня, чтобы разобраться во всём.

Лисса, носившаяся вокруг них, помчалась вперёд — к двери, за которой пропали братья. Она с трудом потянула на себя эту высокую и явно тяжёлую дверь за резную ручку. И через пару минут Аня, невольно подаваясь вперёд (тёплые солнечные лучи мягко легли на лицо), под руку с Кристал вышла на крыльцо с четырьмя небольшими колоннами, а затем осторожно сошла по лестнице в несколько ступеней. И, пройдя ещё несколько шагов, чуть потянула за локоть Кристал, чтобы та остановилась. Девочка послушно встала на месте, а Аня обернулась и от неожиданности открыла рот.

Дом вздымался перед ней в два этажа, сверху словно нахлобучив шляпу — крышу крутоголовой и продолговатой мансарды. Впереди же — Аня снова развернулась — простиралась (другого слова не нашла) дорога между когда-то красиво подстриженных кустов, сейчас разросшихся. Дорога заканчивалась воротами из выкованных больших дубовых листьев. Этих листьев было так много и все они так гармонично соединялись между собой, что Аня невольно застряла взглядом на воротах, пытаясь проследить за игрой соединения.

И, только услышав рядом смехок, очнулась.

— Ты опять попалась! — весело сказала Кристал. — Вечно одно и то же!

— Почему — попалась? — спросила Аня.

— Ворота заговорённые с обеих сторон, и ты всегда останавливалась, чтобы посмотреть на них долго-долго!

— А на что заговорённые?

— От чего, — поправила Кристал. — От враждебного глаза.

— А от сестры моего мужа, значит, это не спасло, — задумчиво сказала Аня.

— Ну, твой муж не думал, что она будет настолько жадной, — спокойно сказала девочка. — Лисса, не уходи далеко!

Малышка вернулась с букетиком розовых цветов и, взяв Аню за руку, пошла рядом, болтая о других цветочках. Уже втроём они обогнули дом по каменным плиткам дорожки, и Аня вновь вздохнула от полноты впечатлений: позади здание было украшено пристроем, больше похожим на архитектурный памятник, чем на открытую террасу, в глубине которой пряталось нечто похожее, если судить деревенскими терминами, на крыльцо. Навес террасы поражал изысканной лепниной — Ане ещё показалось, что слишком тяжёлой. А вокруг столько всяких небольших декоративных столбов, поддерживающих крышу пристроя, и вазонов — с цветами! Но больше всего терраса показалась памятником не столько из-за своих форм, сколько из-за того что её обросли настоящие кустарниковые заросли. Приблизившись, Аня сообразила, что в основном это плющ, хотя о нём знала лишь понаслышке да на фотографиях видела.

Кристал подвела её к солидной скамье под круглой крышей (портик, что ли?) — из какого-то камня, и помогла сесть. Рядом сначала примостилась Лисса. Но её кипучая натура не выдержала долгого сиденья на одном месте, и малышка сбежала куда-то в высокие кусты. Аня даже заволновалась: не заблудится ли в них девочка? И успокоилась, когда та снова выскочила к скамье.

А когда Аня посмотрела от террасы дальше, оцепенела: громадный сад (даже отсюда видно) постепенно переходил то ли в лес, то ли в парк, одновременно делясь надвое громадной чашей воды! Что это? Пруд? Озеро?

— Это... — Она запнулась, потому что горло перехватило от полноты впечатлений. —

Это всё наше?

— Нет. Там, где высокие деревья склонились к воде, отсюда не видны решётки, отделяющие нашу часть озера от соседних поместий. Жаль, ты не умеешь плавать, — вздохнула Кристал. — Никас успел починить купальную беседку — через два-три солнечных дня могли бы и искупаться все вместе.

«Как это не умею плавать! — про себя возмутилась Аня, вовремя спохватившись и закрыв рот, потому как едва не выдала себя. — Очень даже умею!»

— Ну вот, — продолжила Кристал. — Вот это всё твоё...

А Лисса с писком поскакала по дорожке к садовым деревьям — кажется, к яблоням.

Глядя ей вслед, Аня вдруг прочувствовала, как холодная волна прошла по позвоночнику. «Вот это всё твоё...» И память будто прорвало. Она вспомнила.

Глава 2

В своей семье она всегда была изгоем. Почему? Не знала до последнего....

Как только ей исполнилось семь лет, её к себе, в деревню, забрала бабушка со стороны матери. Дед на внучку внимания не обращал, смотрел мимо — так, как будто и нет её в избе, а бабушка, устроив Аню в деревенскую школу, то и дело ворчала на её родителей: «Совсем уж девчонку забросили! Уж не могли как-то иначе...» И тут же замолкала, не объясняя, что она имеет в виду под словом «иначе».

Но Ане в деревне понравилось. Можно бегать в школу с подружками и друзьями, потом возвращаться домой, где никто на тебя не прикрикнет только потому, что бросила школьную сумку в сених и убежала гулять. Правда, работать тоже пришлось — и много, но она не удивлялась и не отнекивалась: деревня же! И подружки так же много работают!.. И даже новости о том, что у мамы родился братик, а потом и сестричка, как-то не слишком её впечатлили. Это было... где-то далеко. Тем более в город девочку не возили ни разу за несколько лет. Вскоре Аня выросла настоящей деревенской жительницей: она не просто помогала деду и бабушке по дому, но работала в огороде, в саду, научилась прясть овечью нить, которую покупала бабушка, по мелочи шить и вязать...

Но пришло время — и родители вновь перевели её в городскую школу. Сначала Аня удивлялась и тосковала по деревенской вольнице. А потом начала понимать: её перевезли в город, чтобы она нянчилась с младшими и хозяйствовала по дому. Все домашние дела легли на её плечи, причём благодарности к ней никто не испытывал. Только покрикивали да ругали за малейшую провинность. Единственным просветом стали школа и книги. Читала много и запоем, едва выдавалась свободная минутка, хотя... Чего уж. Свободного времени было ой как мало...

Когда приезжала бабушка, Аня втихаря умоляла вновь взять её к себе, а та лишь вздыхала. Потом девочка закончила школу и только было заикнулась о поступлении в вуз (оценки хорошие — почему бы не попытаться?), как на неё наорали так, обозвав неблагодарной и обвинив во всех грехах, что она почувствовала себя и впрямь виноватой, а потому смирилась и продолжила ухаживать за младшими братом и сестрой. Те, к слову, глядя на родителей, тоже взяли в привычку командовать ею.

По сути, она превратилась в прислугу, которая ещё и деньги зарабатывает: мать устроила Аню на полставки техничкой в ближайший продуктовый магазин. Правда, ежедневная работа не стала аргументом для «отлынивания» от работы домашней, как это называл отец, всегда очень суровый к старшей дочери.

Как-то незаметно вырос брат, начал учиться в вузе, куда поступил на платной основе. Мать тут же перевела старшую дочь на другую работу: соседка по дому ездила в составе большой бригады на стройки в крупный город, работала вахтой, а теперь с собой ещё и прихватывала Аню. И родители, снова задурив старшей дочери голову и снова заставив прочувствовать себя обязанной всем членам семьи, заставили девушку не приезжать домой на две недели вахтового отпуска, работать непрерывно: нужны были деньги и для оплаты обучения брата, и для будущего поступления младшей сестры...

Потом она работала, отдавая деньги для капитального ремонта в доме, который она уже не могла назвать своим родным и куда её почти не пускали, требуя работать и работать только для семьи. Пара неудачных знакомств в строительной бригаде подсказала, что лучше

не иметь никаких отношений с мужчинами и не надеяться на бегство из семьи хотя бы по такой вроде как уважительной причине — с помощью замужества. Едва только родители замечали, что со старшей дочерью происходит нечто, что для них невыгодно, они немедленно собирали «семейный совет», на котором устраивали скандал с обвинениями в дочерней неблагодарности, давя на совесть. А совесть, как выяснилось, у Ани была весьма ранимой...

Научившись не самым сложным строительным специальностям, Аня вскоре была вынуждена работать и в квартирах брата и сестры: родители им купили квартиры в расчёте на её помощь в ремонте... Однажды она всё-таки решилась сбежать от такой жизни. Взяла документы, собрала сумку — словно для новой поездки на вахту... Сестра пришла не вовремя. Пренебрежительно глянула на сумку и спросила:

— Куда намылилась, сиротка?

— Что... — Горло перехватило. Так её ещё никто в семье не называл.

— А что? — уже презрительно спросила та. — Тебе ещё не сказали, что ты детдомовка? Что тебя взяли, потому что у родителей не получалось с детьми, а ещё потому, что есть примета: берёшь детдомовского ребёнка — и получаешь своего? Ну? Так ты скажешь, куда вещички собрала?

Она, потрясённая, ничего не соображающая, вышла на улицу, в дождь.

И дождь был сильным. И она, ошеломлённая, шла, вспоминая свою жизнь в деревне и у «родителей» и, наконец, понимая, почему так жила. И пошла она не по пешеходной дорожке, а по дороге перед домом... А из-за угла вывернула машина...

Нет, не уснула она в своей постели...

... И вот оно.

— Мой дом, — тихо проговорила Аня, пробуя на вкус странные для неё слова. И услышала обрывок из того, о чём увлечённо рассказывала Кристал.

— ... На целых девять лет, Агни!

— Прости, Кристал, я задумалась. Что ты сказала про девять лет?

— Твой муж, дин Хармон, заплатил налоги за этот дом на десять лет вперёд, — повторила девочка. — То есть оставил у стряпчего деньги в рост — строго на оплату налога. Прошёл год, как мы можем жить здесь, не платя за него. Ну а потом... Одна надежда, что мы успеем вырасти и найти другой дом. Хотя Никас и шутит, что мы все к тому времени обзаведёмся своими семьями, но мне очень жаль, если это поместье придётся покинуть. И жаль, что Никас получает гроши на своей работе, а то бы мы жили здесь всегда.

И она мечтательно обернулась к дому, который и в самом деле выглядел потрясающе, облитый светлыми солнечными лучами.

Аня тоже залюбовалась зданием. Двухэтажное, просторное, с несколькими пристроями, которые она углядела, но пока ещё не поняла, зачем они нужны... Девять лет осталось? «Ни фиги, — вдруг мрачно, совсем не привычно для себя подумала она. — Этот дом мой — и останется моим! Настоящим моим домом! И попробует только хоть кто-то встать у меня на дороге и отнять его!»

И криво ухмыльнулась своим фантазиям и боевому настроению: «Хм, развевалась! А ничего, что ты только что свалилась в этот мир? Ничего, что ты даже не знаешь, кто ты здесь — во всех смыслах? Да и дома... кем ты была? Безгласной прислугой — не более! Почему ты не возмущалась — там?! Неужели же ты здесь станешь иной? А... А почему бы и нет? Меня

здесь знать не знают! Можно начать жизнь... с белого, чистого листа! Да ещё... хозяйкой громадного дома!»

Дух захватило от последних мысленных слов. Хозяйка дома — и какого дома... Ничего себе... И тут же чуть не рассмеялась: ведь только что сидела ссутулившись, а после произнесённых мысленно слов даже не заметила, как выпрямила спину! Словно и впрямь хозяйка!

Она хотела было спросить у Кристал, а где же работает Никас, но спохватилась и промолчала. Глянув на сидевшую на каменистой тропинке Лиссу, беспечно мурлыкавшую какую-то песенку, перебирая при этом собранные цветы, Аня усмехнулась: вот кто поможет ей узнать обо всех обитателях дома!

И произошло это очень скоро. Помявшись немного, Кристал отпросилась у неё, сказав, что в доме ждут дела. Только с сомнением, уже вставая, спросила:

— Ты справишься без меня? Не упадёшь? Не сбежишь? — и тут же кивнула себе: — Ты не выглядишь больной, как вчера. Наверное, тебя можно оставить без присмотра?

— Беги-беги! — улыбнулась девочке Аня, поспешно соображая, как разговорить Лиссу. — Если что — Лисса позовёт тебя на помощь.

— Позову! — обрадовалась малышка. — Иди, Кристал! Я позову!

Когда за девочкой в глубине террасы закрылась не такая высокая дверь, как парадная в холле, Лисса шустро подбежала к Ане и требовательно спросила:

— А ты больше вообще ходить не будешь сегодня? Или умеешь, но не можешь?

— Ты знаешь, — задумчиво сказала Аня, — наверное, мне надо шагать побольше, чтобы окрепнуть. Так что давай гулять и болтать обо всём. Согласна?

И они медленно начали спускаться к водоёму, который Аню так и притягивал ослепительными солнечными бликами по мелким голубым волнам. Сначала Аня боялась, что непоседливой малышке надоеет только брести рядом со взрослой женщиной, но Лисса быстро нашла выход из положения: то и дело выкручивая ручонку из ладони Ани, она стремительно бежала либо вперёд, либо вокруг женщины, а набегавшись, возвращалась и снова важно бралась за руку Ани.

Итак, что рассказала Лисса, которую Аня слушала очень внимательно и старалась запомнить абсолютно всё, даже по мелочи.

В доме, кроме семьи из братьев и сестёр, находятся ещё две женщины — повариха и служанка. Им не платят — чему Аня поразились и поначалу даже хотела перепроверить информацию, которую выпалила малышка. Однако дальнейший рассказ Лиссы прояснил ситуацию: обе женщины — древние старушки без своих домов и семей, а потому, после того как из дома после смерти хозяина ушли обычные слуги, эти две умолили «ту» Агни оставить их в доме и платить не деньгами, а едой и кровом. Уборка у них, как и готовка, получается только самая примитивная. Но, если учесть, что саму Агни, Кристал и, естественно, братьев, как господ, почти не подпускали ранее, до смерти её мужа, к кухне, то живущим в доме приходилось мириться и с такой стряпнёй...

А стряпня... Кажется, Никас не умел вести домашние денежные дела: когда он получал деньги за свою, пока неизвестную Ане работу, все обитатели дома объедались по полной, а потом жили чуть ли не впроголодь, на воде с лепёшками, до его следующей выплаты... Огород при доме был, хоть и небольшой. Садовника не было. Кристал не успевала справляться с посаженным, а братья не вмешивались в женскую работу. Хотя... Прислушавшись к болтовне малышки, Аня подумала: «А просила ли Кристал братьев о

помощи? А если и они работают где-то физически, а потому девочка и не желала привлекать их к огородным заботам?»

Солнце начинало не просто греть, но ощутимо припекать. И Аня со слабой улыбкой подумала, носят ли здешние женщины шляпки...

— А в подвале живёт страшная ведьма! — угрожающим или запугивающим голосом поведала Лисса, подпрыгивая на одной ножке.

— Как это? — не поняла Аня. — Что за ведьма? Почему страшная? Почему в подвале?

— Потому что её только Никас не боится, — сообщила малышка. — А я подсмотрела, как он носит ей еду... У-у, какая страшная! Она рычит и бросается на всех!

— А зачем к ней Никас ходит? — удивилась Аня.

— Ну, кормить-то её надо, — философски сказала Лисса, и Ане почудились в её голосе интонации кого-то из взрослых, которые, наверное, при ней обсуждали странное положение дел. — Помрёт же без еды.

Совершенно обескураженная последней информацией, Аня проследила, как малышка с радостным визгом пролетает мимо странного сооружения, очень похожего на пляжные раздевалки (та самая купальная беседка?), подбегает к самой воде и, как ни странно, осторожно встаёт на доски, плотно пригнанные друг к другу и чуть вздымавшиеся над водой. Мостки? Лисса деловито окунула в воду собранные цветы, встряхнула и обернулась к женщине:

— Хочешь водичку потрогать? Тёплая!

— Но ведь вчера было холодно!

— Ты что?! Вчера шёл дождь — вот и холодно было. А так — вода давно согрелась!

«Между прочим, плаванье — неплохой способ вернуть это тело в здоровое состояние, — решила Аня, присаживаясь рядом с малышкой и прикасаясь и в самом деле к тёплой воде. — Окрепну быстро. Вот только... Как быть с убеждением моей семьи (она улыбнулась), что я плавать не умею? Ладно, подумаю ещё, что можно придумать...»

Вставала с корточек тяжело. Даже очень хотелось сначала свалиться на колени, а потом и вовсе сесть на край мостков, опустив ноги в воду, чтобы отдышаться, а потом вперевалочку подняться. Нет, та Агни либо и в самом деле сильно болела, либо всегда была хрупкой и болезненной. И Аня снова подумала, глядя на чистую гладь озера: «Плавать бы здесь каждый день — за неделю бы в норму пришла!» Она вспомнила, как в деревне приезжие городские ребята учили деревенских плавать, представила, как будет взмахивать руками и стремительно плыть по чистейшей, прозрачной воде... И вздохнула от счастья.

Лисса проследила за её подъёмом и сочувственно сказала:

— Зато ты дошла до озера!

Надо считать так, что Агни до озера дойти не могла?

С трудом вернулась к скамье на заднем дворе и свалилась на неё. Лисса, продолжая щебетать о чём-то своём, всё так же носилась вокруг да около. Аня, подставив лицо припекающему солнцу, задремала. Правда, сон был очень чуткий, и неосторожный выкрик Лиссы, бегающей рядом, заставил её открыть глаза.

— Кристал, Кристал!

Старшая девочка оказалась в пяти-шести шагах от скамьи. Выглядела она ужасно усталой, а пока шла к Ане, та успела заметить, что руки у неё припылённо грязные. Судя по тому, что из фартучного кармана торчал пучок трав, она работала на огороде?

Кристал плюхнулась рядом с Аней и вздохнула.

— Устала? — посочувствовала Аня.

— Грядки слишком большие, — не стала скрывать девочка. — Я всё делала, как раньше садовник делал и повариха, но они же взрослые! А сама не справляюсь. Хорошо, что повариха ушла недавно: хоть какие-то мне грядки сделала, а то бы я вообще не знала, с чего начинать. Но... их слишком много.

— Покажешь? — заинтересовалась Аня.

— Ты же никогда раньше не хотела даже посмотреть на огород! — удивилась Кристал.

— Когда-то же надо начинать, — усмехнулась Аня. — А вдруг я после болезни изменилась? И что-то мне теперь нравится?

— Пойдём! Пойдём! — обрадовалась Лисса. — Там ягодки есть!

Кристал вытерла рукавом пот с лица и некоторое время сидела, не двигаясь, словно тоже замороженная небесной гладью озера, а потом пожала плечами.

— Пойдём.

Прихватила подол слишком длинного и свободного платья и встала, подавая руку Ане.

— А почему ты в платье? — вырвалось у Ани. — В огороде работать легче, если надеть штаны. Или мне так только кажется?

— Ты и это забыла, — уже привычно и понимающе улыбнулась Кристал. — Агни, я выросла. И могу надевать только твои старые платья. Штаны на меня надо купить или сшить. А мы не умеем, и... Ладно, пойдём.

Она не договорила и потянула «старшую сестру» к углу террасы. А Аня подумала: «Как бы найти здесь... гардеробную? Остались ли здесь вообще вещи, чтобы попробовать из них перешить для девочек хоть что-то? А мальчики? Никас? Впрочем, они, наверное, если работают, то вынужденно тратят деньги на приличную одежду?»

Завидев грядки, которые так измучили Кристал, Аня постаралась не выказать своего удивления: бабушка обычно сажала сто-олюк овощей, чтобы хватило не только для домашних в деревне, но и на городскую семью. А здесь... Корявые и плохо ухоженные, грядки выглядели жалким подобием махонького огородика.

Постояв перед ними, заросшими сорняком, из которых высовывались стрелки лука, кружевные листья моркови, Аня вздохнула: всё это прополоть нетрудно, а потом надо бы ещё и поливать, если лето здесь, как обещали, довольно жаркое. Приглядевшись, заметила листья петрушки и даже... она ступила шаг вперёд, чтобы убедиться, что и в самом деле видит чахлые помидорные кустики.

— Вот такой у нас огород, Агни, — вздохнула Кристал и прикрикнула: — Лисса, не трогай! Ягодки ещё незрелые!

Пока девочка выговаривала подбежавшей Лиссе, Аня пришла к выводу: чтобы начать работать в полную силу, ей нужно не только выздороветь, но и убедить всех, что она начинает жизнь с белого листа. А как это сделать — убедить? Просто!

— Кристал, а в доме есть библиотека?

— Есть, только до неё не добраться, — не оборачиваясь, сказала девочка, которая поймала озорную малышку за руку и с трудом удерживала её на месте. — Кабинет дин Хармон магически закрыл.

— Почему? — удивилась Аня, хватая Лиссу за другую руку, чтобы та не сбежала.

— Ты рассказывала, что он боялся за тебя. Ты же магически слабая. Могла что-то не так сотворить с заклинаниями и попасть... ну, в неприятное положение. А потому сделал такое заклинание, которое открывало тебе библиотеку, но не сразу.

Аня открыла рот — и закрыла. «Я... то есть Агни... маг? Ну и что, что слабый... Ух, как интересно!.. А я? Я в её теле — маг? Кого б спросить...»

А Кристал неожиданно добавила:

— Зато дин Хармон постоянно покупал тебе дамские журналы, где есть разделы домоводства и разведения цветов. Ты забыла о своём кусочке сада, в котором выращивала любимые розы?

— Смутно помню, — медленно сказала Аня, сообразив две вещи: именно эти дамские журналы помогут ей справиться с хозяйством — а именно обосновать её умение вести его, а ещё — дин Хармон, кажется, любил свою жену. Любопытно, есть ли в доме его портреты? Ведь в эти времена, наверное, вместо фотографий часто использовались картины? Ладно, не всё сразу.

— Он тебе и дамские романы покупал! — весело сказала Кристал. — Много!

— Ты читала? — изумилась Аня.

— Одну или две книги! — хихикнула девочка. — Они такие смешные!

— А где эти книги и журналы?

— Как где? У тебя в комнате.

Аня с недоумением вспомнила пустую комнату, в которой пришла в себя. Что-то не похоже это помещение на комнату женщины, которую баловал муж.

— Ой! — спохватилась Кристал и заглянула ей в лицо. — Тебе же надо всё рассказывать, пока сама не вспомнишь! Твоя комната не та, где ты проснулась сегодня!

— Не поняла, — призналась Аня.

— В ту комнату — ну, где ты лежала, тебя велела переселить дайна Мор, здешняя целительница. Ты же не только сбегала, но и... — Девочка пожала плечами. — О стены билась и всё ломала и рвала.

— Вот как... — задумчиво произнесла она и взмолилась: — Кристал, пожалуйста! Давай присядем на скамью и посидим немного! Я устала!

— Кристал! — закричала Лисса. — У Агни ножки устали!

— Вы посидите здесь немного, а я сбегаю на кухню и предупрежу, что сегодня мы будем обедать в столовой зале.

И Кристал убежала, а Аня почувствовала, как отяжелела голова: столько всего надо запомнить! Но дамские журналы!.. Побыстрее бы до них добраться!

Благое дело, о котором малышка Лисса не подозревала, но была тому соучастницей! Придя на обед, Аня назвала старых служанок Сайл и Бридин по именам — и те аж всплакнули от радости при виде выздоравливающей хозяйки, но главное — обрадовалась Кристал:

— Ты вспомнила! Вспомнила их!

Как хорошо, что малышка была далековато от них: по настоянию старшей девочки, она мыла руки. Пока обе служанки проливали слёзы умиления, Аня проинспектировала поданное блюдо и обнаружила всё тот же суп, который ей давали на завтрак. «Пока мясо есть — варят? — промелькнула догадка. — Но почему без зелени? Получилось бы больше и вкусней! Ладно, и с этим подождём!»

После обеда девочки отвели Аню в «её» комнату, и она замерла уже на пороге, открыв рот — всматриваясь в светлое, полное солнца помещение, где весь интерьер состоял из светлой мебели. Глаза скозились на высокий узкий шкаф, за стёклами которого виднелись, кажется, корешки книг и журналов. Но тело Агни оказалось всё ещё слабым, несмотря на

эйфорию Ани, так что, когда Кристал подвела её к кровати с нежнейшей постелью, Аня чуть не рухнула головой на подушки.

... Два дня она делала утреннюю зарядку, плотно изучала дамские журналы, выяснив, что умеет читать — не вполне бегло, едва ли не по слогам, но пока приемлемо. И обходила дом, запоминая, где что находится. Оказалось, что жилые комнаты — все на втором этаже. А на первом — не считая кухни и столовой, располагалась та самая магически закрытая библиотека, а также кабинет её умершего мужа (осознание пришло не сразу: «Здесь я вдова?»), ну и плюс ко всему гостиная, в которой дамы обычно принимали гостей. По утрам, рано-рано, когда весь дом спал, она втихаря бегала (если её ковыляние можно так обозвать) на огород и приводила в порядок грядки: первым делом проредила морковь, которая росла густо — на радость неопытной Кристал, которая потом даже испугалась, увидев обработанную грядку; затем прополочла, сколько сумела, остальное... Выпрямившись и схватившись за поясницу, Аня осмотрела огородик и кивнула себе: теперь надо бы научить девочек поливать грядки. А то, кажется, Кристал решила, что возня с ними ограничивается только прополкой.

За эти два дня Аня чего только не узнала! Никас, оказывается, работал помощником писаря при суде. А мальчики утром учились в школе, а вечерами прислуживали какому-то богатому магу, в его лаборатории создавая нехитрые — универсальные, как выразился Никас — зелья.

Вечером второго дня она, разговаривая с Никасом об огороде, нечаянно — точнее увлѣкшись и не заметив того, спустилась по какой-то лестнице в подвальное помещение.

— Подожди, — внезапно строго сказал парень, и она, словно очнувшись, увидела в его руках миску с чем-то съестным. — Тебе лучше не входить. Рано ещё.

— Я подожду, — пообещала Аня, ничего не понимая.

Он прошёл ещё немного и отодвинул щеколду засова на одной из немногих здесь дверей. Оглянувшись на Аню и будто удостоверившись, что она держит обещание, он шагнул в невидимое отсюда помещение. Буквально с первым его шагом из этого помещения раздался такой свирепый рык, что по телу Ани побежали ледяные мурашки.

И, лишь когда они вернулись на первый этаж, она вспомнила, что ей сказала Лисса.

Малышка сказала, что в подвале сидит «страшная ведьма». Но... Как спросить у Никаса, кто это? И за что её посадили туда? И разве такое возможно в этом мире, чтобы держать в... в чуть ли не плену женщину? Промолчала, отодвинув проблему до того времени, как освоится здесь.

... К третьему дню пребывания в этом странном доме и мире Аня разложила дамские журналы по кучкам, гусяным пером, макаемым в чернила (что заставляло её хихикать: клякс-то понаставила!), написав на каждом из них примерное содержание хозяйственных разделов. Надписи ей не были нужны — в этих журналах маловато было советов по огородным делам. Зато Кристал поразилась, узнав, что в них есть нечто полезное. Девочка журналов не читала — её больше привлекали дамские книги, так что поверила Ане на слово, как вести огород.

Далее Аня нашла нитки и иголки и засела за шитьё, разбросав вокруг себя журналы, открытые на страницах здешних мод. Штаны шить она не умела, но подогнать «своё» платье под размеры Кристал, а для Лиссы сшить новѣхонькое платье из груды платьев, найденных в

небольшой гардеробной при «её» комнате, — почему бы и нет? Особо порадовал тот факт, что здешние ткани не крошатся — и оверложивать края выкроенных деталей необязательно. Для Кристал платье было готово к вечеру. Девочка так бурно радовалась, что до слёз! Аня тоже радовалась. Но больше радовалась, что Кристал, переодевшись, убежала показать обнову. Вот тогда Аня, охая от боли во всём теле (насиделась в одном положении, орудуя иглой!), встала и, согнувшись настоящей бабой Ягой, долго стояла у стены, постепенно приходя в себя. Счастье, что лето! И долгий солнечный вечер не потребовал зажигать свечи. Вечерами, зажигая их, Аня разочарованно убедилась, что читать при пламени свечи невозможно. Разве что попросить «брата», чтобы он нашёл где-нибудь канделябр на несколько свеч, чтобы поставить его на стол.

... К вечеру пятого дня Аня настолько окрепла, что решилась на ночное приключение.

Как и обещала Кристал, Никас повёл в выходной день всю компанию братьев и сестёр к озеру. В купальной беседке, смеясь от ожидания и счастья, молодёжь переделалась в короткие штанишки и рубашки без рукавов (Лисса вообще осталась в коротком платье) и побежала к воде. Увы — Ане искупаться не пришлось: она же «не умела»! Довелось только побродить по мелководью, благо что песок был почти как на пляже. Пока все веселились в воде: кто плавал по-собачьи, кто просто стоял по пояс в воде и руками создавал вокруг себя сверкающие водяные брызги, а Никас — на зависть всем своим — несколько раз переплывал с одного берега на другой, Аня покорно изображала из себя не умеющую плавать.

Итак, с пятого на шестой день...

Выждав, когда в доме всё затихнет, она выскользнула из своей комнаты и осторожно пробежала по длинному коридору, который выводил к огромному окну. Быстро повернув защёлки, открыла одну раму и вылезла на крепкие плети плюща. С трудом удерживая улыбку, Аня съехала по этим плетям вниз и, встав на месте, прислушалась. Всё так же тихо. Только в саду и в кустах вокруг дома перекликаются ночные птицы, да где-то за домом гудит и ухает сова. «Настоящий приключенческий фильм!» — тихонько засмеялась она и нетерпеливо поспешила к купальной беседке. Здесь она переделалась — точнее, сбросила с себя всё, оставив только короткую сорочку. Выглянув из беседки, осмотрелась. Тихо. Безлюдно. И побежала к мосткам. Посидела на них, бултыхая ногами в воде, а потом вернулась к песчаному берегу и постепенно, затаив дыхание от счастья, вошла в воду, свежую, тёплую, а по ногам при ходьбе по дну — чувствительные тонкие струи. Мягко и быстро — кролем, которому научили в деревне! — рванула вперёд, наслаждаясь ночной свободой и водой.

Памятуя о том, что тело всё ещё слабое, она быстро вернулась к беседке и, отжав волосы, немного посидела, прежде чем снова решиться на плаванье. Осмелела и поплавала с удовольствием ещё. Выходя из воды и чувствуя утомлённые мышцы рук и ног, снова начала отжимать волосы — и вздрогнула от невероятного (здесь же никого!!) голоса за спиной:

— Не знал, что ты умеешь плавать!

Глава 3

Аня оцепенела на месте. Ей показалось, она стоит в этом оцепенении вечность, пока тёплая озёрная вода мелко плещется вокруг неё, обвивая ноги... Коса, которую она выжимала, тяжело выпала из застывших рук... Внезапно словно кто-то безжалостный резко перевернул над нею ведро с мелкими, но замороженными осколками льда. В следующий миг она поняла главное: стоит-то она всего лишь по колено в воде! Успела-таки приблизиться к берегу!..

И — дала стрекача!

Она удирала со всех ног, некрасиво поднимая коленки и разбрызгивая в сторону воду, — знала про некрасивость даже сейчас и плевать на неё хотела!.. Каким-то чудом подхватила сложенную возле купальной беседки одежду и те самые меховые галошки-тапки, в которых ходила до сих пор. И босиком помчалась к террасе дома, уже зная о маленькой неприметной дверце рядом с основной дверью в «служебные» помещения. Мчалась и не понимала: то ли сама шелестит высокой травой (проскочила сначала мимо каменистой дорожки), бьющей по ногам, то ли за спиной и в самом деле кто-то преследует её, сопя от натуги.

Влетела под навес террасы, нырнула под свисающие с потолка на верёвке пучки сушёных трав и шлёпнула ладонью по деревянной поверхности потайной дверцы, выдохнула: — Сезам, откройся!

Дверца будто выстрелила на её всполошённые интонации, немедленно открывшись в темноту помещения.

Аня заскочила в гостеприимную тьму и одновременно с новым движением дверцы развернулась. Та закрылась с едва уловимым щелчком.

Принцип потайной магической защёлки объяснил Никас. На дверце уже есть заклинание «хода для своих»: так что, если ты вышла из дома и в мгновения перехода через порог произнесла определённую фразу, дверца всегда будет откликаться на эти слова, открываясь и тут же закрываясь.

Угомонив дыхание, Аня нерешительно сделала маленький шагок к дверце и прислушалась. Тихо. Только ветер шелестит по травам и кустам, да среди плетей плюща.

Поколебавшись, она встала вплотную к деревянной стеночке, сейчас отделявшей её от потенциального преследователя. И осторожно прислонилась-прижалась к ней ухом. И снова заледенела на месте, заслышав чьи-то шаги. Человек остановился не у потайной дверцы — слава Богу, хоть это счастье... Он прошёл по деревянному настилу террасы и остановился у видимой двери в дом. От напряжения забывшая дышать, Аня расслышала два невнятных звука. А потом — не сразу, через долгие секунды, — удаляющиеся шаги. Несколько шагов. Потому как слышны они были, пока неизвестный шёл по деревянному полу. А когда оказался на каменной дорожке, шаги пропали.

Дыша ртом от старания, Аня начала приходить в себя и почувствовала, что замерзает. Одно дело — плавать и очень энергично в тёплой воде. Другое — стоять в мокрой сорочке, с которой до сих пор капает, в прохладе летней ночи. Но пошевелиться она пока ещё побаивалась: один из звуков возле главной двери с террасы в дом она узнала. Звук — когда неизвестный попробовал-таки открыть дверь... А потом её вдруг окатило жаром: Аня вспомнила второй звук! И стало неловко... Неизвестный то ли едва слышно фыркнул, то ли

хмыкнул насмешливо... Над кем он посмеялся? Над беглянкой в неподобающем виде? Или над собой, что поймать не успел?

Помотав головой, Аня велела себе не раздумывать над глупостями. Не хватало ещё — снова заболеть! Пора идти в дом. Но как это сделать так, чтобы неизвестный, буде он затаившимся, не расслышал подозрительных шорохов за закрытой дверью? Чтобы определиться со временем и дать недавнему преследователю срок отойти от дома подальше, Аня начала считать до трёхсот. Пять минут она дала неизвестному, чтобы тот удалился на приличное от дома расстояние и не услышал её шелест, когда она начнёт одеваться прямо здесь. Почему-то это казалось очень важным — одеться прямо здесь, за потайной дверцей, время от времени замирая на месте и прислушиваясь к тому, что сейчас происходит за стенами дома, на улице. Не идти же в самом деле по спящему дому в одной коротенькой сорочке! А если кто-то проснётся и выйдет ей навстречу? Срамота!

Она криво усмехнулась: всего несколько дней в чужом пока доме, а она уже даже думает словами не совсем её... э-э... лексикона.

Обсчитавшись пару раз, забыв, с которой цифры снова начинать, Аня махнула рукой и принялась быстро одеваться. Ноги уже высохли, и она не стала надевать меховые галошки, которые слегка поскрипывали при ходьбе. Босиком, слышно только ей шлёпая по полу, она пробежала все помещения и лестницы до своей комнаты. Здесь быстро сдвинула друг к другу два тяжёлых, аристократически солидных стула и повесила, распялив на их спинках, отжатую сорочку. До утра — надеялась она — мокрая штучка с кружевами должна высохнуть.

И быстро села на кровать, плотно завернувшись в одеяло.

Теперь можно подумать.

От мыслей о том, что она поступила очень легкомысленно, Аня отмахнулась сразу. Поступила и поступила. Назад не вернёшь. А значит, лучше подумать о последствиях.

Был ли у Агни жених? Или... любовник? Всё-таки со смерти мужа прошёл год... И не сосед ли он, если тоже купается в озере? Надо бы выяснить у Кристал, что за соседи живут по берегам озера.

А если это кто-то посторонний? Но он так уверенно сказал: «Не знал, что ты умеешь плавать!» Как будто он знал о ней всё. Да ещё обратился на «ты»! С другой стороны, в темноте все кошки серы, и, может, он потому и «тыкнул» ей? Но как трактовать слова «не знал»? И что он ещё знает об Агни?

И вдруг улыбнулась: а голос красивый... По-мужски низкий, спокойный...

Но думать было тяжело. Всё время правильные и логичные мысли перебивались насущными мелочами. Только что она размышляла о том, кто её преследователь бывшей хозяйке её нынешнего тела, как она тут же переключалась на ругань по отношению к себе: «Трудно было придумать какие-нибудь заколки, чтобы волосы не мочить?! Могла бы найти что-то в шкагулках Агни! Может, тогда бы услышала, как этот человек подбирается по воде ближе ко мне! А то нашла время и место — выжимать косу!...» А потом думать стало нечем. Глаза закрывались без разрешения, а потом без разрешения перед ними начали появляться всякие странности и чудеса. Вскоре, пригревшись и незаметно для себя свалившись на две подушки, Аня крепко уснула.

... Несмотря на суматошное начало ночи и переживания, Аня проснулась в привычное время: пока все спят. Ранним утром она обычно (усмехнулась: обычно! Всего-то прошло несколько дней!) приводила себя и постель в порядок, а потом сразу бежала в огородик

Кристал... А сейчас... Только села на кровати, начиная расчёсывать подсохшие волосы и мысленно перебирая дела, которые надо выполнить в огорожке, и — вдруг вспомнила. Аж холодком обдало от запоздалого страха, что бы случилось, догони её неизвестный!.. Она ссутулилась. Кажется, огород в одиночку сегодня отменяется. Значит, чуть позже. И только вместе с Кристал!

Ага, Кристал!.. Аня немного подумала. Девочка ещё и обрадуется!.. Удалось-таки убедить её, что почерпнула из дамских журналов немало советов по огородничеству-садоводству. А потом обе своими глазами увидели, как за пару дней оживилась зелень прореженной моркови, как потемнели-окрепли бледно-зелёные ранее листья томатов, а их унылые стебли перестали тянуться между сорняками к солнцу, постепенно наливаясь силой. И Кристал прикипела к своему огорожку, который начал подавать признаки настоящей овощной жизни.

Так что, решила Аня, надо будет сказать девочке, чтобы хоть сегодня она полила грядки самостоятельно. Или пусть подключит к этому делу Лиссу. Малышке нравится бегать между грядками и каждый отдельный кустик поливать махоньким кувшинчиком, экспроприированным, по подозрениям Ани, из кухни. А Кристал бегала с ковшом, воду которым зачерпывала из большого ведра. Мальчикам работы по утрам прибавилось, но Аня надеялась вскоре приучить их набирать для полива воду с вечера.

«А что сегодня делаю я?» — задумалась Аня.

И хмыкнула. В таком доме найдётся множество бытовых мелочей, которыми просто необходимо заняться. Аня уже от Лиссы узнавала, что зима здесь тоже есть. А что делают хозяйки в деревне, кроме огородных заготовок? Правильно — сушат постельные принадлежности...

Аня повеселела: значит, можно продолжать работу по дому, не выходя из него! Ведь сам дом она успела изучить и уже знала, где какие помещения находятся. И сейчас тут же вспомнилась часть дома над террасой. Вот уж Аня удивилась, когда Кристал её туда провела! Место довольно просторное, закрытое от озера шпалерами с густо растущим на них плющом. Вот сюда и надо будет перенести постельное богатство и просушить его, благо в одном из дамских журналов есть такая статейка. Впрочем, статейка была про то, как хозяйкам, дамам — конечно, заставить прислугу работать на благо дома. То есть, естественно, не самим сушить постель, а прислугу заставить. Поэтому-то Аня и может сослаться на журнал, если вдруг кто-то из «её» семьи удивится странному делу с подушками и матрасами.

А что до прислуги... Аня улыбнулась: этих старушек бы вообще не подпускать к работе, но что поделаешь... Кстати, о птичках. Надо бы сегодня проникнуть на кухню, разговорить ветхих старушек и узнать, какие раньше блюда подавали к столу диня Хармона, а потом быстро написать список будущих долгоиграющих продуктов и вручить этот список Никасу, чтобы он купил не только скоропортящиеся продукты на пару следующих дней, но и всякие крупы на те дни, когда денег дома нет.

Кстати, о Никасе. Каждое утро он перед работой продолжает ходить в подвал кормить «страшную ведьму». А потом приходит с работы и обязательно кормит её ужином. Попробовать напроситься пойти с ним и узнать, что там за ведьма, да ещё страшная? А может, потом и ходить вместо «брата», чтобы освободить его от странной обязанности... Даже себе Аня не хотела признаваться, что ею движет не просто желание помочь «брату», но простое женское любопытство: так хотелось узнать, кто та женщина, которую прячут в

подвале! Или... сумасшедшая идея, но тоже имеет право на существование: а если там прячется сама ведьма? Идея не сумасшедшая, а глупая. Брат не скрывает, что ходит её кормить. Даже малышка Лисса знает о «страшной ведьме».

Итак, три основных дела. Отправить в огородик Кристал и Лиссу. Подсушить к зиме постельные принадлежности. Составить список и отдать Никасу. «Ведьма» и её присутствие в подвале, чего, судя по Лиссе, никто и не скрывал, будут в довесок к списку. А потом — дела помельче: надо бы потихоньку отмыть дом, настоящей чистотой в котором явно никто не заморачивался...

И только одна проблема: девочки очень хотят каждый солнечный день бегать к озеру, к купальной беседке, а от неё — в манящую, блистающую солнцем воду.

Аня вздохнула. Все проблемы — по мере поступления надо бы решать.

И ещё пара проблем.

Нет, больше. Как бы узнать ответы на самые интересные для неё вопросы? Любил ли дин Хармон свою жену? Почему-то Ане этот вопрос казался очень важным.

А ещё... почему Никас, как старший, переехав в дом сестры, даже не подумал распродать некоторые красивые вещички, которые бы помогли семье продержаться на плаву, пока её члены стараются заработать хоть какие-то деньги?..

И, чего греха скрывать, есть вопрос, волновавший её с ночи: так был ли у Агни после смерти мужа любовник или жених?

А ещё... Ещё надо узнать о соседях!

Аня фыркнула. Соседи — это да... Но есть ещё один вопрос. Но он из разряда глупых и смешных. Она уже знала, что Никас имеет слабые магические способности. Ещё более сильные имеют братья-двойняшки, потому их и устроили на подработку к магу-травнику. Что-то по мелочи умеет магичить Кристал. А она? Ну, Агни то есть?

Но это не жизненно важно. Подождёт. Главное — подготовить дом к зиме.

Аня уже заметила пару мест на здании, где необходим небольшой ремонт. Теперь оставалось узнать, где взять... И рассмеялась в голос! Она и правда чувствует дом своим!

Поскольку проснулась утром, занялась не самым нужным делом, но ведь okazия?.. И снова вошла в небольшую, но богатую гардеробную. Вопрос, любил ли жену дин Хармон, всегда возникал с порога в эту комнатку, похожую на костюмерную богатого артиста. Ну, как это дело представляла в воображении Аня. Платьев! Море. Обувки — тоже. И опять возникал логичный вопрос: почему Никас не продал эти вещи сестры, чтобы улучшить материальное состояние семьи?

Аня решительно отодвинула в сторону эти вопросы и принялась разглядывать платья и прочие вещички с иной точки зрения: что можно сделать с ними, чтобы продать? И какие предметы можно продать без переделки? Но в очередной раз растерялась и только крутилась возле длинного настенного зеркала, примеряя поразительные наряды, среди которых чисто домашних — раз-два и обчёлся.

Вышла отчаянно разочарованной в себе. Жалко же!! Жалко отдавать вещички, которые можно переделать на Кристал и Лиссу, а заодно и на себя! Ну не поднималась рука на самые богатые вещи — продать их! Эх...

Насупившись, Аня вышла из комнаты, постояла, прислушиваясь у дверей в комнаты Кристал и Лиссы, а потом спустилась вниз и решительно вошла на кухню. Здесь старушки Сайл и Бридин сутились, готовя завтрак для господ, и Аня спрятала невольную улыбку, когда услышала про господ. Поздоровавшись с обрадованными её приходу служанками, она

снова незаметно для них влилась в работу по кухне, то здесь, то там помогая резать, крошить, наливать воду и мыть использованную посуду. С водой в доме обстояло неплохо: при хозяйине поставили водопровод с кранами, вода из которого поступала даже на второй этаж.

Сегодня последние куски мяса с ледника (Аня успела ознакомиться и с ним) пошли на привычный суп, который теперь отличался тем, что в нём было довольно много зелени и не только в качестве ингредиентов для супа, но и как приправы. В общем, супы теперь варились густые... Пока Аня мягко перемещалась по кухне, она сумела разговорить старушек, которым нравилось внимание хозяйки, а потому они охотно выкладывали свои воспоминания о том, как было раньше на кухне, при живом хозяйине.

Время от времени Аня словно невзначай выходила за дверь и в коридоре быстро вписывала в прихваченную бумажку упомянутые старушками продукты. Вписывала всё подряд, в надежде потом разобраться, какие из продуктов нужны в первую очередь.

Первым внизу появился Никас. Выждав, когда он умоется (в его комнате не было умывальной), Аня подошла к нему и попросила:

— Можно, я сегодня просушу постельное бельё на площадке над террасой? Я посмотрела — там можно натянуть верёвки, и солнце, кажется, будет сильным, а ведь наши постели сыроватые.

— Тебе не будет тяжело? — забеспокоился брат.

— Мне помогут Кристал и Лисса, — решительно заявила она. — Да я и сама окрепла за последние дни.

— Которых и было-то меньше недели, — насмешливо пробормотал Никас. И тут же смущённо добавил: — Наши с двойняшками комнаты всегда открыты. Если успеете до ночи, можно просушить и наши постели. А если не успеете, завтра встанем пораньше и отнесём постели на эту площадку.

— Я это и хотела сделать! — обрадовалась Аня. — Никас, — уже вкрадчиво позвала она, когда брат хотел было развернуться к лестнице на второй этаж, — мне кажется, я уже достаточно выздоровела, чтобы ты помог мне вспомнить, что за женщина сидит у нас в подвале. Ну, пожалуйста! Мне надо вспоминать всё!

Никас взглянул на неё очень серьёзно, потом взъерошил тёмные волосы и задумался. Кажется, просьба сестры для него оказалась не неожиданной, но всё же трудноватой для выполнения.

— А ты? — неуверенно спросил он. — Ты правда ещё не вспомнила, что произошло?

— Нет, — покачала головой Аня.

— Когда дело касается магии, — начал он и оборвал себя чуть ли не на полуслове. — Нет, я сам плохо в ней разбираюсь, но...

Он снова замолчал, а потом кивнул, будто всё ещё не окончательно решил:

— Давай сделаем так. Ты сегодня, вот прямо сейчас, пойдёшь со мной в подвал и просто выглянешь из-за двери. Просто посмотришь на... — он запнулся. — На неё. Я не знаю, как всё тут и на чём завязано, но...

— Ты всегда был решителен, насколько я, выздоровев, помню, — удивлённо заметила Аня. — Что же тут такого, если ты мне всё расскажешь?

— Если бы только я знал именно всё! — не сдержался Никас. — Но я знаю лишь часть происшествия, а потому не уверен, что ты вне опасности. Ну, если будешь... общаться с ней. Да, Агни, имя Онора тебе ничего не говорит?

Аня добросовестно подумала, а потом пожала плечами.

— Нет. А я должна знать?

Он глубоко вздохнул и поёжился. После чего чуть раздражённо и с небольшой горечью проговорил:

— Жаль — денег мало, и мы не можем пригласить опытного мага... Я побаиваюсь всего, что связано с тобой и Онорой. Это та женщина, что вынужденно сидит в подвале. Поэтому сделаем так: ты выглядываешь из-за двери, когда я начну кормить её. Но, если я тебе крикну бежать, ты должна немедленно спрятаться за дверью. Поняла?

— Поняла, — с недоумением ответила она. — Никас, а эту... даму никто не ищет? Нас не накажут за то, что она сидит у нас в подвале?

— Онора приехала к нам... из другого города и надолго, — опять заикаясь на словах, которые пытался подобрать, вздохнул Никас. — ну и угодила в... — Он чуть не поперхнулся, видимо едва не раскрыв тайну подвальной женщины. — Так что её никто не хватится.

Заинтригованная до последней степени, Аня послушно ходила следом за Никасом, пока он брал посуду в кухне, наполнял её супом и специально крошил мясо, как он выразился: «Чтобы она не подавилась...» Пока младшие спали, они вышли из дома, добрались до торца и спустились по боковой лестнице. По дороге Никас продолжал, слегка наводя туман, рассказывать об Оноре, то и дело поглядывая на сестру, словно проверяя, не вспомнила ли она чего...

На этот раз Никас не стал тщательно закрывать за собой дверь в подвал.

— Я оставляю её открытой на всякий случай — для тебя, — странно объяснил он. — Агни, если ты почувствуешь что-то не то — беги сразу, даже не дожидаясь моего крика.

— Никас, а я владею магией? — произвольно вырвалось у женщины.

— Твой муж пробовал тебя обучать — ты писала об этом, но чему и каковы успехи, так и не говорила, а после его смерти мы как-то и не думали спрашивать тебя. Честно — не до этого было. Столько событий...

Пока шли к плотно закрытой двери — Никас освещал путь прихваченным со стены факелом, Аня озадаченно поднимала брови: пробовал обучать? Значит ли это, что дин Хармон разглядел в своей супруге способности? Эх, жаль, Никас торопится накормить эту Онору и побежать на работу, а то бы Аня назадала ему кучу вопросов. Например: а как узнать, что ты владеешь магией. Впрочем, владеешь — слово смешное. Или... нет?

— Мне открыть дверь? — спросила Аня, вспомнив, что руки Никаса заняты посудой и факелом.

— Там обычный засов, — отозвался брат. — Просто отодвинь его, а потом спрячься за дверью. Не забудь, что я сказал.

— Не забуду, — пообещала Аня, уже чуть не вспотевшая от всех этих странных условностей. И потянула на себя тяжёлую дверь, пропуская Никаса в тёмное помещение.

Помещение, впрочем, с первым же его шагом довольно ярко осветилось. Не смея высунуть носа из-за двери, Аня одним глазком жадно подсматривала: посреди небольшой квадратной комнаточки стоял стул, а на нём сидела сторбленная женщина. Женщину в этой фигуре можно было узнать лишь по длинной юбке да по стоящим дыбом (немытые, небось) и по торчащим в разные стороны длинным волосам. Сидела она в профиль — если смотреть от двери.

Вот Никас подошёл к ней ближе. Фигура продолжала каменеть так, словно Онора не замечала его. Он поставил на подобие столика посуду и кружку, а факел воткнул в скобы на

стене. Затем чуть склонился перед женской фигурой, и раздался скрежет и звон ложки по глиняной чашке. Аня уже знала, почему чашка не фарфоровая: однажды Онора ни с того ни с сего пришла в ярость и разбила всю посуду, с которой пришёл Никас. А у него и так был какой-то почтительный трепет перед посудой из богатого когда-то дома, так что в следующий раз он пришёл с чашкой из комплекта для прислуги.

Аня, затаив дыхание, вошла в комнатушку.

Тишина. Онора никак не реагировала на её присутствие.

Никас бесшумно оглянулся на «сестру» и едва заметно кивнул. Правильно поняв его движение, Аня осторожно шагнула так, чтобы Онора, подняв глаза, увидела её. Но женщина опять не среагировала. И тогда, больно прикусив губу и вновь освободив её, Аня шёпотом позвала, надеясь, что брат не будет возражать:

— Онора... Это я — Агни.

Брат не возразил. Лишь напрягся: больше не кормил женщину на стуле, а... словно караулил каждое её движение.

Как она медленно поднимала голову... Никас отшатнулся в сторону, встал рядом, быстро переводя взгляд то на сестру, то на женщину. Но мешать странному общению явно не собирався, хоть и выглядел встревоженным...

Когда большие тёмные глаза, из-за недостатка света в комнатушке, выглядевшие жуткими чёрными провалами на худощавом лице женщины, упёрлись в глаза Ани, та, сама того не замечая, начала пятиться к дверному проёму. Глаз Оноры она так и не видела, но чудилось, что странная женщина впивается своим взглядом в её глаза.

А секунду спустя Аня подпрыгнула от резкого вопля:

— Библиотека! Возьми!..

Третьим словом Онора будто захлебнулась, издав нечто странное — вроде утробного звука, как человек, которого сильно тошнит. А потом женщина на стуле дёрнулась изо всех сил и завизжала, перемежая визг рычанием.

Никас очутился за её спиной и крикнул только одно:

— За дверь, Агни!

Последний взгляд на безумствующую «страшную ведьму» — и Аню просто вынесло в подвальный коридор. Отдышавшись и закрыв руками уши, она вдруг сообразила, что Онора так и не повернулась лицом к двери. И тут же высунулась из-за двери посмотреть, что делается в комнатушке — в невольной темнице для женщины.

Та так и сидела на стуле, хоть и продолжала рваться с него. Но, кажется, такое проходило не впервые, а потому Никас спокойно стоял за стулом и лишь время от времени склонялся за спиной Оноры, чтобы разглядеть... ух ты... верёвки, которыми та была привязана к стулу. А раз он даже быстрым жестом проверил одну их верёвочных петель, слегка оттянув её. Видимо, побоялся, что женщина сумеет выбраться из них.

Но вскоре Онора снова безучастно и молча сидела на стуле, а Никас, с огромными предосторожностями, кормил её.

Унимая болезненно бьющееся сердце, прижимая руку к груди, Аня отошла от двери. Уйти — не ушла. Стыдно было перед Никасом... Сначала. А потом она, прислонившись к каменной стене, стала размышлять и догадалась, что стыдиться нечего.

Та Агни запросто могла испугаться незнакомой, точней — забытой ею женщины. Ведь та вела себя ужасающе... Потом победила вынужденная практичность. Аня представила себе, каково этой женщине сидеть на стуле изо дня в день и поморщилась от жалости и

брезгливости.

Никас вышел спокойный. Видимо, продолжая кормить Онору, и сам успокоился.

— Ты здесь?! — поразился он, закрывая дверь в комнатушку. — Я думал — ты сразу ушла. Почему ты осталась?

— Она давно здесь сидит? — спросила Аня, глядя на дверь и снова жалея женщину.

— С тех пор, как заболела от колдовской отравы ты. — Никас помолчал, повернувшись к подвальной лестнице, а потом сказал: — Агни, мне бы очень хотелось, чтобы ты сама всё вспомнила. То, что произошло в этом доме между тобой и Онорой, тот магический ритуал, он легко может быть разрушен и ты снова можешь попасть в ловушку отравы. Если в него вмешается посторонний человек. А тем более — человек, который плохо разбирается в магических штучках. Ты... ничего не вспомнила, когда она закричала про библиотеку?

— Нет, — искренне покачала она головой. — Не вспомнила.

И они принялись подниматься по лестнице, думая каждый о своём.

Ане стало страшно. От неё зависит жизнь человека. Точней — положение человека. А она не Агни. Что же делать? Как помочь Оноре? Что надо было взять в библиотеке? Кому? Зачем? Тем более, насколько она помнила, библиотека магически закрыта от посторонних. Почему Онора уверена, что та Агни могла проникнуть в библиотеку?

— А библиотека давно закрыта? — снова сорвался с губ вопрос.

Идущий впереди Никас оглянулся.

— Примерно в то же время, когда Онора проводила ритуал, а что? Вспоминаешь?

Значит, несмотря на слова Кристал, библиотека была доступна для той Агни?.. Аня грустно улыбнулась ему.

— Пытаюсь.

После завтрака, который теперь проходил в столовой зале и за которым теперь всегда сидела вся их нынешняя семья, Никас забрал двойняшек и впряг единственную лошадку из конюшни в какую-то повозку, названия которой Аня не знала. Крутилось на языке слово «бричка», но это ведь из книг. Как на самом деле выглядит бричка, она даже не представляла. Братья уехали в город.

Аня быстро раздала задания для младших сестёр, напомнив, что солнце жаркое, а грядкам нужна вода. Пока они бегали поливать под кустики помидоров, она сняла с первой кровати постель и отнесла на площадку над террасой. Когда она, вспотев от напряжения и усталости, тащила постели братьев, вернулись девочки. Кристал с негодующим воплем бросилась ей на помощь. Даже Лисса схватила подушку и поволокла её по лестнице на крышу.

Когда на площадке оказались все постели, три дамы повстряхивали всё, что можно было вытряхнуть, и разложили постельные принадлежности так, чтобы на них долго светило солнце. Потрогав один матрас, Лисса с ликующим криком свалилась на него.

— Он горячий!!

Помедлив, Кристал легла с ней рядом. С другой стороны пристроилась Аня.

— Агни, а когда мы пойдём на озеро?

Прикинув обстоятельства, Аня решила: никто при свете дня не посмеет приставать к ней, если рядом будут свидетели. Так что она спокойно ответила:

— Сейчас отдохнём и побежим.

«Отдохнём» немного затянулось: Лисса, уморившись на солнце, задремала на горячем матрасе, то и дело с трудом открывала глаза Кристал. Так что Аня тихонько встала и с дальнего угла площадки принялась переворачивать постельные принадлежности, чтобы они пропеклись и другой стороной. Перетряхнув одеяла, она взялась за матрас, явно набитый пухом: видимо, он был когда-то очень мягкой и дорогой вещью, сейчас слежавшейся до твёрдости. Поднять-то его можно было, но в одиночку хотя бы раз встряхнуть — оказалось не под силу. Даже Кристал, всё-таки заставившая себя встать и приободриться, помотав головой, не сумела удержать матрас при попытке хотя бы разок его вскинуть.

— Просто перевернём, — предложила Аня, и девочка выдохнула: это дело полегче.

Закончив с матрасами, собрались на озёрный берег: разбудили Лиссу, спустились на жилой этаж, взяли большую, но лёгкую корзину, сплетённую из какой-то тонкой лозы, и уложили в ней полотенца, бельё на смену промокшему и парочку маленьких покрывал с кресел. Последнее придумала Аня: вдруг кому-то из девочек захочется после купания посидеть на берегу?

Оделись как обычно: Лисса — в стареньком платье, Кристал — в платье, подогнанном под неё Аней, из запасов Агни: его девочка так полюбила, что не желала переодеваться лишний раз — наконец-то появилась вещьца её, подростковой, размера; и Аня в привычных уже штанах и блузке, с прячущейся под ней рубашкой-безрукавкой из тончайшего полотна.

Выходили втроём, заранее предупредив старушек, куда они направляются. Шагая по садовой дорожке, едва заметно спускающей будущих купальщиц до дома к озеру, Аня вздохнула: а ведь в ином случае корзина уютно тяжелела бы десертом и лёгкими напитками вроде компота или даже просто чая. А сейчас она прихватила, кроме необходимых вещей только детали раскроенного для Лиссы платья. Пока девочки будут купаться, она, «не умеющая плавать», будет сидеть на мостках и шить.

Только ступила между деревьями, боязливо оглядела «свой» озёрный берег: а вдруг?.. Но беспечная болтовня девочек впереди успокоила и невольно заставила думать о более насущном и конкретном, чем таинственный незнакомец, ночью бесшумно подплывший к ней и напугавший.

Онора. Насколько Аня поняла с не совсем связных слов Никаса, эту женщина провела какой-то ритуал с Агни, результатом чего стало «выздоровление» хозяйки дома, а ещё неожиданное превращение Оноры в сумасшедшую. А если это не сумасшествие, а что-то магическое?.. Впрочем, Аня про магию ничего не знает, а значит, даже нет смысла думать о том. А вот то, что Онора сидит привязанной к стулу, это очень плохо — с точки зрения гигиены и санитарии. Аня вспомнила клочковато торчавшие в разные стороны волосы женщины и содрогнулась от жалости и брезгливости. Это сколько же времени бедная Онора вынужденно обходится без гигиенических процедур? Месяц? Больше?

Нет, что бы ни говорил Никас, надо бы хоть чуть-чуть привести бедняжку в порядок. Ведь Онора крепко привязана (или связана?) и Никасу ничего сделать не может? Следовательно, она не может навредить и Ане, разве что снова кричать начнёт и напугает... Уже приближаясь к купальной беседке, Аня твёрдо решила: они вернутся домой, девочки побегут по своим делам, и она, Аня, ушмыгнёт в подвал и хоть немного облегчит страдания

несчастной женщины, умыв ей лицо и расчесав волосы. Ну и что, что «брат» потом увидит. Главное — он сам поймёт, что Аня всё сделала правильно.

Никас очень нравился Ане. Как брат. Ведь она невольно сравнивала его с Игорем, «братом», оставшимся в «том» мире. Здешний брат, как и младший, не умел вести хозяйство, но всё же, хоть и с трудом, поддерживал то, что есть. Он не возражал, когда «та» Агни оставила в доме постаревших служанок, которым некуда было уйти, а потому никому в этой жизни не нужных, хотя прекрасно понимал, что они лишние рты в доме, лишённом обычного содержания. Он не возразил и против Лиссы, которую, как недавно вспомнила словно мимоходом Кристал, Агни нашла на здешнем городском рынке: девочку, пытавшуюся стащить с прилавка яблоко, поймала торговка и, вереща на весь рынок, лупила плачущую малышку. Когда Агни бросилась к Лиссе, Никас поневоле поспешил за ней, и его довольно внушительной фигуры оказалось достаточно, чтобы торговка безропотно отдала избитую девочку женщине «из общества», как тут принято говорить.

Настроенная решительно, Аня уже твёрже взглянула на озёрный берег. Появись тот неизвестный на «их» берегу, она бы сумела постоять за себя и за девочек. Разные спортивные секции, куда родители записывали «младших» в её мире, были для неё самой недостижимыми. Но в деревне ребята научили её парочке приёмов. Аня, правда, очень надеялась, что тут кулаки в ход пустить не придётся. И не потому, что боялась, а потому что чувствовала: занятое тело ещё не окрепло в должной мере для таких... ну... физических упражнений.

Девочки с радостным визгом побежали в «женское» отделение купальни. Вторая половина была свободна, но разделяться они не хотели. Аня же выбрала из корзины шитьё и, оставив саму корзину у входа в купальную беседку, несмело подошла к мосткам. Снова опасно, несмотря на вроде как боевой дух, оглядевшись и сняв обувь — уже не меховые галошки, а домашние туфли, она осторожно уселась на край и опустила ноги в тёплую воду. И вздохнула от полноты чувств: как хорошо! Тихо, спокойно, солнце не жёстко пылающее, а мягко и припекая... Не хотелось думать о плохом. Хотелось мечтать — например, о том, что она сумеет найти для дома деньги, уговорив Никаса продать кое-какие платья Агни. Даже она, женщина из другого мира, перебрав вещи в гардеробной, поняла, что многие из них из очень богатых тканей...

Стараясь не задремать под припекающим солнцем, Аня принялась за шитьё: перед купанием она успела у подобранного в шкафу платья с тканью, подходящей для малышки, раскроить юбку, благо длинная, и теперь старалась сшить самую простую вещь — сарафан на лямках, к которому потом нетрудно будет добавить болерошку и тем «создать» законченное платье на разную летнюю погоду.

Со смехом и визгом пробежали мимо мостков девочки и бросились в воду, поднимая сверкающие солнечные брызги. Плавать, вскидывая руки над волнами, умела Кристал — наверное, братья научили. А Лисса попискивала, по-собачьи крутя ручонками перед собой и громко шлёпая ногами, и старалась плавать только по мелководью, то и дело окликая свою Агни и хвастаясь, как здорово у неё получается.

Когда Лисса в очередной раз подняла над водой руку помахать Ане, та вдруг подумала, отреагировав на этот жест: а что, если дверь в библиотеку открывается так же, как открывается потайная дверца в углу террасы? Что, если есть словесный пароль к библиотечной двери? Знала ли его Агни? А если знала, но, не полагаясь на память, записала где-то и спрятала в своей комнате?.. Нет, глупо думать, что можно разыскать бумажку с

паролем и попасть в нужное место. Слишком наивно мечтать, что можно вот так просто: раз — и получить доступ в библиотеку.

Мысли плавно перетекли от библиотеки к воплям Оноры. О чём просила женщина, когда кричала так, словно Аня — её последняя надежда? Что же нужно взять в библиотеке?..

... С воды будто всхлип и не совсем привычное плесканье.

Аня оглянулась и тут же вскочила на ноги. Где Лисса? Она только что отплыла, держа перед собой небольшое брёвнышко, которое скатила с берега в воду.

— Агни! — в панике закричала Кристал. — Лисса упала в воду!

Малышка и так в воде!! Что значит — упала в воду?!

Бросив шитьё, Аня на подгибающихся от страха ногах помчалась по берегу озера к границам поместья — хорошо видимым отсюда оврагам. «Ах ты ж... Не сумела уберечь! Тоже мне — взялась привести к воде детей!.. Не подумала об их безопасности!..» — бессвязно думала она. А потом настроение сменилось напрочь, и Аня рывкнула на себя: «Хватит плакаться! Надо спасти Лиссу! Ищи её! Быстро!»

Всполошённая Кристал быстро плыла к берегу, тоненько поойкивая от страха. Глядя, в какую сторону она то и дело скашивается, Аня тщетно всматривалась в воду под склонёнными над ней длинными ивовыми ветвями, чьи кончики словно и сами лениво купались в волнах. Как-то мимоходом отметила, что на противоположном берегу, за границами «её» поместья, промелькнула не вполне ясная фигура. Только подумалось стороной: «Кто-то бежит...»

Потом её растерянный взгляд, пока она разыскивала Лиссу, наткнулся на определённый предмет — на то самое брёвнышко, которое себе в помощь взяла Лисса.

Лисса должна быть рядом!

На ходу чуть не рвя на себе блузку (пуговицы, во всяком случае, полетели), Аня в одной натальной рубашке пробежала ещё несколько шагов, чтобы брёвнышко оказалась напротив, и бросилась в воду.

В последнее мгновение перед прыжком краем глаза заметила, что с того берега кто-то тёмной торпедой тоже бросился в озеро. А потом стало не до посторонних наблюдений. Вода возле брёвнышка слабо волновалась... Неужели это Лисса тонет?! Зачем девочка покинула брёвнышко?! Или руки соскользнули?!

Ближе к тёмному и чуть продолговатому предмету, который лениво покачивался на всё так же безмятежно сияющей солнцем воде, Аня набрала воздуха и нырнула. Счастье, что вода здесь не такая мутная, как в оставленном ею мире, а чистейше прозрачная!.. Рубашонку Лиссы женщина увидела сразу. Сердце загрохотало так, что машинально Аня чуть не прижала к груди руку. Некогда!.. Некогда!..

Белая рубашонка мягко колыхалась, похожая то ли на прогуливающуюся медузу, то ли на необыкновенную громадную бабочку, с чего-то решившуюся поплавать под водой. И сейчас она торжественно волновалась странно и неловко распахнутыми крыльями... А внутри этой бабочки замедленно взмахивала руками Лисса, и её светлые волосы казались зыбкими, нарисованными размытой акварелью...

Оторопев в первые секунды, Аня немедленно и сильным толчком рванула к ней.

Но ещё стремительней будто выстрелила к ребёнку тёмная фигура — так сильно, что Аня даже прочувствовала волнение воды. А потом стало не хватать воздуха, и она, задыхаясь и из последних сил стараясь не вдохнуть, стрелой поплыла вверх, к свету.

Хрипло и со свистом втягивая воздух в усталые лёгкие, уже на поверхности она

развернулась, чтобы уставиться вниз и удостовериться, что Лиссу вот-вот вытолкнут наверх. И рывком отшатнулась. Мужчина вылетел на поверхность воды буквально перед её носом, а потом, даже не взглянув на ошеломлённую женщину, мощно поплыл к берегу, помогая себе одной рукой, потому как второй придерживал лёгкое тельце девочки — в основном её голову — над мелкими волнами. Аня — за ним, перетрясаясь до последней степени: живая?! Нет?! Воды наглоталась?! Хоть бы она только наглоталась воды! Это не страшно! Аня умела откачивать воду из «утопленников»: участвовала в военно-спортивной игре «Орлёнок» в старших классах — чему только не научилась!

На последних метрах прибрежной волны шла за высоким широкоплечим мужчиной уже с трудом. Её-то дух силён. А вот тело Агни...

Но самостоятельно заниматься плачевным состоянием малышки Ане не пришлось.

Едва мужчина (как оказалось, в коротких штанах и рубаше) зашагал по мелководью и волны ему уже не мешали ускорить шаг, он побежал к зелёному берегу. Когда Аня догнала его, он уложил Лиссу на травы, и малышка, вроде как безучастная, прямо-таки отплёвывалась от воды под уверенными мужскими руками.

Добежала Кристал, встала рядом с Аней, прислонившись к ней и схватившись за руку, — недоверчиво смотрела за действиями мужчины. Но не прошло и минуты, как Лисса открыла глаза, закашлялась, а потом заплакала.

Тогда мужчина помог ей сесть, а Кристал тут же сама залилась слезами и, бросилась к Лиссе, бессвязно и радостно заговорила с ней, утешая. И лишь раз обернулась к спасителю, чтобы со слезами же в голосе выговорить:

— Мы вам очень благодарны, дин Таеган! Очень благодарны за Лиссу!

А потом снова поневоле отвернулась к малышке: та пришла в себя и потянулась обнять девочку.

А дин Таеган не спеша взглянул на Аню. Кажется, он умел быстро переключаться с одного, требующего его внимания предмета на другой...

Она же, настолько мокрая, что чувствовала, как по коже и по одежде до сих пор бежит вода, вдруг вспыхнула от этого бесцеремонного и откровенно оценивающего взгляда на её грудь, потом на бёдра. Мужчина не скользнул, а будто обвёл этим взглядом всю её фигуру. Мелкую дрожь, которая пронеслась по телу, женщина ощутила так, что испугалась, как бы этот человек не заметил её.

Его, судя по всему, не смущало, что он и сам всего лишь в штанах и в рубаше, облепившей его сухощавое мускулистое тело... Выяснилось, что он не настолько высок, каким показался ранее. Просто сочетание широких плеч и худощавой фигуры дало такую иллюзию. Был дин Таеган русоволос, со слегка прямоугольным лицом — а может, прямоугольность только чудилась из-за напряжённо сжатого рта, по краям которого застыли морщинки, то ли горестные, то ли надменные. И угрюмые серые глаза...

Стараясь побыстрее заставить его вернуться к более или менее цивилизованному общению, Аня с трудом выдавила:

— Примите нашу глубокую благодарность за спасение девочки, дин Таеган...

И замерла в ожидании, когда он заговорит. А если этот дин Таеган — тот самый неизвестный из её ночного приключения?

Но мужчина только высокомерно кивнул ей и спокойно снова вошёл в озеро, чтобы, погрузившись по пояс в воду, поплыть на противоположный берег.

Аня растерянно взглянула ему вслед, а потом присела рядом с девочками.

— Лисса, ты как?

— Горлышко болит, — пожаловалась малышка.

— А идти сумеешь?

— Не знаю, — всхлипнула она и тут же, опираясь на руки Ани и Кристал, поднялась на ноги. Шмыгнула носом и уже твёрже сказала: — Могу!

И они, не торопясь, зашагали к купальной беседке — Лисса между двумя более взрослыми «сёстрами». Немного поколебавшись, Аня наугад спросила:

— Кристал, а почему я не помню этого дина Таегана? Кто он?

— Ты и не должна его помнить, — охотно ответила девочка. — Ведь ты как раз заболела, когда он здесь появился. Это племянник нашего соседа — дина Вилея.

— То есть он теперь здесь живёт? — уточнила Аня, помня, что Агни болела из-за колдовской отравы почти месяц.

— Да.

— А чем он занимается? Кто он?

— Ну, точно я не знаю. Брат вроде говорил, что он бывший военачальник короля.

— А почему бывший?

Кристал вздохнула, и Аня понадеялась, что не из-за её приставучести.

— С ним что-то такое случилось, из-за чего он не может говорить. Никас сказал, что это из-за какого-то храма.

— А ты откуда его знаешь?

— Мы однажды с братьями ходили купаться поздно вечером, и дин Таеган переплыл к нам озеро. Никас разговаривал с ним с помощью бумажек, и дин Таеган несколько раз сидел с нами, если мы приходили купаться вечером.

— Он добрый, — сказала Лисса. — Он мне сладкие конфеты приносил.

— Вкусные, — вздохнула Кристал и мечтательно улыбнулась.

«Если он не может говорить, значит, это не он?» — с недоумением думала Аня.

Они добрались до купальной беседки, и без всяких слов девочки принялись собираться домой. Даже спорить не стали, когда Аня первой схватила корзину и начала бросать туда без разбору всё подряд. Но она всё же сочла объяснить им:

— Мы мокрые, надо бы высушиться.

А потом сбегала на мостки и забрала шитьё. Причём, когда она нагнулась к брошенным выкройкам, она снова почувствовала всё тот же оценивающий взгляд другого берега. Исподлобья взглянув туда же, никого не обнаружила. И с раздражением подумала, что стала слишком мнительной. Никого там нет! Придумала она всё!

И помчалась с мостков к девочкам, которые начали подниматься по едва заметному склону между деревьями к дому, таща с собой корзину. Отняв у них поклажу и запихав туда же шитьё, Аня заспешила чуть впереди, на ходу раздумывая, что и сама мокрая, и девочки тоже в купальной беседке переодеться не успели. А значит, придётся дома быстро сменить мокрую одежду и напоить бы их чаем. Лето летом, но мало ли...

Напоённые горячим пустым чаем (всего лишь на паре травок, известных Ане), пригревшиеся в сухой одежде, девочки, видимо, от испытанного волнения, неожиданно уснули, а Аня внезапно поняла, что получила свободу действий.

На кухне сутились старушки, как про себя их называла Аня. Сутились они, потому что стремились показать хозяйке, что ещё на что-то способны. Но, если прислушаться издали... Аня уже знала, что у них не только глаза полуслепые, но и память у обеих очень

плохая, а потому им вместе легче работать на кухне: что-то помнила-видела одна, что-то — другая.

— Что у нас сегодня на обед? — легко спросила она, стащив со стола ломтик от мелко нарезанного хлеба и тут же спрятав его в кармане.

Старушки обернулись к ней и запричитали в два голоса. Выслушав и узнав всё, что надо, Аня похвалила их и ушла. Обе не собирались выходить из кухни до вечера.

Зайдя в свою комнату, Аня собрала обрезки ткани, которые не выкинула после того, как подогнала платье для Кристал и раскроила второе для Лиссы. Затем взяла кувшин, который она, чтобы никто не видел, намеревалась наполнить из небольшого фонтанчика, устроенного во дворе при террасе. И захватила полотенце из своей умывальни. Этого, надеялась она, хватит на первых порах, чтобы привести хоть чуть-чуть в порядок Онору... Собирая необходимые ей вещи, она продолжала вспоминать инцидент на озере. Симпатичный мужчина. А если он врёт? Ну, в том, что он говорить не может? Если по каким-то своим причинам он предпочитает, чтобы окружающие его люди думали, что он не может говорить, а на деле с ним всё в порядке?

И вздохнула: «Не моего ума дело!»

Собрав всё в ту же корзину, с которой ходила на озеро, Аня снова заглянула к девочкам — в комнату Кристал, где оставалась после купания и Лисса. Девочки спали. Она осторожно, чтобы не грохнуть тяжёлой дверью, прикрыла её и заспешила во двор. Обогнув дом до торца, она очутилась перед дверью в подвальное помещение.

«Как в страшной сказке. Или в легенде, — размышляла она, открывая дверь и снова закрывая, чтобы никто не узнал, что она нарушила негласный запрет брата входить к Оноре в одиночку. — Бедная девушка спрятана в жутком подземелье и ждёт своего спасителя. Да ещё эта девушка... — Она резко остановилась на площадке после небольшой лестнички. — А если Онора взяла на себя часть моей колдовской отравы? Она же проводила ритуал! Наверное, хотела снять с меня отраву... И сама в него вляпалась? Но тогда... — Холодок по спине убедительно показал, что дело серьёзное. — Тогда... Если я до неё дотронусь... Если дотронусь, не перейдёт ли отравы снова на меня? И что делать, если вдруг перейдёт?!»

Но здравый смысл подсказал: «Если отравы снова овладеет мной, я же не буду знать об этом — судя по состоянию Оноры. Вон, как на неё отравы подействовала (если её состояние — это всё-таки действие колдовской отравы). Она ничего не понимает, не соображает... Бедный Никас... Опять ему проблемы...»

Аня постояла ещё немного, собираясь с духом. Она вспомнила хмурое лицо дина Таегана, и почему-то это мелькнувшее воспоминание подбодрило её.

Уже решительно Аня, взяв со стены факел, пошла по подвальному коридору, пытаясь сообразить, знает ли в глубине своей души Онора, что с нею? Почему она сумела закричать нечто осмысленное сегодня утром при виде именно Агни?

Все мысли отступили перед дверью, ведущей в жалкую каморку с невольной пленницей. Аня вдохнула, словно собираясь нырнуть в воду, усмехнулась сравнению и вошла... В комнате по-прежнему таился полумрак, который шарахался и мотался из-за неверного факельного огня. И по-прежнему здесь ужасно воняло как нечистотами, так и кровью: кажется, пленница то и дело пыталась вырваться из стягивающих её пут...

Оглядевшись и вспомнив движение Никаса, Аня сразу нашла настенные скобы и воткнула в них факел. Потом с минуту стояла, собираясь с силами, чтобы подойти к странной женщине.

Та так и не шелохнулась, хотя Аня привнесла в каморку свет. Хотя двигалась довольно шумно. Оставив корзину у входа, Аня взяла тряпки и кувшин с водой. Намочив несколько лоскутов, она приготовила сухие, сунув их в карман блузы. И наконец присела на корточки перед связанной женщиной. Разглядев, как именно волосы скрывают её лицо, Аня решилась: протянула влажную тряпку и коснулась лица Оноры. Та не шевельнулась и вообще ничем не показала, что чувствует холодное прикосновение. Ободрившись, Аня быстро протёрла ей лицо и снова на всякий случай отдёргнула руку, хотя Онора не могла бы до неё и дотронуться: руки были крепко примотаны к подлокотникам стула.

Отбросив тряпку в сторону, Аня взяла чистую и опять взглянула на женщину, чтобы присмотреться, с чего начинать следующий этап наведения чистоты. И чуть не упала задом: Онора смотрела ей прямо в лицо, в то время как её собственное лицо из безразличного постепенно начинало напряжённо кривиться в яростную, злобную гримасу.

Аня торопливо заговорила — негромко, чтобы не напугать женщину:

— Не бойся, не бойся...

Хотя боязнь и даже нарастающий страх чувствовала именно она: а если Онора закричит, как утром? Этого безумного крика Аня очень боялась. Не потому, что его могут слышать девочки: как уже поняла Аня, в доме из подвала крики не слышны. Нет, она боялась интонаций этого крика. Интонаций, пронизывающих всё её существо ужасом.

— Не бойся, — повторила она, искательно вглядываясь в это сумасшедшее лицо «страшной ведьмы». — Я только умою тебя и волосы расчешу... Правда-правда, больше ничего не сделаю! Честно!

Глаза Оноры вдруг блеснули в свете факела, а лицо мгновенно разгладилось от кривящихся морщин, хоть и ненадолго. Блестящие глаза женщины абсолютно осознанно впились в испуганные глаза Ани.

— Возьми розы!! — завопила Онора, а в следующий миг её ясные слова перешли в злобное бульканье и клокотание.

Сообразив, что сейчас будет, Аня в бешеном темпе собрала все вещи, которые лежали перед женщиной и которые та могла видеть, и бросилась удирать из каморки.

Вещи оставлять нельзя: Никас увидит и расстроится, что она не послушала его.

Аня в спешке грохнула дверь, заглушая бессвязные вопли и рычание «страшной ведьмы», а потом сама в изнеможении прислонилась к этой двери. Только было оттолкнулась от неё, не желая слушать бредовые крики, как с досадой вспомнила, что оставила в каморке факел. Ладно. Факел находится на стене, которая вне поля зрения Оноры. Можно потерпеть немного её вопли, но убрать теперь единственную улику (Аня нехотя ухмыльнулась), чтобы брат ничего не заподозрил.

Она снова открыла дверь — спокойно, ведь звук теперь заглушался воплями из каморки. Выкрутила факел из скоб и перепрыгнула через порог в подвальный коридор. И замерла, не оборачиваясь, потому что слышала и боялась, что любое её движение перебьёт услышанное.

Среди сбивчивых и сумбурных воплей она уловила нормальные слова! Это как... Она покусала губы, пытаясь понять... Это как посреди бури, которая рушит всё подряд, в её грохоте, слышать отчётливое звучание радио!

— Возьми! В библиотеке! Розы! Принеси-и!!

Аня закрыла за собой дверь в момент особенно долгого крика «страшной ведьмы», сообразив, что слова повторяются и больше Онора ничего другого не скажет. Что-то так крепко засело в её памяти, что женщина эта вспоминает лишь при взгляде на Аню. То есть

на Агни. Значит ли это, что та Агни знала что-то, что могло бы помочь состоянию Оноры?

Но как попасть в библиотеку?!

Будто колокол ударил.

Воспоминанием.

Она в деревне. Школа закрыта, а она, пятиклассница, оставила там сумку с кедами. Две одноклассницы, прознавшие о её беде: а бабушка не любила, когда чужая ей внучка теряла вещь — помогли ей влезть в открытое окно кабинета. Школа-то деревенская, и школьники частенько тайком от учителя и сторожа оставляли в тёплую погоду несколько окон открытыми, чтобы влезть в них вечером. Страшно же. Но и весело от такого немудрёного приключения!

А если в библиотеку мужа залезть в окно? Любопытно, закрыто ли оно заклинанием, как дверь туда же?

Аня стремительно взлетела на второй этаж, проверила девочек. Всё ещё спят.

Пора приступать ко второму приключению.

К влезанию в окно!

Неизвестно, любил ли дин Хармон свою жену Агни, но дураком он точно не был. А был весьма предусмотрительным человеком.

Аня стояла перед двумя окнами в библиотеку, скрытая от дорожки перед домом всё теми же вездесущими зарослями плюща, и даже не чувствовала разочарования, глядя на крепкие решётки из переплетённых металлических прутьев. Всё правильно. Молодец — Агнин муж! Здесь книги — наверняка настоящее богатство. Так что правильно он сделал, укрепив библиотеку не только заклинаниями, но и физически ощутимой защитой.

И, пока Аня стояла, озадаченно глаза на окна, пришлось озадачиться ещё больше. Если муж умер раньше Агни, кто закрыл библиотеку? Более того: если Агни чуть ли не через год после смерти мужа колдовски отравилась и к ней на помощь пришла Онора, почему именно в библиотеке — настаивает Онора! — лежат (растут?) какие-то розы, которые явно должны помочь женщине вырваться на свободу из странных оков, похожих на сумасшествие?..

Со вздохом Аня повернулась к дорожке, а потом как-то естественно вышла к террасе. Села на скамью, которая ей всё больше нравилась, и некоторое время пыталась думать. Но материала для размышлений не хватало. Сплошные факты, которые плохо между собой соединялись, а то и вовсе не увязывались... Додумавшись до последней фразы, она невольно улыбнулась. «Тоже мне — Шерлок Холмс! Логика захотелось!»

И тут же поймала себя даже не на сожалении, что Шерлок Холмс из неё никакой. Поймала себя на желании разгадать единственную, хотя и совершенно не нужную сейчас загадку. Дин Таеган. Если у него проблема в виде... постоянного молчания, значит, это не он напугал её ночью?..

Снова вздохнула. Не о дине Таегане надо думать, а о хлебе насущном. Видела она, что варят к обеду и к ужину старушки на кухне. Пустой суп. Ладно ещё — начинят его, кажется, крупой. Хоть густой будет. Так. И чего сидим? Надо вставать и идти смотреть, что в кастрюлю можно добавить из трав, чтобы ещё подгустить этот суп. Из-за отсутствия мяса не слишком сытный будет, так хоть мужчины, то есть братья, вволю смогут поесть.

Она прошлась по огородику Кристал с небольшой мотыжкой, подрыхлила там, где земля, показалось, стала суховатой и уплотнённой. Потом с оглядкой на озеро дошла до первых деревьев сада и набрала там немного крапивы, а потом обрадовалась: в густой траве нашлись листья то ли пастернака, то ли бедренца-камнеломки — она их всегда путала, пока корень не разглядит. Главное, что у их листьев очень сытный запах и вкус. И вернулась к скамье с уловом — букетом, который довольно странно выглядел. Тут её и нашла Кристал. Девочка села рядом, посмотрела на травы, но спросила о другом:

— Агни, ты очень испугалась из-за Лиссы? Когда она начала тонуть?

— Очень.

— Я думала — ты утонешь.

Аню аж в испарину бросило: Агни плавать «не умеет»! И Кристал не просто сделала замечание. Она, по сути, задала вопрос. Но Аня постаралась ответить спокойно, поглядывая на девочку, как она воспримет такой ответ:

— Я — тоже.

Не глядя на неё, Кристал кивнула и задумчиво сказала:

— Ты ведь много раз видела, как мы плаваем. И Никас тебе постоянно показывал. Ты,

наверное, вспомнила, как надо плыть, да?

Подозрительно скосившись на девочку, не смеётся ли, или она в самом деле думает, что старшая сестра произвольно использовала недавние уроки Никаса, Аня осторожно подтвердила:

— Наверное. Если честно, я вообще не думала — как надо. Просто поплыла и всё.

— Ты теперь с нами будешь купаться?

— Не совсем уверена, но попробую.

— А эти травки — для супа?

— Да. — В душе Аня усмехнулась: очень хотелось по-простецки ответить «ага!».

— Ты в журнале про них прочитала?

— Кристал, ты всё время только и спрашиваешь про журнал, — заметила Аня. — Может, тебе тоже начать читать эти журналы? А не только картинки смотреть? Там много всего про ведение хозяйства есть. В том числе и про травы в саду.

— Я раньше читать не успевала, — объяснила Кристал. — Может, теперь, когда ты выздоровела, начну. Мы куда сейчас? Отдадим на кухню эти травы?

— А потом — посмотрим, как высушилось наше бельё, — закончила Аня и первой поднялась со скамьи. Прошла несколько шагов с некоторым сомнением: спросить — не спросить, почему братья учатся, а Кристал — нет? И решила промолчать. Вопрос покажется странным. Старшая сестра даже после той колдовской отравы должна помнить причину, почему Кристал сидит дома. Может, в этом мире девочки дома и обучаются?

Когда обе вошли в тёмный закуток террасы с потайной дверцей, Аня услышала за спиной новый вопрос:

— Агни, а почему ты не носишь украшения, которые тебе подарил дин Хармон, твой муж? Раньше ты их вообще не снимала.

На это её удивление ответить легко:

— Не знаю, Кристал. Наверное, последствия болезни? — И, помолчав, пока открывала потайную дверцу, добавила: — А их у меня не украли, когда я начала из дома убегать? Мало ли какие люди встречаются...

— Что ты! — поразила Кристал. — Никас после первого же твоего побега снял с тебя все твои серьги и колечки, а ларчик с ними спрятал на полке с твоими самыми любимыми книгами! Ты же их не читала тогда!

— Хм... Вот до книг я и сейчас ещё не добралась, а надо бы...

Последние слова были к себе самой, что неплохо бы уже соответствовать образу той Агни, которую знали и помнили в этом доме. Пусть Никас и согласился, что колдовская болезнь могла изменить даже характер его сестры.

— А давай я тебе покажу твои любимые колечки и браслетики? — вдруг оживилась Кристал, просительно заглядывая в лицо Ани.

Женщина заподозрила, что девочке просто хочется покопаться в шкатулке с «богатством» и полюбоваться украшениями, а то и примерить что-то из них на себя. Такое желание ей понятно. Сама в деревне у бабушки, благо та не возражала, перебирала бусы и толстые колечки с серьгами, которые лежали в сундук, завёрнутые в пакетик, и в которых её особенно восхищали огромные «бриллианты», честно и прозрачно сверкавшие стеклянным отблеском. Да и сама она в своём мире «владела» парой цепочек с махонькими кулончиками да небольшим колечком с камешком, блестящим от аккуратно наложенного на него лака для ногтей, причём с большим количеством блёсток. Дешёвка, одним словом. Но ей нравилось

подставлять колечко солнцу и вертеть в его лучах «камешек», сияющий богатым разноцветьем.

— Спасибо, Кристал, — искренне отозвалась Аня, предполагая приискать кое-что и для девочек в том ларчике. — Мы обязательно займёмся украшениями, как только перенесём матрасы и подушки в комнаты.

Кристал расцвела от радости, и Аня, скрывая улыбку, сообразила, что догадалась правильно: девочке-подростку нравятся женские безделушки, особенно если они блестят.

В коридоре второго этажа встретили зевающую Лиссу и посмеялись над её сонным видом. Мало того, несмотря на вялое возмущение малышки, Аня собственноручно умыла её в своей комнате (ближе к ней оказались) и расчесала... В задумчивости глядя на Лиссу, ворчащую из-за промокших в процессе умывания волос, но с интересом глазающую в зеркало на своё преображение, Аня покачала головой: не слишком ли легкомысленно она использовала обрезки ткани, употребив их на умывание Оноры? А если попытаться сделать из них красивые штучки для волос хотя бы младших девочек? Интересно, в этом мире бельевая резинка существует? Надо бы подумать над этой идеей...

Прибежала Кристал, побывавшая над террасой, сообщила, что спальные принадлежности можно переносить в дом.

... В «свою» комнату после перетаскивания одеял и матрасов Аня зашла совсем утомлённая. Тело Агни ныло и плакало, хотя, казалось бы, груз, высушенный на солнце, сейчас не настолько тяжёл. Тем не менее... Это ведь воодушевлённая работой Аня не замечала трудностей с тяжестями, а вот тело Агни, не привыкшее к такому труду, да ещё ослабевшее после болезни, с трудом приходило в себя...

Девочки залетели следом: они ещё по дороге возбуждённо болтали о том, сколько всякого богатства хранится в ларчике Агни. И, только когда Кристал, встав на стул, потянулась к шкапулке на одной из настенных полок, Аня вдруг поняла: надо было раньше подумать о том, какие тайники могут быть у Агни. Ведь, кажется, братья и сёстры у неё — народ деликатный, а значит, что-то могло быть спрятанным либо на полках, либо среди книжных страниц. Что-то, что поможет ей разобраться и с этим миром, и с собственным поведением здесь. Но об этом позже. Сейчас уже нет смысла выгонять девочек и приниматься за обыск.

— Ух ты, какая... — почтительно прошептала Кристал, вытягивая длинную цепочку с прозрачно-голубым камнем, который поддерживала изящная металлическая кошачья лапка, распялив коготки.

Аня засмеялась её блеску замороженных глаз, да и вывалила содержимое тёмно-красной высокой шкапулки (точно — ларчик, причём явно из пород тяжёлого дерева) на покрывало, которым только что накрыли заново собранную постель. Пировать, так пировать! Девочки ахнули при виде раскрывшихся от падения коробочек и принялись копаться в куче посвёркивающего добра, взвизгивая, причитая от восторга и дёргая друг дружку за руки, чтобы показать наиболее впечатляющие экземпляры.

Через несколько минут Кристал и Лисса шутливо поделили небольшую кучку драгоценностей пополам: «Это мне! А это — мне! А мне вот это больше нравится!» И вскоре сидели, внимательно, порой открыв рот, разглядывая «свои» драгоценные игрушки, извечно привлекательные для женщин от двух и далее лет. И каждую примеряли, благо Аня принесла им зеркало на ножке — со стола, за которым раньше явно прихорашивалась Агни, а теперь Аня держала там выкройки и иголки-нитки. Она ещё покосилась на выкроенные детальки,

не начать ли работу, но сообразила, что сейчас главное — искренняя радость её «младшеньких». Да и тело всё ещё ныло от перетаскивания одеял и подушек. Отдохнуть немного тоже надо бы...

Ещё несколько минут — и девочки перестали хвастать друг перед дружкой, а принялись уже не примерять, а наряжаться, не сомневаясь, что кучка блестяшек каждой из них, оказавшись на шее, руках и ушах (серьги только цепляли за верхнюю часть ушей), будет выглядеть замечательно. Аня на их торопливые вопросы только кивала: «Да-да! Прекрасно смотрится! А как тебе идёт! Изумительно!» А потом занялись «глубоким» изучением камешков, крутя их и восторженно всматриваясь в смутное сияние...

... Аня и Кристал внезапно устали на Лиссу.

Та тихонько, но отчётливо замурлыкала себе под нос, расправив наконец цепочку какой-то старинной камеи с полустёртым лицом на ней и надев её себе шею:

— Изумрудики для рыжих, а опалы для блондинок! Вот сапфиры — синеглазкам, вот рубины словно сказка!

Кристал было открыла рот, глядя на поющую малышку. Судя по всему, девочка хотела спросить Лиссу, что за песенку она поёт. Значит, и Кристал впервые слышит эту песенку? Эти мысли в мгновение пронеслись в голове Ани. Сидела она рядом с Кристал, так что успела схватить её за руку и помотать головой на её вопросительный взгляд. А потом быстро, но вполголоса, стараясь вписаться в тон мурлыканью-песенке, спросила:

— Лисса, кто тебя научил этой песенке?

— Дедушка, — ответила малышка, не поднимая глаз от камеи, которую вертела так, чтобы на неё попадали последние солнечные лучи, которые постепенно переходили на другую стену комнаты.

Старшие ошарашенно переглянулись, и Аня попробовала продолжить:

— А где живёт твой дедушка?

— Он умер.

По впечатлениям, Лисса ответила машинально, а потом, словно очнувшись, бросила играть с украшением и заплакала.

Ане пришлось взять девочку к себе, на колени, и, укачивая её, утешать, бормоча какие-то ласковые слова.

А удивлённая Кристал, посидев немного в оторопи — вперившись в плаксиво ноющую малышку на руках Ани, очнулась. Она собрала украшения по коробочкам, куда какие влезли, и закрыла их в шкатулке на изящный маленький крючок.

Аня, продолжая укачивать прильнувшую к ней Лиссу, подняла брови и, глядя на Кристал, кивнула на горсточку украшений, которые так и остались лежать на покрывале.

— Это твои любимые, — негромко объяснила Кристал. — Ты их постоянно носила.

Продолжая покачиваться вместе с засопевшей Лиссой, Аня задумчиво сказала:

— Как хорошо, что ты рядом, Кристал. Ты мне о многом напоминаешь, многое подсказываешь, за что тебе моя огромная благодарность. А ведь мне ещё столько вспомнить надо... Последний месяц был для меня... наверное, сравнимым только со страшным сном. Приснился, напугал и пропал из памяти вместе с теми днями, которые так легко забрал... И столько забыто...

— А ты спрашивай, — к тайной радости Ани, откликнулась девочка. — Всё, что смогу, я тебе напомню. Спрашивай всё, что угодно.

Она взяла с покрывала отобранные вещички и, чуть склонившись над Аней, сначала

унизала её пальцы кольцами и перстеньками, кое-где надев сразу по два-три кольца или в сочетании с перстеньком, — свободными остались лишь большие пальцы и мизинцы. Затем встала за спиной старшей сестры и осторожно, чтобы не потревожить задремавшую Лиссу, надела одну за другой три цепочки с кулонами. Аня ещё усмехнулась: опять кулончики! Правда, на этот раз с настоящими камнями!

Неожиданно улыбка слетела с её губ.

В этой комнате кровать стояла немного в отдалении от широкого окна. Если сначала солнечные лучи ещё попадали сюда, то теперь, чуть позже, они переместились на другую стену, а возле кровати из-за чётких теней воцарился полумрак. Кольца, которыми украсила Кристал её пальцы, виднелись едва-едва в этом сумраке. Поначалу. Аня время от времени поглядывала на них: не совсем удобно — пальцы стали тяжеловатыми и немного неуклюжими. И — застыла: в очередной раз подняв кисть руки, чтобы взглянуть на колечки и на тонкие браслеты на запястье, она вдруг уловила пробежавший по украшениям смутный свет. «Показалось?»

Только подумала, как в средний палец левой руки будто сильно клюнула какая-то раздражённая птица. Клюнула решительно и больно! Аня чуть не вскрикнула от острой боли. Именно на этом пальце Кристал выложила целую композицию из трёх экземпляров: кольцо, перстень, кольцо... Палец от точечного удара по нему аж онемел от боли. А секунду спустя Аня не поверила глазам: продолжая держать кисть перед глазами — пусть и в отдалении (чтобы не мешать Лиссе), она заметила, как из-под колец медленно выползло нечто тёмное — капля крови?! Моргнула раз — и снова чуть не с ужасом заметила же, как эту капельку резко втянули назад, под кольца!

Как будто всосали!

Кто?!

Господи, что это было?!

А потом... Подняла глаза от колец и перстня на пальцах и похолодела: вокруг всех украшений переливались... странные гирлянды! Пока она по-другому никак не могла назвать мутноватое сияние, которое постепенно становилось ярче, несмотря на солнечный летний день. И чем дальше, тем... Сияние медленно, но продолжало превращаться в нечто отчётливое — с непонятными буквами, цифрами и какими-то знаками! И все они светились разноцветным сиянием, словно соединявшим их!..

— ... Агни! — услышала она откуда-то сбоку. — Агни!

— А? Что? — выдохнула она, не сразу сообразив, что к ней обращается Кристал, причём уже не впервые.

— Ты видишь меня? — испуганно спросила девочка.

— А... почему ты так спрашиваешь? — стараясь не показать, что она вздрагивает от крупной дрожи по всему телу, попыталась удивиться Аня.

— Ты смотрела в точку, и я испугалась, что с тобой снова начинается... — Кристал нервно облизала губы. — Ну, это, которое у тебя было от колдовской отравы.

— Я задумалась, — поспешила успокоить её Аня.

Повернулась к ней Лисса и сказала:

— Ты устала — отпусти меня!

С чего малышка взяла, что её устали держать на коленях? Не на руках же?.. Додумала вопросы — и догадалась, в чём дело: Лисса почувствовала ту самую пробежавшую по её телу дрожь, но приняла её за усталость... Сообразив всё это, Аня помогла съехать малышке с

коленей, старательно скрывая, что всё ещё пытается таращить глаза на обеих девочек. Смотрела-то на них сквозь сияние слов и знаков, которые будто росли от украшений строго вверх, окружая её!..

— Пора обедать, — уже буднично сказала успокоившаяся Кристал. И повернулась идти к входной двери. С радостным писком за ней побежала Лисса.

Аня тяжело встала. Разглядывая светящуюся гирлянду с подросшими от неё знаками, вытянувшимися в частокोल, сделала шаг. Другой. Пока дошла до двери, начала привыкать к видимым даже в самых светлых местах знакам вокруг себя. Хотя и было попервости впечатление, что она либо жёстко наткнётся на них, либо что-то ломает в их построении. А когда до двери осталась пара шагов, она вдруг подумала: а если какое-нибудь украшение поместить, скажем, на щиколотку, будет ли вокруг ноги разноцветное сияние?

То ли наказали, то ли так надо было, но, когда она взялась за дверную ручку, средний палец снова резко укололи. Аня окаменела, ошалело наблюдая, как снова показывается из-под колец тёмно-алая на свету кровь, а потом ушмыгивает назад.

И лишь в коридоре она вдруг подумала: и даже мысли нет, чтобы снять все эти... магические украшения!..

Кухня заставила-таки забыть о странностях. Ну, как забыть? Старушки не могли обслужить «господ», так что Ане, как старшей и заменяющей на какое-то время Кристал, пришлось не только налить в тарелки приготовленный суп, но и принести тарелки на подносе в столовую залу. Ничего. Пару раз, невольно застревая взглядом на разноцветно переливающимися гирляндах, запнулась о низкие пороги между помещениями, а потом выпрямила спину и стала смотреть только вперёд и чуть выше обычного. Вроде как перестала замечать странное сияние.

За столом, широким и длинным, наверняка рассчитанным на большую семью или на частых и многочисленных гостей, Аня усадила девочек так, как привыкла в отсутствие братьев: за узкий конец садились она и Кристал, а сбоку, за углом, помещалась Лисса.

Стулья здесь отличались тем, что на каждом имелась мягкая подушка для сиденья, привязанная к ножкам тесёмками. Поэтому можно было варьировать как высоту стула, так и его мягкость. Лисса не доставала до края стола. Только глазки хлопали на присутствующих. Так что Аня всегда сажала её на три подушки.

Устроив малышку на стуле, Аня попробовала горячий суп. Порадовалась, что сообразила с травами: суп и впрямь стал более густым, даже без приправ. А ещё она заметила, что настолько привыкла к сиянию вокруг, что и в самом деле перестала на него реагировать. Правда, и бдительности не потеряла. Улучила момент и спросила у Кристал:

— Все эти украшения подарил мне мой муж?

— Да, я даже помню, как ты приезжала к нам и хвасталась вот этими тремя кольцами, — с воодушевлением рассказывала девочка. — А я тебе так завидовала, пока Никас не сказал, что такие драгоценности мне пока рано носить!

Беря паузу, чтобы насладиться супом, пока горяч («Ешь горячо — не поймёшь ничего!») — говорила бабушка, когда внучка жаловалась ей, что суп пересоленный), Аня одновременно размышляла. Кристал необычно сказала. «Рано». «Такие».

— А почему — рано? — не удержалась она.

— Эти украшения для тех, кто уже начал заниматься основами магии. А я до сих пор не знаю, буду ли учиться ей, ведь у меня способности не стабильные, — важно ответила Кристал. Наверное, ей нравилось объяснять старшей сестре прописные истины, о которых

сказал ей кто-то из взрослых. А может, она чувствовала ответственность, помня, что помогает не просто сестре, а той, от которой зависит благосостояние семьи.

— А Греди и Кеган учатся, — словно рассеянно сказала Аня, стараясь, чтобы интонации в этой фразе прозвучали неопределённо: то ли она спросила, то ли вспомнила.

— Конечно, — согласилась девочка. — Только ты забыла, что мальчики любили бегать к дедушке, пока он был жив. Жил-то он на соседней улице. Им-то хорошо! Работы по дому мало. Я тоже к дедушке хотела бегать, да только всё некогда было.

Аня спрятала улыбку: ну вот — и здесь всё то же, что в её мире! Мужчина по дому выполняет меньше физической работы и успевает развлека... ой... развиваться, а женщинам мешает постоянная возня в домашних делах!.. Улыбнуться завуалированной жалобе Кристал Аня улыбнулась — спрятавшись за ложкой супа, но от давешней мысли не отказалась: среди оставшихся в шкатулке безделушек наверняка есть и не магические, а обычные — значит, девочки всё же получают свои игрушки. Аня не больно-то любила украшения, точнее — смотрела на них безразлично. Есть бижутерия — хорошо, нет — так и забыть о том. Как-то, ей казалось, ни к чему они. Разве что если они... функциональные. Ну, такие вот — магические.

И, кстати! Не надо бы забывать, что появилась ещё одна проблема! Лисса! Кем был её дед, если она мурлычет довольно странную песенку? Ювелиром? Главой очень богатой семьи? Или... по новым представлениям об этом странном мире — магом, который работает с драгоценными камнями? Надо бы этой проблемой озадачить Никаса, чтобы тот попытался найти родственников Лиссы. Есть же здесь полиция? Ну, или что-то вроде городской стражи, которая следит за порядком на улицах? Пока малышка в тепле и заботе, пусть поищут её близких. Не потому, что Аня хотела бы избавиться от неё, а потому, что это необходимо самой Лиссе — иметь своих родных.

После обеда девочки, узнав, что Аня собирается самолично вымыть посуду, убежали на огородик, который начал приобретать вид настоящего.

Аня же ласково сказала стареньким служанкам, что хочет немного их разгрузить, и те с благодарностью удалились в свою каморку при кухне отдыхать.

Честно говоря, Аня собиралась работать в кухне до упора, что называется! Несколько осознанных дней в этом доме она с трудом перебарывала брезгливость при виде плохо отмытой посуды: грязные потёки, миниатюрные полосы застарелого жира. И вот наступил момент, когда можно засучить рукава! И пусть разогретая вода в громадной кастрюле плещется только в небольшом количестве, но — мыло и сода здесь есть! В этом она уже удостоверилась!

Поглядывая на спокойное сияние на своих руках, она мыла посуду и старалась сообразить, как спросить у Никаса, что значат эти магические «безделушки» и что можно с их помощью сделать. Воду-то хоть разогреть можно? И размышляла не потому, что боялась — Никас не ответит. А боялась — он не поверит, что она забыла всё напрочь! Легко вешать лапшу на уши Кристал. Но Никас-то взрослый...

Со стоном разогнувшись от уголка, в котором отмывала посуду, Аня выдохнула и, разыскав полотенце, прихваченное из своей комнаты (кухонным она не могла бы под страхом смерти воспользоваться: оно было буквально насмерть замасленным!), вышла из кухни, вытирая руки, и медленно пошла к лестнице, чтобы посидеть в своей комнате и отдохнуть, пока девочки не вернулись.

Перед глазами полыхнуло так, что она отшатнулась — от самой себя. Нет, от блескучего

салюта, который устроили украшения с её рук. Что это... А живой и даже подвижный блеск секундой спустя словно ветром снесло в сторону. Пока ещё только удивлённая, Аня повернулась посмотреть, что это за сверкающий порыв, и уставилась — на дверь в библиотеку!

Закинув полотенце на плечо, она подошла ближе к двери. Подняла руку к дверной ручке. Полыхание сияющих камней снова снесло с рук и словно размазалось по двери, громадной, солидной... И сияющей теперь целой гирляндой слов и знаков...

— Это что... — прошептала Аня, чтобы убедиться, что не заснула на ходу. — Агни как-то со всем этим связана? Но... как?

Гирлянды знаков оставались на кольцах, несмотря на то, что дверь обрела собственную цепочку, очень похожую на ту, что оставалась с Аней.

В своём мире Аня любила разгадывать не только сканворды и sudoku, но и всякие головоломки. Сейчас, озадаченно сдвинув брови, она почему-то решила, что отгадка примитивна. И тут же пустила в ход придуманное только что решение данной ей задачи: она сначала не совсем уверенно подносила к дверному знаку ту часть личной гирлянды, где сиял тот же знак. Странно, что личная гирлянда подчинялась. Знаки словно... целовались и начинали светиться так, что глазам больно было. А когда Аня, уверившись, что делает всё, как надо, убирала руку, на двери знак продолжал своё свечение. «Любопытно, а Кристал увидела бы эти знаки? А Никас?»

Знаки закончились. Прикусив от напряжения губу, Аня осторожно взялась за дверную ручку и толкнула дверь. Та величаво и недовольно прокряхтела — и раскрылась.

И глазам предстала такая огромная библиотека, что Аня рот открыла, глядя на сумеречно торжественные ряды стеллажей, которые из-за сумерек закрытого помещения (окна зашторены!), казалось, исчезали ближе к потолку.

— Розы, — напомнила себе Аня и уже вся дрожащая от неожиданного во всех смыслах открытия, вошла в библиотеку. На первом же столе, рядом с дверью, она обнаружила небольшую книгу с обложкой, на которой ярко краснела нарисованная роза.

— Это, что ли? — удивилась Аня и оглянулась на дверь. Скрывать или не скрывать от своих, что она сумела попасть в закрытую для всех библиотеку?

Ладно, об этом потом.

Она схватила книгу с розой — так получилось, что за краешек. Книга, плохо прихваченная и неожиданно тяжеловатая, выскользнула из пальцев и упала. Всё бы ничего, но... Аня пару мгновений напрасно сжимала пальцы, ошалева: выскальзывая, обложка будто схлопывалась! Будто в ней не было страниц! Как будто?! Книга оказалась не книгой! Под обложкой прятались какие-то картонки, которые были чуть больше привычной открытки и на которых красовались опять-таки нарисованные розы! И эти картонки злорадно разлетелись по всему полу.

Пришлось облазить весь пол, подглядеть под все стеллажи, чтобы убедиться: все картинки с розами собраны. Странно, но, поднимаясь на трясущиеся от впечатляющих потрясений, Аня раздумывала совсем не об Оноре, ждущей освобождения там, в подвале. Нет, пока лазила на коленях, пока ложилась на живот, высматривая картинки повсюду, Аня поймала себя на наблюдении: она прекрасно видит в темноте! И сразу же появились мысли о том, что очень хочется нынешней же ночью пойти на берег озера и посмотреть в лицо неизвестному. Дин Таеган? Или кто-то другой? О том, что эта авантюра опасна, как-то не хотелось и думать.

Смешливо помотав головой, Аня велела себе перестать витать в облаках и вернуться к делу. Поскольку, пока рассеянно потряхивала картинками с розами, мыслями унеслась далеко — до той самой заветной точки, где каждая женщина, с блуждающей по губам мечтательной улыбкой, видит себя в пышном белом платье, таинственно поглядывает из-под фаты на некоего, возможно, до времени неопределённого мужчину, который придерживает её под руку...

Хватит! Пора вернуться к розам и к Оноре!

Она поспешно вышла из библиотеки и некоторое время наблюдала, как медленно и важно закрывается дверь в помещение, а на её поверхности меркнут, но до конца так и не исчезают видимые ей знаки...

Дочитывая небольшие любовные романчики и порой пуская над концовкой счастливую слезу за счастье придуманных героев, даже тогда Аня умела скептически думать о невероятных союзах мужчины и женщины, которые абсолютно серьёзно заключались в воображении авторов. И сейчас, невольно перекладывая свои впечатления от прочитанного на свою сегодняшнюю ситуацию, она только усмехнулась: «Ну-ну... Я-то, может, и влюблюсь, но не этот мужик! Кто он — и кто я? Ну и что, что говорить не может! Зато из высших чинов, хоть и в отставке. Долго один в белом свете ходить не будет. Не красавец, но симпатичный. А я кто?»

Машинально подошла к настенному зеркалу сбоку от двери в библиотеку. Даже если учитывать, что в вестибюле дома (Аня про себя звала его нижней гостиной из-за наличия в нём множества диванчиков и кресел) сейчас, в обеденное время, довольно темно — солнце ушло чуть дальше, то её отражение всё ещё выглядело... так себе. Лицо не худенькое, а похudevшее до заострённых скул и грустно торчащего носика, глаза до сих пор впавшие, и губы серые. Да и... она вздохнула... старовата она для здешних женихов. Ещё неизвестно, как они вообще к вдовам относятся...

Аня глядела-глядела в зеркало — и расхохоталась. Она не знает, кто тот ночной неизвестный! Она не обменялась парой слов (если это, конечно, возможно) с дином Таеганом! Она даже ещё не влюбилась! Но уже придумала любовную историю, которая из-за здешних сословных предрассудков должна закончиться печально! Причём историю мистически-парадоксальную по всем параметрам: кого героиня любит? Ведь Аня умудрилась сложить, возможно, две личности в одну? Понравился голос неизвестного в ночи! А внешность дина Таегана заставила помечтать о спасителе Лиссы!..

А вот интересно, если она начнёт писать любовные романы, примут ли её в своё общество здешние писательницы, которых так охотно печатают в дамских журналах? Тоже неплохо для зарабатывания так нужных семье денег...

«А ну, марш отсюда! — скомандовала себе Аня, вытирая выступившие от смеха слёзы и пятясь от зеркала. — У тебя и так забот полон рот, чтобы ещё и романы придумывать!»

И побежала к себе: пока девочки вне дома, надо подумать, как опять-таки незаметно прокрасться к Оноре, а потом... Вот на этом «потом» Аня и споткнулась. Она ведь не знает, что делать с этими разрисованными картонками! И сумеет ли Онора помочь её разобраться с ними — это ещё большой вопрос... Дождаться Никаса? Но женщина просила принести немедленно. Она так кричала, что Аня поверила: розы нужны прямо сейчас! Но... А если

Онора снова впадёт в неконтролируемое бешенство? Что, если вместо чётких указаний, что именно нужно сделать с картонками, снова придётся удирать от жутких воплей и рычания?

Мда... Загадка с дверью в библиотеку была гораздо легче.

В задумчивости Аня подошла к столу с выкройками и отодвинула их в сторону, а на освободившееся место выложила папку (не обложку, как выяснилось!) с картонками, а потом расставила эти картинки в три ряда — без всякой логичной мысли. Что получилось, пока по одной картинке вынимала, то и получилось. По двенадцать в каждом ряду. Аня попыталась вспомнить, сколько карт в колоде таро. Но многого о гадании она не знала. Помнилось что-то как бы понаслышке. Или там было семьдесят две карты?

Впрочем, зачем ей знать, сколько было карт таро, если здесь тридцать шесть картонок, про которые она вообще сказать не может, что они карты?

Вопросительно посмотрела на руки с украшениями. Те переливались уже привычным разноцветьем, но «помалкивали», когда им «показали» картинки с розами.

Долго размышлять Аня не любила. Лучше действовать, хоть и наугад.

Сегодня она оделась привычно — в штаны и в блузу с пышным, но коротким рукавом, а поскольку утро было довольно прохладным, добавила к наряду длинный жилет-разлетаюк — как его назвала про себя: он не застёгивался на пуговицы, а был на завязках — на тонких нагрудных тесёмках. Так что, недолго думая, сунула в глубокий карман папку с «розами». Карман жилета чуть оттопырился, но Аня сочла: ничего страшного. Если девочки заинтересуются, что носит старшая сестра с собой, достаточно будет показать обложку папки — и они решат, что это любовный роман.

Осторожно выглянув в огород, Аня увидела, что девочки что-то оживлённо обсуждают, сидя между грядками. Кажется, это надолго. Времени хватит, чтобы провести эксперимент до приезда домой братьев.

По дороге назад, к своей комнате, думала о том, что сначала не смущало.

Почему Онора не реагировала на Никаса? Может, даже в своём сумеречном состоянии она помнила, что он ничем не может ей помочь? Опять-таки: мало Аня ещё знала всех обитателей этого дома, чтобы понять такие тонкости. Никас-то хоть и знает магию, но, кажется, не слишком опытен в ней.

Снова потоптавшись у лестницы на второй этаж, Аня прикинула, что к чему, и решила, что для похода в подвал ей нужна накидка с прорезями для глаз. Поскольку с картинками роз она собиралась идти путём проб и ошибок, не хотелось бы, чтобы этот путь слишком сильно тревожил Онору. Ей и так немало натерпеться пришлось... А накидка должна спрятать от Оноры лицо посетительницы. Аня вспомнила индийские фильмы и, прибежав в свою комнату, схватила первую попавшуюся тёмную шаль, большую и лёгкую. Накинув её на голову, замотала часть вокруг шеи, как шарф, а потом подняла краешек на лицо и закрепила так, чтобы видны были бы только глаза. Даже так, накинутая, шаль оказалась большущей и только чуть-чуть не доставала до пола. Теперь есть надежда, что при виде бесформенной фигуры Онора не будет рваться из веревок, стягивающих её, а значит — не будет причинять себе физическую боль, а то и травмы.

Ещё раз заглянув в папку с картинками, Аня определилась, что именно собирается делать в первую очередь, и побежала в подвал.

По дороге вновь стала думать, как пройдут два эксперимента. Сначала она хотела просто показать Оноре по очереди все эти картинки — в надежде, что уже первый рисунок заставит женщину как-то... ну, прийти в себя. А там она скажет, что именно надо сделать,

чтобы спасти её. Если же этот примитивный способ не сыграет как надо, Аня собиралась положить картинки прямо на подвальный пол — или, как вариант: разложить картинки вокруг стула с Онорой.

В подвал Аня спустилась быстро, перед тем не забыв закрыть за собой дверь. Боялась — девочки увидят открытую, заглянут, испугаются «страшной ведьмы». Лисса и так проявила себя весьма впечатлительным ребёнком... А вот взяв факел, горящий ровно (утром Никас, кажется, добавил масла), к двери в каморку Оноры Аня подошла уже неуверенно. Опять полезли в голову беспокойные вопросы: стоит ли экспериментировать в одиночку? Она же ничего не понимает в магии! Может, дождаться Никаса? Объяснить ему, рассказать о драгоценностях, подаренных мужем и, как выяснилось, настроенных, как минимум на дверь библиотеки? На все сомнения существовало пока только одно «но»: Онора требовала, чтобы именно Агни помогла ей!

Самокритично пробормотав себе: «Авантюристка!» Аня решилась и вошла в каморку с Онорой. «В клетку со львом!» — криво ухмыляясь, вздохнула она.

Перешагнув порог, уже привычно сунула факел в настенные скобы и осторожно встала перед сидящей Онорой, придерживая край платка на лице, чтобы оставалась только узкая щель для глаз. Пальцы заметно дрожали, и Аня нервно улыбнулась. Но улыбка закаменела на губах, когда Онора, до сих пор сидевшая сутулой и с низко опущенной головой, медленно разогнулась. Наверное, спустя минуту Аня выдохнула: воплей при виде непонятной для невольной узницы фигуры не последовало.

Первый эксперимент прошёл впустую. Онора не откликнулась на поочерёдно показанные ей картинки, затребованные ею. Аня даже испугалась, решив, что, видимо, надо было всё-таки поискать в библиотеке именно книгу.

Немного разочарованная, она принялась за второй эксперимент. И вот тут-то произошло то, что поразило её саму. Как и в своей комнате, она разложила картинки с цветами перед Онорой. Единственная разница — в расчёте, что «страшная ведьма» не крутит головой, Аня выложила розы не в три ряда, а в четыре. Чтобы все уместились в зоне её зрения.

Онора не пошевелилась.

Зато картинки неожиданно затеплились смутным светом. И это, как и последующее их движение, было странно и завораживающе. Некоторые алели и розовели, как им и полагается по цвету. Но некоторые почему-то тлели тошнотворными, бледно-гнилыми оттенками. Плесень и гниль — это сравнение первым пришло в голову. Потом, непонятно почему, Ане показалось, что эти картинки высвечивают гнилостным переливами, потому что им не нравится лежать рядом с теми, которые по воле Ани попали им в соседи.

Насторожённая Аня шагнула к выложенным картинкам и неуверенно взяла картинку с гнилостным мерцанием, а потом, оглядев ряды, подняла ещё одну картинку, чтобы на её место положить поднятую первой. И застыла, не разгибаясь: роза под болотным свечением налилась благородным алым светом, полностью поглотив гниль!

Уже уверенней Аня осмотрела остальные картинки и сунула вторую на место не поднятой ранее, а взятой третьей. Так, прислушиваясь к картинкам — или к своей интуиции (она надеялась — к магии Агни!)? — она поменяла все картинки со зловещим свечением. И отошла — как художник, который хочет увидеть, что же получилось у него в целом. Хм... Получилась неровная такая клумбочка — попытка вырастить цветы в строгом порядке. Цветы выросли — пусть и несколько беспорядочно, а испускали победный свет так бодро,

что Аня вопросительно взглянула на Онору. Что дальше?

А дальнейшее произошло очень быстро.

В тишине подвала, где единственно звучало лишь потрескивание факельного огня, послышался глубокий, хрипловатый вздох. Затаившаяся в углу Аня внимательно следила за происходящим.

Сейчас, как ни странно, она начинала снова бояться. Разоблачения. Пусть Онора в ритуале, который должен был помочь Агни освободиться от колдовской отравы, сама сделала ошибку и ритуал пошёл наперекосяк, едва не погубив спасательницу и спасаемую, как это смутно понималось, тем не менее, Аня догадывалась, что Онора — сильный маг. Если решилась помочь Агни в таком деле — по словам Никаса, очень опасном. Значит, есть возможность, что она увидит в теле Агни чужую душу. Или сознание? Впрочем, всё равно...

Аня и сама глубоко вздохнула. Может, остановить тот процесс, который она запустила по самоуверенности? А если на кону жизнь Оноры? От голода женщина не умрёт: в меру своих сил Никас всегда будет её кормить. Но вот от антисанитарных условий, в которых вынужденно содержится «страшная ведьма», вполне. Если, придя в себя, Онора захочет отослать чужую душу назад, что ж... Пусть... Агни в этом мире, в конце концов, на своём месте... Аня подняла голову, твёрдо сжав рот: «Ничего! Теперь всё зная о себе, я и в своём мире повоюю! Да и... Я же не хотела сюда — в это тело, в этот мир! Ругаться же Онора наверняка не будет! Это её ошибка в ритуале, который она провела с Агни, её просчёт — не мой! Если что — в сущности, она же и виновата в том, что случилось!»

Бессовестно переложив, таким образом, ответственность с себя за внезапный переход в чужой мир и в чужое тело, Аня насупилась и стала ждать, что будет дальше.

Но с Онорой так ничего и не происходило.

Это картинки будто узнали свою хозяйку (в чём Аня не сомневалась!), и их сияние начало расти вкосу — по направлению к «страшной ведьме». Им всем словно необходимо было дотронуться до неё, словно необходимо было удостовериться, что именно она им хозяйка. Дотянувшись же до согбенной фигуры, которая больше не пыталась сидеть прямо, снова склонившись вперёд, сияние обволокло Онору в подобие громадного стакана — прозрачного, но в то же время с изысканными, бархатно алыми и роскошно розовыми вихрями по его стенкам.

Наблюдая, как женщина всё больше обмякает в этом «стакане», Аня встревоженно подумала: «Только бы не во вред! Только бы не во вред!» Но от фигуры веяло мягким расслаблением. Аня насторожённо следила за Онорой, а потом, уверившись, что происходящее подчиняется какой-то своей логике, в результате которой Онора вот-вот «отомрёт», взглянула на свои кольца и вышла из каморки, оставив на всякий случай горящий на стене факел.

Уже закрывая за собой дверь в сам подвал, она снова посмотрела на кольца.

Странно. Чем больше она смотрит на них, тем больше понимает то, чего не должна. Магию. И её действие. Неужели муж старался, чтобы Агни хоть что-то знала и умела использовать магию, а для этого придумал ей не просто украшения, но целый комплект, который может направлять, подсказывать своей хозяйке?.. Ой... Этот комплект принял её, Аню? Или ему всё равно, кто его носит? Типа, кто носит, тот и хозяин? Хм... Попробовать предложить Кристал надеть эти украшения? Вроде как в шутку? И посмотреть, что будет?

Ладно, хватит думать о том, что будет. Надо бы сделать кое-что по дому... И даже не кое-что, а очень многое. Аня хотела было заняться состоянием нижней гостиной —

привести её в порядок к приезду братьев. Но, едва она появилась в этой гостиной, едва только шагнула к кухне — взять ведро и тряпки для мытья... Ноги чуть не подогнулись!.. Аня удивилась. Но потом слабо усмехнулась: она опять забыла, что находится в чужом теле, сильно ослабленном болезнью. А ведь она за сегодняшний день столько успела сделать! И переволноваться... да что — переволноваться! Перепугаться до смерти из-за Лиссы! Так что... Хочешь не хочешь, а придётся идти отдыхать. Подумав, куда бы, Аня улыбнулась — на ту же площадку, где она и девочки сушили постельное бельё! Ничего. Есть завтра — и уборка никуда не денется...

Через минуту она обнаружила, что поднимается на полюбившуюся площадку не одна, а с девочками, которые хозяйственно захватили с собой пару-тройку кресельных подушек. Пристроив эти подушки, плоские, но мягкие, на широкий цоколь, больше похожий на каменные скамьи, отлично пропечённые послеобеденным солнцем, они немного поболтали, а потом потихоньку задремали. Устроились с той стороны, с которой солнце постепенно уходило, оставляя в нужном месте тень: и чтобы не сгореть под лучами, и чтобы проснуться вовремя. Это Аня для себя придумала...

Спала она недолго — не привыкла к дневному сну, да и душа беспокоилась: столько работы по дому! Но, не желая будить девочек, лежала на своей скамье, откуда виден кусочек озера, блистающий голубым, в солнечных сполохах драгоценным камнем среди зелёных деревьев.

И невольно улыбалась: вот и пропали все её мечты о том, чтобы набраться дерзости и сбежать сегодняшней ночью на озеро!.. Что там, в подвале, сейчас происходит? Очнулась ли Онора?.. Больше туда Аня — ни шагу! А когда придёт Никас, она ему всё расскажет — и пусть дальше он сам. Она даже усмехнулась себе: кашу-то сама заварила, а расхлёбывать Никасу.

Скоро проснулись и девочки. И Аня им сообщила:

— Кто куда, а я — в спальни мальчиков. Постели мы перебрали, высушили, но ведь нужно и полы вымыть.

— Я с тобой, — быстро сказала Кристал и тут же спросила: — А почему у мальчиков?

— Отмыть-то я собираюсь все спальни, — объяснила Аня. — Но не хочу, чтобы мальчики пришли, а комнаты для них не готовы. А ведь именно они работают, чтобы кормить нас. Так что пусть войдут в комнаты, хорошенько просохшие, где им будет комфортно.

— Это ты всё в дамских журналах прочитала? — с уважением спросила Кристал.

Аня кивнула. Она уже придумала все советы из этих журналов так или иначе приспособивать под нужды дома. Даже на обложках записала всё то, что внутри есть, но таким образом, что потом можно сказать: «А я решила, что вот этот совет можно слегка поправить!» Захочет девочка убедиться, что Аня что-то такое и впрямь полезное на журнальных страницах вычитала, нетрудно будет ткнуть пальцем в статеечку, где хотя бы намёком упомянуто об этом.

— А я? — звонко спросила Лисса и подпрыгнула. — Что буду делать я, пока вы моете?

— А ты — поиграй, — улыбнулась Аня.

— У нас игрушек нет, — напомнила Кристал. — Поэтому она играть одна не хочет.

— Тогда так. Мы — моем, а Лисса носит с места на место те вещи, которые для неё легки. Тогда наша уборка быстро закончится, и мы вместе сможем поиграть.

К приезду братьев они и в самом деле успели отмыть все спальни, кроме её

собственной. Убираясь в комнатах, Аня заметила, что мальчики, вообще-то, стараются придерживаться порядка. «Аристократы! — посмеялась-поддразнила Аня мысленно. А потом пожала плечами: — Наверное, Никас учит бережно относиться к вещам».

Сразу после ужина Аня рассказала Никасу и об украшениях, и о картинках с розами, и о том, что сделала она в подвале. Тот растерянно потёр лоб.

— Я ведь только немного вижу, — признался он. — И то — магическое видение часто пропадает. Не разработано. Денег же не было. Да что я тебе-то об этом говорю! — спохватился он. — Ты и без меня всё знаешь и помнишь, как вместо обучения у мастера мне пришлось идти работать. Это вот братьям повезло — я уже взрослый... Хорошо. Я сейчас побегу в подвал и посмотрю, что там с Онорой.

— Я с тобой! Но к Оноре входить не буду. Страшно, — откровенно сказала Аня. — Но, если что — позови меня. Я буду за дверью ждать. Ты только её открытой оставь.

И, пока девочки водили младших братьев на грядки похвастать быстро растущими овощами, старшие рванули в подвал. Минут пять, наверное, Аня мыкалась возле двери, не смея заглянуть в каморку Оноры, прежде чем Никас позвал её. На его ликующий зов она примчалась мгновенно.

— Вот! — с торжеством сказал брат. — Посмотри! Она теперь даже на тебя не откликается!

Но в первую очередь Аня посмотрела на картинки. Они лежали в том же порядке, в каком были, когда она сбежала из каморки Оноры. Но больше не сияли, а притворялись обычными картинками. Причём... чёрно-белыми! А Онора сидела на стуле, по впечатлениям, умиротворённо откинувшись на его спинку, словно отдыхая.

— И что? — с разочарованием спросила Аня, нагибаясь и быстро собирая картинки. Она-то думала...

— Онора, как и ты недавно, тоже будет некоторое время набирать силы, а значит, спать несколько дней. Ведь ей попало больше, чем тебе, — радостно сказал Никас. — Агни, в конце коридора с жилыми покоями есть ещё несколько спален. Пока младшие вне дома, мы успеем перенести её туда. Ты поможешь мне отмыть её и переодеть?

— Конечно, Никас! — обрадовалась Аня, а потом, помявшись, спросила: — То есть нам обеим влетело от ритуала?

— Странное выражение, — мимоходом сказал Никас, примериваясь, как взять на руки развязанную Онору. — Но, если я правильно понял, — да, обеим. Примерно одинаково. Странно только одно: я думал — ты слабей. Онора всегда выглядела очень сильной. Возможно, ей всё-таки попало больше... — Он легко поднял женщину на руки и, оглянувшись, сказал напоминающим тоном: — Спрячь картинки с розами в папку же. Мы оставим их рядом с Онорой, но лучше так, чтобы она их не видела. А они — её.

— Почему? — машинально спросила Аня и тут же замерла: а если она должна это знать? Не поймает её Никас на необычном незнании? Или спишет на болезненное состояние, в котором она пребывала с того же времени, что и Онора?

— Они отдали ей силы, а я не знаю, как их восстанавливать, — покачал головой старший брат, шагая к выходу из подвала. — Долго магические артефакты держать без подпитки нельзя. Они могут и сами потянуть — даже с хозяйки.

Никасу было тяжело нести Онору, хотя он шёл легко. Так что Аня сомневаться не стала: открыв ему на пути все двери, в начале коридора на втором этаже она быстро побежала к самым последним комнатам, чтобы приготовить ложе для женщины. Плотно закрыв за

собой дверь (Аня сбегала за водой и тряпками), они вместе быстро привели ужасающе вонявшую Онору в порядок, договорившись вещи с неё просто сжечь: Аня как-то не представляла, что можно выстирать этот смрадный ужас.

Далее вечер пошёл своим чередом: вымывшись сами, чтобы от них ничем не пахло, старшие рядом спустились вниз и предложили младшим сбегать на озеро. Аня посомневалась, потом рассказала Никасу про дневное купание. Он посмеялся, что она внезапно научилась плавать, но посоветовал пока не слишком увлекаться водой. Аня торопливо покивала: едва она представила, что полезет в озеро, руки сразу заныли. Как всегда — подумалось. Иной раз работаешь, работаешь, не замечая, что переборщила с физической нагрузкой, а потом тело как взвоят! Тем более такое тело, которое сейчас досталось ей. И так физически слабое, как она поняла...

На озеро, к разочарованию девочек, с восторгом рассказавших братьям, как здорово она плавала, пришла с корзиной для рукоделия. Помня слова Кристал о том, что игрушек нет в доме, где до недавнего времени жили только взрослые, Аня решила сшить куклу Тильда. Ну и что, что таких кукол она не нашла в дамских журналах! Среди увлечений здешних дам вообще было обшивание и обвязывание уже готовых кукол. Но в доме нет средств даже на такую игрушку. Аня надеялась, что, примерно зная о кукле Тильда, она сумеет сшить нечто близкое к ней. Пока братья и сёстры (она чувствовала себя счастливой, произнося эти слова: здесь её любили!) плескались в воде, она успела сшить не только части Тильда, но и небольшой сарафанчик — первой вещички из гардероба будущей тряпичной дамочки. Младшие сёстры пофыркивали на лоскутки, когда, запыхавшись, вылезали из воды, но Аня только таинственно помалкивала и так загадочно улыбалась на все хихиканья, что девочки поневоле были заинтригованы.

А за час до сна в комнату Ани постучала Кристал.

— Агни, ты не спишь?

— Нет пока, — ответила та, набивая кукольные детальки ветошью, никуда больше не годной. — Заходи. Поболтать хочешь?

Кристал присела на край кровати, рядом с которой Аня поставила табурет, чтобы выпрошенный у Никаса канделябр освещал работу.

— Агни, ты после болезни немного изменилась. Ты никогда не интересовалась домом и огородом. А сейчас — столько всего делаешь!

— И... что? — осторожно спросила она.

— Я хочу тоже читать твои журналы! — выпалила Кристал. — Пусть я не болела и не боялась, что навсегда буду... как ты тогда, но мне тоже хочется заниматься разными интересными делами! Ой, что это у тебя?!

— Это кукла, — довольно сказала Аня. — Сейчас пришью ручки — и у Лиссы будет игрушка. Как тебе? У неё есть и одёжка!

— Вот! — уже восхищённо сказала Кристал. — Когда ты болела, ты очень боялась смерти, а теперь ты... такая живая!

— У меня есть вы, — улыбаясь, напомнила Аня. — Думая о смерти, я была эгоистичной... То есть жалела только себя. Но сейчас мне нравится думать и о вас. И не только думать, но и заботиться.

— Поэтому ты начала читать журналы? — серьёзно спросила Кристал, беря в руки куклу и открывая рот: — У неё глаза из пуговиц!

— Поэтому. Как ты думаешь, Лиссе понравится кукла?

— Конечно! А... мне? — умоляюще посмотрела на неё Кристал.

Она обняла девочку и пообещала:

— У нас будет много кукол! С одёжками!

... Когда в доме всё затихло, а из-за вытянутых облаков, чёрно-синих ближе к полуночи, появилась полная луна, Аня посмотрела на свои руки, на мягко сияющие на них кольца и браслеты. Взглянула в зеркало, чтобы убедиться, что кулоны на цепочках полны силы, как это объяснил Никас. И выскользнула из дома, побежала знакомой дорожкой к саду, а затем и к озеру. Уже спокойней спустилась к купальной беседке. Постояла немного, прячась в чёрной тени и вприщурку оглядываясь. Вроде тихо, но сердце замирало: придёт — не придёт? И стоит ли так самоуверенно бросаться в новое приключение? А если придёт, зачем ему болезненная женщина из соседнего поместья?..

Оставшись в короткой сорочке, в которой вынужденно искупалась днём, она нерешительно погуляла в прибрежных мелких волнах, а потом покачала головой. Нет, мышцы до сих пор ноют. Вернулась к беседке и, вытершись захваченным полотенцем, оделась. Не пришёл... Приключение не состоялось, даже не начавшись... Но уходить не хотелось. Плеск волн, посвистывание и вскрики ночных птиц, украдкой пробирающийся среди деревьев и кустов ветер — все эти звуки завораживали.

Она села на мостках, опустив ноги в воду, и загляделась на звёздное небо. «Тоже мне — мечтательница...» — усмехнулась она — и вздрогнула от сильного всплеска, слишком выделяющегося среди других. Он раздался снова, уже ритмичный, не единственный. Вцепившись в края мостков, Аня следила, как тянется по воде длинный след за чуть видимой во тьме головой. «Может, сбежать, пока не поздно?» Но снова в голове застучало, уговаривая остаться на месте: надо прояснить отношения с соседом. И, главное, узнать, кто он!

Сжавшись от напряжённого ожидания, Аня продолжала сидеть на мостках и лишь как-то стороной отмечала, что ноги у неё уже не просто напряжённые, а поджатые, словно она боялась, как бы в неё не плеснули водой.

От последнего всплеска тёплая волна мягко ударила по ногам. Мужчина ухватился за край мостков и сильным движением — резко вылетев из воды, сел рядом. Она ещё удивилась его умению двигаться: ни капли воды на неё не попало!

Мужчина повернулся к ней.

— С каждой встречей моя соседка всё больше удивляет меня, — вполголоса и как-то монотонно сказал дин Таеган. — Я слышал о ней, как о крайне замкнутой особе. И не думал, что после вчерашнего впечатляющего побега от меня ты снова явишься... Почему?

— Наверное, любопытство привело меня сюда, — прошептала Аня.

— Я... рад. Твоё любопытство спасает мою неприютность.

После этих загадочных слов дин Таеган усталился на холодно-белые лунные блики, покачивавшиеся на воде.

Любопытство, в котором она призналась, заставило Аню искать подходы к человеку, замолчавшему начисто и тем самым невольно напомнившим о том, что ей о нём говорили. О его молчании, которое оказалось не совсем молчанием. Может, все решили, что он молчит, потому что он вообще немногословен?.. И он и правда вызывал интерес. А потому Аня первой прервала затянувшуюся паузу, хотя она явно не тяготила его. Ну и её тоже. С ним рядом сидеть было... уютно в этой ночи, в этом громадном пустом пространстве между небом и водой.

— Меня научили плавать братья. Но до недавнего времени я боялась, что они будут смеяться над тем, как я барахтаюсь в воде. — Договорив, она прислушалась к себе: вроде убедительно объяснила. Значит, можно задать простой вопрос, который заставит его ответить: — А кто научил тебя? Ты плаваешь быстро и сильно.

Сначала сама удивлялась себе: так легко говорить с незнакомым, в сущности, мужчиной, да ещё будучи в чужом мире, обычаи и законы которого понимала через пень-колоду — и лишь в рамках «собственного поместья»! Но ближе к этому вопросу, логичному в беседе, которая ни к чему вроде как не обязывает, Аня ощутила странную лёгкость, когда посматривала на тяжёлую мужскую фигуру, застывшую рядом. Дожидаясь его ответа, она даже успела объяснить себе эту лёгкость. Кто она ему? Ему — никто. Соседка по поместью дяди. Так — по слухам, вдова погибшего мага, с сомнительным наследством («О, какая я деловая!»). Кто он ей? Никто, разве что по положению — сосед. И то — то ли будет здесь жить, то ли уедет ещё... Отсутствие светских и родственных обязательств по отношению друг к другу да ещё ночь — вместе дали причину им обоим не загружать разговор излишними дневными церемониями и сразу перейти на закономерное «ты». Всё правильно. В темноте все кошки серы. Ну и... коты тоже...

Правда, этот мужчина на кота не похож. Он больше видится одиноким дельфином, который приплыл на такой же одинокий огонёк... А ещё... Аня начала подозревать, что в доме его дяди не знают о странных пристрастиях племянника — о ночных плаваниях, например. И мотнула головой: если уж думаешь о себе, как о деловой, будь последовательна! В доме дяди наверняка всё знают, а ещё, несмотря на все его странности, наверняка у него есть любовница! Так что... на чужой каравай роток не разевай!.. Но она и не разевает... Здесь наверняка смотрят на возраст. А по их меркам Аня... э-э... в матримониальном качестве перестарок. Ведь Агни около тридцати, и Ане — тоже... Пусть дину Таегану больше тех же тридцати, но...

Вскоре она начала думать, что не получит ответа даже на такой простенький вопрос с толикой заинтересованности: он смотрел куда-то вдаль, на воду, притаившуюся под высоким, уже безоблачным ночным небом. Но дин Таеган зашевелился. Деловито отжал край рубахи от воды и пожал плечами:

— В поместье моих родителей не было водоёмов. Но мы жили недалеко от дяди, а он любит гостей. Особенно, если их можно чем-то удивить. Или чему-то научить... Вот и...

Сначала он говорил медленно, не договаривая фразы, и пару раз Ане хотелось понукнуть его: «Ну! Ну! Давай быстрее!» Но позже она заметила, поглядывая на него сбоку, то секундные паузы Таеган делает, прежде чем произнести слово. Причём он морщится и даже, кажется, сердится на это слово, будто долго искал его или вспоминал. И это наводило

на тревожную мысль, что он и правда слишком много молчит... Однако дальше она так привыкла к его размеренной, время от времени спотыкающейся речи, что не замечала неприятных и даже раздражающих поначалу осечек в его речи.

И стала задавать уточняющие вопросы, когда, внутренне вспыхнув от волнения жаркой волной, сообразила: ей привалило огромное счастье и огромная удача в лице Таегана! Ведь, рассказывая о себе и о детстве, он открывал перед ней мир, в который она неожиданно попала и в котором только-только начала осваиваться. Однобоко, конечно, открывал. Но даже частичка его мира давала Ане представление о том, что тут и как.

Она даже, извинившись, сбегала в купальную беседку и принесла Таегану старый купальный халат своего мужа. Вещичку использовал старший брат, переодеваясь после купания. Ведь сосед мог замёрзнуть, сидя в мокрой, а потому холодной рубашке, и сбежать домой греться. Аня же в этом случае могла лишиться такого... симпатичного источника информации!

К великому облегчению Ани, Таеган не обиделся на её наивный порыв великодушия и, продолжив рассказ, без брезгливости принял чужую, ношеную и довольно ветхую вещь. Краснея от стыда (слава Богу, темно, а ещё на соседе она не заметила каких-либо штучек, типа её украшений, а значит — он-то, как нормальный человек, её смущения не видел), сообразив, что она наделала, Аня даже затихла на первое время после паузы, устроенной ею. Но Таеган снова остановил свой рассказ и обернулся к ней. На его лице она увидела тревогу и вопрошание: кажется, он решил, что дальнейшее в его истории ей неинтересно. Догадавшись, что он не заметил её неприемлемой в свете неловкой заботливости с халатом или не обратил на это внимания, она поспешно задала вопрос, которого он явно ожидал, чтобы удостовериться: ей нравится его слушать. Успокоившись, сосед вздохнул и продолжил своё повествование.

Итак, Аня узнала, что находится в мире, довольно-таки развитом. А потому в повествовании соседа с изумлением ловила знакомые понятия и названия знакомых предметов. Здесь уже перемещались с помощью пароходов и паровозов, а в столице появились первые автомобили, росли фабрики и заводы...

Все эти факты только мелькали в его рассказе. И, чтобы подробней узнать о здешней жизни, Аня то и дело просила рассказать о каком-то моменте более пространно, на что Таеган охотно откликнулся. А она, объясняя своё неведение, терпеливо повторяла через каждые два-три своих вопроса, напоминая ему, что родилась в глуши, что о многих технических чудесах знает лишь понаслышке или черпает информацию из дамских журналов... Странно, но чем дальше рассказывал Таеган, тем отчётливей перед глазами вставало начало российского девятнадцатого века, приправленного магией, — начало, отличительной особенностью которого в основном было ещё и наличие чужих, то бишь иностранных, имён. Школу-то она с отличием закончила. Историю знала.

Здешний мир в её воображении обрастал такими подробностями, что Аня переставала думать о нём, только как о поместье, по краям границ которого находится нечто неопределённое и смазанное. Хотя те же дамские журналы годичной давности тоже постепенно вводили её в курс дела. Но то было... картинкой. А здесь о мире рассказывал живой человек. И ему верилось больше.

Таегана она готова была слушать всю ночь. Он нашёл в ней внимательную слушательницу, а потому оказался заинтересованным рассказчиком. Ему явно нравилось говорить о том, что интересно самому, но что, наверное, уже наскучило его близким.

Но, когда он начал говорить о своей службе, с которой ему пришлось уйти, что-то изменилось. К этому времени небо на востоке начало недвусмысленно светлеть, и Таеган, вроде разговаривавшийся, начал вдруг заикаться, а то и вовсе угрюмо молчать, из-за чего паузы, когда он обычно подыскивал слово, затягивались всё больше. Вскоре он замолчал напрочь. И больше не поворачивался к своей терпеливой слушательнице, но и не уходил, а только смотрел на небо, уже не тёмно-синее, а синевато-серое...

Аня покусала нижнюю губу — и решилась. Она потрогала Таегана за руку, чтобы он посмотрел на неё. Посмотрел. Заметно было, как блеснул в его глазах сердитый огонёк. Кажется, он заранее злился, что она вот-вот спросит его о чём-то, а он не сумеет озвучить ответ. Но Аня улыбнулась.

— Ты придёшь завтра?

Сначала он очень удивился. Она легко считала его изумление по приподнятым бровям, до этого мгновения хмуро сошедшимся к переносице. Потом его лицо посветлело — это она снова улыбнулась ему, подтверждая своё желание увидеть его. И — закивал...

Сбросив с плеч старый халат Никаса, Таеган мягко, почти без всплеска съехал с края мостков в воду. Здесь озеро ему было по грудь. Не оглядываясь и мощно раздвигая волны, он сделал, наверное, всего пару шагов, а затем погрузился в воду и широкими гребками в секунды оказался на середине озера.

Глядя ему вслед и восстанавливая в памяти его последние слова, Аня покачала головой. Ничего себе — военачальник! Он назвал себя военным магом-искателем. В её же мире его специализацию назвали бы... ну, возможно, сапёрным делом.

Здесь, в этом мире, а конкретней — в этом государстве, чаще велись магические войны. А ещё чаще велись они исподтишка. Соседи могли устраивать магические ловушки в тех местах, которые им нравились в качестве военной добычи. Чаще. А так могли соорудить эти ловушки в любых местах, лишь бы досадить соседу. Если обычные воины пытались отбивать эти места, часто уже объявленные противником, как свои, они беспомощно погибали в невидимой войне с невидимым противником. Порой не сразу, а спустя время. А потому первым делом в подозрительные или внаглую присвоенные места шли команды военных магов, которые анализировали магические ловушки и пытались их нейтрализовать. Дин Таеган был командиром одной из таких групп. В последнее время ловушек было мало — и все были довольно известными по структуре, так что, когда местные приграничные маги обнаружили аномалию в заброшенном храме и вызвали военных магов, на место явилась группа дина Таегана. И всё бы ничего, но в его команде было много новичков. И один самоуверенно полез в самое пекло, когда все остальные только готовились к последовательному «разминированию» ловушки — пусть долгому, но надёжному делу. Кто за своих подчинённых в ответе? Командир. И дин Таеган бросился следом. Неразумного подчинённого вытащил — того магической ловушкой почти не задело. Зато командир получил по полной, оставшись «пустым». Не магом, а обычным человеком. А спустя время обнаружил, что, будучи обычным, получил ещё и заклятие молчанием, проявившее себя не сразу.

И ещё кое-что промелькнуло для Ани в этом воспоминании. Как-то нехотя и почти намёком Таеган проговорился, что родители давно уехали куда-то в другое место. А он приехал к дяде — не потому, что тот всегда встречал его с распростёртыми объятиями, а потому, что Таеган надеялся на мужа Агни, не зная, что тот погиб. Надеялся, что тот снимет с него полученное проклятие, созданное чужими магами.

... Аня поднялась с мостков, потрясла ногами, которыми до сих пор так и болтала в воде, и медленно пошла к дому. Жаль, что сбежала вчера... Могли бы уже тогда поболтать... Оказывается, он шёл следом за ней до потайной дверцы, чтобы извиниться за то, что нечаянно напугал её.

Она открыла эту дверцу и, зайдя вовнутрь, замерла. С сожалением улыбнулась: он очень симпатичный! Жаль, что у него любовница есть!.. Она так поверила в эту любовницу, что неведомая женщина стала для неё виртуальным забором между Таеганом и ею... Бредя по коридорам дома, Аня пожалала плечами. «Тем лучше. Меньше буду думать не о том, о чём надо. Проблем и без Таегана хватает... Нет, я, конечно, буду с ним болтать по ночам, но — никаких чувств! У меня есть братья и сёстры. Есть дом, который нуждается в уходе. Так что днём все мысли должны быть направлены на домашних!»

Часы в нижней гостиной напомнили о времени. Подойдя ближе, хмыкнула: четвёртый час. Значит, проклятие Таегана срабатывает в три ночи?

И опять глупая мысль: а знает ли любовница, что Таеган по ночам купается в озере? А если... А если она поймает их за беседой? Поймёт ли она, что между ними...

Аня снова хмыкнула. Может, и правда начать писать любовный роман?

И старательно сосредоточилась на времени. Спать совершенно не хотелось, а мысли о Таегане одолевали. Она видела его то сидящим рядом, на мостках, то спускающим с плеч халат Никаса. И... ой, какие это плечи... Настоящие мужские...

— А-а-а... — Аня шёпотом изобразила негодующий вопль и решительно развернулась к кухне. Пора отмыть ещё одну партию посуды, которую она заприметила ранее!

С посудной полкой она управилась за полчаса, старательно деря её мочалкой (из какого-то дерева — липа?) с содой.

Когда поняла, что сна опять-таки ни в одном глазу, добралась до своей комнаты и дошила куклу Тильду. Ещё полчаса — и кукла «оделась». Насупленная, Аня огляделась... Через час она обнимала подушку, а под кроватью, на коврик для ног, валялся примитивный детский рюкзачок с нашитой заячьей мордашкой.

Последняя картинка перед закрытыми глазами: счастливая Лисса, отведя от себя куклу, чтобы лучше видеть её целиком, ошарашенно разглядывает её, а потом изумлённо рассматривает рюкзачок и тут же запихивает в него все свои детские сокровища. Последняя мысль, перед тем как заснуть: «А от того платья надо будет отпороть нижнее кружево — ну, то, что пущено по низу подола. Пойдёт как отделка на платье Кристал. Кружево серебристое, платье бледно-голубое — смотреться будет классно!» Последней плохо осознаваемой тенью в преддверии сна промелькнула понурая мужская фигура, сидящая совсем рядом...

... Наутро, после завтрака, выяснилось, что сегодняшний день — выходной. Братья собрались в нижней гостиной и о чём-то зашушукались-загудели, рассматривая что-то мелкое — деньги, как чуть позже оказалось.

Кристал, заметив невольный интерес Ани, мимоходом объяснила:

— Считают деньги, чтобы посмотреть, хватит ли на мясной рынок.

Вот как? Аня мысленно пожалала плечами. Замечательно, что мужчины думают об этом. Кому, как не добытчикам, ходить на охоту, пусть даже такую? Со своим списком, с перечнем долгоиграющих продуктов, придётся подождать. Во-первых, они идут покупать на остатки денег. Во-вторых, неплохо бы самой посмотреть на тот рынок... Интересно, а здешние дамы ходят по торговым рядам, выбирая продукты?..Надо будет попросить Никаса однажды взять её с собой, чтобы приглядеться, как тут у них всё устроено — в этой немаловажной области

жизни.

И, успокоенная этими хозяйственными мыслями, поднялась на второй этаж. Пора выкладывать Тильду и радовать малышку Лиссу.

Как Лисса приседала, заставляя куклу приседать в ответ! Как ходила, держа куклу за талию и важно разговаривая, как истинная леди, о погоде! И как они обе смотрели друг на друга: одна — с восхищённой улыбкой, другая — с задорной и слегка снисходительной ухмылкой!

И как, открыв рот, смотрела на них Кристал! И не выдержала, потрясённо обернулась к старшей сестре:

— Агни! А мне?!

— Следующая будет для тебя! — пообещала Аня. — Эту я сшила в первый раз — попробовать, получится, нет ли. Так что теперь знаю, как шить другие, и сошью тебе быстро. — И быстро добавила, заметив, как плаксиво скривились губы сестры: — Ты хочешь куклу в платье или в штанах?

Через минуту обе старшие, опираясь локтями на столик, увлечённо обсуждали, какую именно куклу будет шить для Кристал Аня. Всполошённо оглянувшись на притихшую Лиссу, сёстры увидели, как малышка сосредоточенно набивает кармашки рюкзачка всякими лоскутками и пуговками.

— Лисса, зачем?! — удивилась Кристал.

— Чтобы было! — пытаясь, ответила малышка, заталкивая в центральный кармашек распоротый рукав от следующего платья, которое Аня определила на пошив следующих игрушек или того, что вспомнится из интересного.

Сёстры переглянулись. Понятно. Игрушек больше нет. А в рюкзак так хочется что-то положить!

— Вытащи, — велела Аня, усмехаясь. — Всё вытащи. Мы твоей кукле нашьём всяких вещей — и тогда у тебя будет что-то нужное, что ты можешь носить в сумочке.

— Но я не хочу с пусто-ой! — заныла Лисса.

Кристал бросилась к ней уговаривать потерпеть...

«Кстати, о сумочках, — мелькнуло в мыслях Ани, когда она зацепилась взглядом за пояс от распоротого платья, а на нём — за пряжку из красивых металлических штучек. Может, после куклы для Кристал нашить сумочек для мелочей, типа — косметичек?»

— Что это? — поразился Никас, после вежливого стука появившийся на пороге Аниной комнаты. После его кивка на Лиссу Кристал гордо объяснила, что куклу Аня сшила за пару дней, начитавшись о таком шитье в дамских журналах.

Ожидая одобрения, Аня заметила странное движение старшего брата то ли на своё плечо, то ли на руку. Не сразу поняла, в чём дело, но всё же догадалась. Распоротый шов? Или грубо прошитая дыра? Вздохнула тихонько, но решила заняться новым делом чуть позже — когда братья вернутся с рынка. С сельскохозяйственного, насколько она поняла.

А Никас снова загляделся на Лиссу — и внезапно спросил:

— Девочки, а можно — мы заберём Лиссу с собой?

— Почему ты спрашиваешь? — удивилась Кристал. — Вы же всегда берёте её на рынок! Пусть едет!

— А почему вы её берёте? — удивилась Аня.

Кристал снисходительно покосилась на неё.

— Когда Лисса с братьями, торговцы снижают цену, — объяснила она.

— А уж когда она в таком платице да с такой куклой... — пробормотал Никас, во все глаза продолжая любоваться малышкой. — Лисса, поедешь с нами?

Малышка серьёзно отнеслась к предложению старшего брата. Она прижала к себе куклу и поджала губы, а потом выпятила их. Аня, стоявшая рядом, быстро и незаметно выдрала из рюкзачкового кармашка рукав от платья и бросила его подальше. А затем помогла Лиссе правильно надеть его

— Ладно уж, — громко вздохнула малышка. — Поеду!

Все засмеялись, а Кристал покачала головой:

— Скажи ей раньше, она бы ни за что не стала думать, а теперь...

Лисса вприпрыжку побежала в коридор. Радостный Никас распрощался с сёстрами и вышел. Аня же посмотрела на Кристал и кивнула.

— Теперь, когда не надо смотреть за Лиссой, времени у нас много! Успеем столько всего сделать! Не буду обещать, что кукла будет готова к вечеру, но, надеюсь, долго с ней возиться не буду. Пойдём провожать братьев и Лиссу?

— Пойдём! А ты мне такую сумочку на лямках сошьёшь?

— Сошью!

— Такая тоже есть в журналах?

— Нет, эту я сама придумала, — соврала Аня. — Там есть кое-какие схемы всяких сумочек, но они слишком сложные для меня. Но допридумать что-то, что похоже, хоть чуть-чуть отличается, нетрудно.

Они проводили братьев с младшенькой до ворот и вернулись в дом.

День пошёл по накатанной: помощь в умывании неподвижной Оноре (Кристал уже знала о ней) и её кормление: главное — в рот впихнуть по чуть-чуть, а женщина уж сглатывала (кстати, ей, как сначала Ане почудилось, явно столько же лет, сколько самой Ане, если та даже не младше). Затем совместные полив и прополка огорода, потом кухня, где драили посуду в четыре руки. Затем Аня послала Кристал в комнаты братьев, чтобы та перебрала их одежду и принесла в комнату старшей сестры всё, что нуждается в починке, — взгляд Никаса, надеялась Аня, она поняла правильно: мол, занимается чем ни попадя, а в доме для работающих мужчин приличной одежды не осталось. А уж сама Аня в это время быстро приготовила всё, что будет необходимо для ремонта одежды...

Игла так и летала-клевала вещи, приносимые Кристал. В конце концов, девочка, глядя на целеустремлённую работу старшей сестры, тоже заинтересовалась ручным шитьём. Скорей всего — решила Аня, сестрёнка просто сообразила: чем быстрее закончит старшая сестра с ремонтом одежды, тем быстрее примется за вожделенную куклу. Через пару законченных вещичек Кристал запомнила основные ручные швы для восстановления порванной одежды. И в первую очередь «дамы» занялись починкой летней одежды братьев, решив остальное чинить по мере наступления иных времён года. В давно найденной рабочей шкатулке Агни нашлось много чего. Судя по некоторым обмолвкам Кристал, сестра после смерти мужа пыталась увлечься вышиванием, а потому накупила, пока были деньги, всё, что помогало бы ей в рукоделии. Отсюда в большой шкатулке и многочисленные шпульки разноцветных ниток, и наборы игл и крючков, и даже ножницы в трёх экземплярах — от самых маленьких до больших швейных, и другие мелочи, считая напёрсток и прочее...

Аня, как всегда внимательно и даже напряжённо слушавшая Кристал, не позволяла беседе за мелкой починкой затихнуть. Ловко, сама удивившись этому, перевела вроде никчёмный разговор на Онору — так, упомянув, что и ей скоро понадобится одежда...

— Не только одежда, — ответила девочка. — Надо будет выделить ей комнату. Хотя комната уже есть, только надо её удобней обустроить.

— Она будет жить у нас? — поразилась Аня и тут же испугалась: а вдруг задала вопрос, который не должна задавать Агни?

— Всё зависит от тебя! — тоже удивилась Кристал. — Ты же сначала не хотела её даже пускать в дом! Ещё бы! Она незаконная дочь твоего мужа! Забыла? Если бы ты не заболела от колдовской отравы, ты даже не поговорила бы с ней!

— Значит, это я её пригласила всё-таки? — медленно уточнила Аня.

— Нет, не ты. Ты уже лежала в постели, потому что встать не могла. И Никас привёл Онору к тебе. И тогда ты сказала, чтобы он нашёл ей комнату, потому что она старалась тебя вылечить и даже начала готовить ритуал для снятия проклятия, и тебе стало стыдно, что ты её даже не допускала к себе, и тогда...

— Подожди-ка немножко, — попросила Аня.

Бедная голова начинала побаливать от новых открытий. Ведь Аня решила, что Онора — местная жительница, мастер по магии (или как там это называется?), который промышляет тем, что уничтожает действие, созданное чужим заклинанием — или, как Кристал говорит, колдовской отравой. А тут... Дочь? Незаконная? То есть... То есть Онора Агни приходится... падчерицей? Но тогда...

— Я совсем запуталась, — откровенно сказала она и потёрла ноющий от боли висок. — Так Онора младше меня?

— Намного, — озадаченно сказала Кристал. — А ты думала... А! Я поняла! Ты забыла её лицо из-за болезни! Да и она сейчас выглядит просто ужасно! Подожди. Вот придёт Онора в себя, поправится — тогда увидишь, какая она!

— И насколько она меня младше?

— Намного, — уверила девочка, старательно складывая край очередной дыры в камзоле и край лоскутка для латки. — Она училась в магической академической школе, когда ты вышла замуж за дина Хармона.

И тут Аню проняло.

Странная композиция сложилась. Правда, не хватает ещё одного факта.

— Кристал, а в нашем городе есть ещё маги-мастера, которые умеют снять... — она замялась, не зная, как назвать действие колдовской отравы.

— Нет, в нашем — дин Хармон был единственным.

— Но Онора... — нерешительно сказала Аня и, поморщившись, снова потёрла висок. — Она умеет снимать?

— Она же его дочь! — отозвалась Кристал и замолчала, явно считая, что этого достаточно для ответа. А потом, подумав, добавила: — Правда, Онора очень сильно торопится, ну и... очень самоуверенная. Поэтому иногда может, как с тобой получилось, неправильно снимать заклятие с человека.

— Из твоих слов, — улыбнулась Аня, надеясь, что её лёгкий тон не заставит Кристал вникать в её вопрос слишком вдумчиво, — следует, что только дети могут наследовать магию родителей.

— Наверное, я не так сказала. — Кристал схватила напёрсток и начала сильно давить иглу на слишком толстом слое заплатки. Аня отобрала у неё камзол и быстро разобралась с проблемой, пока девочка не сломала иглу. Девочка критически осмотрела место латания и даже засмеялась: — И как это я раньше не поняла!.. А Онора... Дин Хармон до твоего

появления сам воспитывал её. И сам уловил в её талантах зачатки мастера, расплетающего заклятия. И до её поступления в академию обучал Онору сам.

— Он любил её?

— Конечно! — возмутилась Кристал. — Она же его дочь! Но как-то... по-своему.

— А... кто была её мать?

— Не знаю, — покачала головой девочка. — Слышала только, что она родила Онору, а потом бросила её на дна Хармона и вышла замуж за простого, но богатого человека. Поэтому я думаю, что она тоже была магом.

«За простого, но богатого»? Значит, этот человек взял её замуж из корысти? Ну, что если она маг, то поможет, скажем так, нарастить имеющееся богатство ещё больше?

— А Онора упомянута в завещании? — Аня больше не осторожничала. Надо знать всё, чтобы предполагать, чего ожидать от девушки (теперь она не женщина, хотя глубокие морщины помнились отчётливо), которая была в близком родстве с её мужем.

— Нет, — категорично сказала Кристал. — Я слышала разговор Никаса с нею. Она сказала, что знает, что не включена в завещание. И что это её не волнует, потому что отец знал, какая она сильная. — И секунды спустя вздохнула. — Сильная — может быть, но она наделала ошибок, как слабый маг. Хорошо, что ты всё-таки выбралась...

— А если я выбралась именно благодаря её работе? — чуть улыбнулась Аня.

Иголка в руках девочки замерла. Аня с интересом наблюдала, как Кристал морщится, хмурится и вздыхает. Наконец, она подняла глаза и покивала:

— Я точно не знаю, но думаю, ты права. Онора столько сил тебе отдала!.. Хотя...

И она снова принялась — с тем же озабоченным выражением лица — за починку одежды... И так была занята то ли этим мелким ремонтом, то ли мыслями об Оноре, что Аня не удержалась и спросила:

— А ты когда поступишь в школу или в академию?

— У меня нет явного магического дара, — откликнулась Кристал. — А чтобы развить тот, который может оказаться... — Она поискала слово, не нашла и огорчённо уставилась на Аню. — Ну, этот... Никас говорил — что-то вроде... доми?..

— Доминирующим? — помогла Аня.

— Да, домини... ну, в общем — самым сильным, нужен мастер до академии. Ведь туда поступают на определённую специализацию. Осенью я пойду в обычную школу — мне осталось учиться ещё два года, ну а потом... — Она пожала плечами. — Потом посмотрим, что будет. Наверное, буду дома сидеть. Агни... Я заметила, как ты не решаешься сразу спрашивать. Не бойся. Я отвечу на все вопросы. Я же обещала!

— Спасибо, Кристал, — пробормотала Аня.

— А ещё Никас сказал, что Онора нам выгодна, если останется в доме. Она же только-только начала как практикующий маг, а значит, мы сможем спокойно прожить в этом доме все последние девять лет, если она станет настоящим магом и будет практиковать в нашем городе. Ну а когда не сможем платить на него налоги, тогда придётся переезжать.

— А дин Хармон много со мной занимался? — догадалась спросить Аня.

— Никас сказал — много. Но ты после его смерти перестала учиться. И даже не говорила нам, в чём твоя специализация.

Девочка снова насупилась на не поддающийся игле жёсткий шов, а Аня задумалась. Так значит... Кольца и другие украшения — это не просто помогающая магия, но что-то из разряда специализации? Но в чём же её доминирующая способность? Что она должна уметь

делать? Ведь, судя по всему, и она могла бы приносить пользу в этом доме, особенно учитывая, что семья ходит либо в обносках, либо в постоянно (она посмотрела на неуверенные и грубые стежки на обрабатываемом манжете камзола) чинённых вещах. Не говоря уже о нормальной пище. Так. Как бы выяснить, в чём её магическая специализация?

Братья вернулись ближе к обеду, совершенно смущённые — и с обрѣванной до заикания Лиссой!.. Ревела она, видать, давно, поскольку сейчас только сипло хлюпала распухшим носиком и время от времени, словно зевая, разевала рот, но выговорить не могла ни слова. Кукла Тильда, почему-то заметно потрёпанная и до ужаса стиснутая ручонками малышки, тоже покорно помалкивала.

Ахнувшая Аня бросилась к Лиссе, сидящей в открытой бричке, на скамье между двойняшками. Первое, что заметила: рюкзачок малышки оказался не за плечами, а на животе, и куклу Лисса прижимала к себе так, будто её только что пытались вырвать из её ручонки. Аня с притихшей и такой же изумлённой Кристал встречали братьев на крыльце дома, поэтому неудивительно, что младшая сестра побежала следом за старшей... При виде лошади, впряжённой в бричку (или как там её?), Аня мельком подумала, что ещё не побывала на хозяйственном дворе с конюшнями — посмотреть, что там и как. Но эти пока лишние мысли быстро перебил новый взгляд на уставшую от плача Лиссу.

Сидевший на облучке (это же облучок — кажется?) Никас не успел даже натянуть поводья, чтобы лошадь остановилась, не доходя до ступеней, а Аня уже шла рядом с бричкой, и Лисса, выглядывавшая из-за тёмно-русого Кегана, снова сморщила и так заплаканное лицо в приступе нового отчаянного слёзоизвержения. Аня поспешно протянула к ней руки, и крепыш Кеган безропотно передал ей малышку. В глазах младшего брата плескался фонтан противоречивых чувств: он едва удерживался от смеха, но в то же время был просто ошеломлён. Греди же только хлопал глазами, растерянный.

Сообразив, что ситуация неоднозначная, Аня немедленно унесла Лиссу в дом. Никас прибежал следом, озабоченный:

— Не надо нести её на руках, Агни! Ты ещё слабенюкая!

Оглянувшись на него, Аня спустила на пол Лиссу. Они уже были в нижней гостиной, поэтому она быстро спросила:

— Что случилось?

— Не отдам! — сердито вскрикнула малышка и сбежала от взрослых на второй этаж.

Уже подозревая, что именно произошло, Аня посмотрела на опустевшую лестницу и, приподняв бровь при взгляде на Никаса, вполголоса поинтересовалась:

— Кукла понравилась ещё кому-то?

Во время вопроса в нижнюю гостиную влетели Кристал и двойняшки — и замерли: девочка, испуганно глядя на старшего брата, а мальчики — снова прикусывая губы, прятали глаза, с трудом удерживаясь от смеха.

Никас вздохнул и, оглядевшись, подошёл к ближайшему креслу.

— Я устал, — откровенно сказал он. — Мы купили отличное мясо — правда, очень мало. Но сумеем прожить на нём до моей следующей выплаты. Но устал я не оттого, что пришлось поискать, где оно дешевле. Лисса. Как мы и ожидали, малышка нравилась всем. Особенно в обнимку с куклой. Очарованные ею, торговцы почти не торговались с нами. Но на выезде с рынка мы встретили почтенную даму с двумя дочерьми. Боюсь, эти девочки оказались... — Он замялся, явно стараясь выбрать слово помягче.

— Да они набросились на Лиссу, как бездомные собаки! — не выдержал Греди. — Они так хватили её куклу и растёгивали кармашки на этой её сумочке на лямках, как будто

Лисса сама была куклой с магазинной витрины. О, как наша малышка дралась с ними!

— Они её напугали, — просто обобщил Кеган.

— Нам пришлось вырвать Лиссу из их рук и спрятать в ландо, — добавил Греди. — Но синяков она им успела наставить и даже кое-что порвать.

Аня только хмыкнула: вот как. А она думала — брочка. Ландо, оказывается.

И — ничего себе, малышка Лисса и драться умеет... Молодец.

— Я боялась — произошло что-то ужасное, — призналась она, думая, как бы прямо сейчас побежать наверх и утешить малышку. — Но с этим мы сумеем справиться.

— Агни, — нерешительно сказал Никас, — когда почтенная дама сумела совладать со своими барышнями и отправить их в свою карету, она не ругалась из-за Лиссы, но спросила, кто подарил нашей малышке такую необычную куклу.

Дальнейшее Аня тоже сообразила. Будет... заказ?

— Я сказал, что это наша служанка шьёт и кукол, и эти сумочки, — смущённо признался старший брат и встревоженно заглянул в глаза крепко задумавшейся Ани. — Ты не обижена, Агни? Мне не хотелось, чтобы она думала...

— Что ты... — медленно сказала она. — Я сейчас вспоминаю все платья, которые могут пойти на этих кукол. — И обернулась к Кристал. — Поможешь мне с распарыванием и шитьём? Тогда, продав новых кукол, мы сумеем купить тебе одежду, подходящую твоему возрасту.

— Распарывать — это я ещё сумею, — с сомнением ответила Кристал. — Но вот шить...

Аня уловила в её глазах странную грусть и вздохнула сама: поразительно легко в последнее время прочитывать мысли всех, кто принадлежит к её новой семье!.. И твёрдо сказала младшей сестре:

— Первая кукла после куклы Лиссы — как и обещано, будет твоя!

Девочка просияла и обняла её. А Аня снова хмыкнула: как мало человеку надо, чтобы стать счастливой!..

Затем она обратила внимание на тяжёлые котомки мальчиков — они не забыли забрать из ландо покупки, и велела отнести их на кухню, в ледник. А Никас, заручившийся обещанием сестёр сделать что-то, что внесёт весомый вклад в семейный бюджет, побежал отводить лошадь в конюшню.

В общем, в столовую залу Аня вместе со своей семьёй шла, чувствуя себя чуть ли не великим полководцем, которому необходимо рассчитать абсолютно всё до мелочи в плане предстоящего великого сражения, чтобы эта битва принесла безоговорочную и, главное, долговременную победу.

Умытую и переодетую в домашнее Лиссу привела Кристал. Малышка хмуро поглядывала на братьев, которые давили смешки при взгляде на неё — видимо, вспоминая драку, но мужественно молчали — не дразнились. Куклу она принесла с собой и усадила на колени: наверное, боялась оставлять её в опустевшей комнате.

За столом говорили мало. Лишь когда стали пить чай с серыми на вид булочками (безвкусные! Почти как зачерствелый и пресный хлеб. Хорошо ещё — только что изготовленные: хоть вкус печёного оставался!), Никас задумчиво сказал:

— Никогда не думал, что дамские журналы могут подтолкнуть к выгодному для нас... творчеству.

— Это предисловие к чему-то? — уточнила Аня.

— А мы вам одежду починили! — радостно встряла в диалог Кристал.

— Да, это предисловие, — подтвердил старший брат, улыбаясь девочке. — К моему хозяину довольно часто приходят богатые дамы. В ожидании, когда он их примет, они приносят с собой журналы и порой оставляют их, прочитанные. Если ты желаешь, я могу приносить их домой. Там они никому не нужны, разве что прислуга забирает на растопку.

— Никас, приноси! — опередив старшую сестру, захлопала в ладоши Кристал. — Из этих журналов, оказывается, столько интересного можно узнать! А то я только в огороде вожусь да комнаты подметаю! А потом, когда у нас будет много денег, мы и сами их покупать будем! Правда, Агни?

Аня засмеялась горячности и вдохновению девочки, на которую удивлённо посматривала малышка Лисса. Но в глубине души вздохнула: воодушевиться легко. Но, если шить кукол не для собственного удовольствия, а на продажу, — это долгая и нудная работа. Нет, Кристал — умная и работающая девочка. Но сколько она продержится, создавая Тильд? А если заказов больше не будет? Тут Аня сама себе хмыкнула: а мы нашём кукол для своей личной коллекции! И вообще... Заказы заказами... А продаются ли у них тут всякие безделушки прямо на рынке? Можно сдавать товар и перекупщику...

И опомнилась, в очередной раз поймав себя на развёрнутых мечтах: кукол ещё нет, а она уже всю торгует ими! Вот уж не думала о себе, как о неумной фантазёрке!..

После обеда Аня и Кристал сами вымыли посуду, а Никас с мальчиками ушли на конюшню по каким-то там делам. Причём Аня, думая об этих делах, чуть не прыснула со смеху: и в её мире мужчины любили ходить в гараж по своим важным мужским делам. Правда, Никас не собирался спаивать своих младших братьев, а по обрывкам, уловленным Аней из разговора уходивших, она сообразила, что они будут чистить угол конюшни, где и содержится единственная лошадь.

Никас вернулся скоро и один, оставив младших заканчивать уборку.

Вовремя — Аня как раз пригласила девочек в свою комнату и тоже заняла их лёгкой, хоть и монотонной работой. В гардеробной Агни они вместе выбрали самое неказистое платье из тех, что нельзя было перешить для Кристал или для Лиссы, а также разыскали нечто вроде ночного платья, наверное любимое Агни, потому как заметно изношенное. Кристал принялась аккуратно распарывать первое платье по швам, в то время как Лисса вооружилась ножницами и резала ночнушку на мелкие и узкие полоски — они пойдут для набивки новых кукол... Пока обеим работа пришлась по рукам и по сердцу, но Аня нисколько не сомневалась, что первой начнёт жаловаться на скуку именно Лисса. А может, устанут пальчики — всё же ножницы она хоть и не впервые в руках держит, но долгая работа на одно и то же движение может и до мозолей довести...

Когда Аня вышла из своей комнаты, сразу же закрыв за собой дверь, мимо с улыбкой заговорщика прошёл Никас с полным подносом еды для Оноры. Аня немедленно заторопилась за братом... Оба не хотели, чтобы младшие знали: «страшная ведьма» из подвала переехала в жилые покои. А если с ней пока ничего хорошего не происходит? Аня не разбиралась в том, что видела, даже с помощью колец и кулончиков, а Никас видел лишь временами и частично. Порой он, сомневаясь, говорил, что вроде вокруг Оноры линии силы восстанавливаются, а порой — вглядывался в пространство вокруг внебрачной дочери дина Хармона и сокрушённо качал головой, ничего не понимая. Для случая, если с Онорой что-то случится плохое, они плотно и на замок закрывали дверь её комнаты, а одну её руку крепко привязывали к стенке кровати. Хотя последнее Аню заставляло очень нервничать: ведь,

случись и в самом деле что-нибудь, Онора могла и руку вывернуть. Но ничего иного на случай ЧП придумать не сумели.

Опередив замедлившего шага Никаса, Аня, взяв ключ с притолоки, открыла дверь в комнату Оноры. Брат вошёл и резко встал на месте. Испуганная (что случилось?!), Аня протиснулась мимо него и чуть не подбежала к кровати со «страшной ведьмой».

Широко распахнутые глаза Оноры жёстко остановили её. А когда растерянная Аня встала в двух шагах от неё, эти же мрачные чёрные глаза сначала впились в неё, а потом сощурились, будто острыми ножами пронзая насквозь. Онора, несколько секунд не смигивая, разглядывала Аню, а потом открыла рот, словно с усилием отодрала серые губы друг от друга и прохрипела:

— Получилось...

И снова закрыла глаза.

— Онора, как ты себя чувствуешь? — неуверенно спросил склонившийся над постелью «страшной ведьмы» Никас.

Та молчала и ничем не показывала виду, что слышит его.

— Ну... Давай как обычно, — тоже медленно, почему-то боясь отвести глаза от Оноры, предложила Аня. — Я приподниму её вместе с подушкой, а ты накормишь.

Следующие минуты в комнате «страшной ведьмы» прошли и в самом деле как обычно: двое старших накормили Онору, затем Никас вышел, а Аня привычно обходила девушку, чувствуя себя при этом сестрой-сиделкой. Онора так больше и не пошевелилась. И глаза не открыла. Дышала ровно и спокойно, и Аня, немного смущённая, решила считать: «страшная ведьма» имела в виду, что она сумела помочь Агни. Но заноза в душе осталась: а если Онора имеет в виду другое?

Перед тем как вернуться в свою комнату, Аня спросила шедшего рядом брата:

— Никас, может, посмотрим вместе библиотеку? Может, там поймём, чему именно учил меня дин Хармон?

— Ты не хотела об этом говорить, когда мы только-только вселились в твой дом, — пожал плечами Никас. — А теперь хочешь, чтобы мы узнали о твоём даре вместе. Стоит ли? А вдруг однажды ты всё вспомнишь — и пожалеешь, что я всё знаю?

Она немного помялась, чувствуя раздрай в душе, а потом вздохнула.

— Наверное, ты прав. Тогда... Мне интересно, Никас. А тебе книги из библиотеки не нужны? А вдруг там есть то, что понадобится тебе?

— Библиотека никогда меня не пускала, — улыбнулся Никас. — Но так приятно, что ты и об этом забыла. Нет, тамошние книги не мне нужны. И запоминай: после смерти дина Хармона в библиотеку входили только ты и Онора.

Он кивнул ей и пошёл было к лестнице на первый этаж, как неожиданно повернулся и чуть озадаченно спросил:

— Агни, ты с девочками долго будешь заниматься... куклами?

— Не знаю.

— Мы с мальчиками хотим сходить на озеро.

— Я с вами! — обрадовалась Аня. — Только купаться не буду. Когда вы идёте? Прямо сейчас или чуть позже? Если позже, я успею выкроить детали для кукол и снова начну шить прямо на берегу!

И, не успев Никас ответить, как она вдруг прочувствовала эту свою радость... Слишком радость... Но... почему? И горячим жаром обдало так, что она снова возрадовалась — на

этот раз тому, что в коридоре царит полумрак, и Никас не увидит: её щёки словно запеклись румянцем от осознания, что она рада возможности увидеть дина Таегана! Появится он на берегу или нет — дело другое. Но ведь возможность!..

— Я сейчас спущусь к мальчикам и посмотрю, как они выполнили свою задачу, — тем временем начал рассчитывать Никас. — Потом им надо будет поменять грязную, рабочую одежду на домашнюю и умыться. Я не знаю, хватит ли тебе времени на твои детали.

— Хватит! — заверила Аня. — Все куклы шьются по одной выкройке!

И мысленно добавила: «А уж из-за одной мысли о Таегане... Да я моментально всё, что нужно, сделаю!»

— Тогда я пошёл, — сказал Никас и не спеша направился к лестнице.

Прежде чем войти в комнату, из-за двери которой смутно слышались голоса Кристал и Лиссы, Аня с симпатией смотрела, как удаляется старший брат. Он ей очень нравился. Спокойный, надёжный и какой-то простодушный, Никас ей казался хорошим другом. Жаль, что из-за младших ему не пришлось научиться хоть какой-то магической науке. Ей казалось, что он был бы хорош в своём деле. Впрочем, он, кажется, не страдает из-за потерянной возможности стать магом, зато неплохо старается сохранить семью и вырастить братьев и сестёр как приличных людей.

«Господи, что за мысли!» — внутренне проворчала Аня и, кратко стукнув в дверь, вошла в свою комнату.

Кристал сидела на стуле возле того самого столика, на котором Аня кроила ткань. Здесь было много солнца, так что про себя Аня одобрила рабочее место девочки. Зато Лисса уселась прямо на пол, благо его скрывал толстый ковёр. Рядом с ней громоздилась куча порезанных полосок, которую малышка время от времени приминала ладошкой и хихикала от смешного ощущения под пальцами.

— Мы собираемся на озеро! — объявила Аня, подходя к столику и критически разглядывая распоротые Кристал части платья.

Она-то думала — девочки обрадуются, сразу побегут в свои комнаты — искать, что взять с собой на пляж.

Лисса — да, обрадовалась. А Кристал почему-то насупилась и глубоко вздохнула. Подозревая причину, Аня не стала говорить ей ничего, а просто взяла самый большой лоскут и кусочком мыла расчертила на нём детали. Огляделась в поисках ножниц. Так, маленькие у Лиссы, а где средние?

— Что ты ищешь? — Хмурость Кристал сменилась любопытством.

— Ножницы.

— Вот.

После краткого диалога Кристал, загоровшаяся интересом, пристально начала следить за руками Ани. А та быстро нарезала детали, которые тут же поместила в полюбившуюся ей «пляжную» корзину. Туда же положила мешочек с нитками и иглами.

— Зачем? — спросила девочка, чьи глаза оживлялись с каждым новым движением старшей сестры.

— Начну шить твою куклу на озере, — объяснила Аня, краем глаза примечая, как счастливое выражение словно живым ветром обвеяло лицо Кристал.

— А ты разве... купаться не будешь?

Аня представила, как входит в воду, как поднимает руки. Ой, руки... Ой, мышцы...

— Я пока подожду некоторое время. Со вчерашнего дня руки всё ещё болят.

Лисса как раз отвернулась, так что Аня просто кивнула Кристал на малышку, напоминая свою сумасшедшую гонку по воде, чтобы спасти младшую сестрёнку. Кристал в ответ поспешно закивала: «Я поняла! Поняла!»

И снова тёплой и болтливой компанией они пошли по садовым дорожкам к озеру. Причём Аня успевала откликаться на все вопросы и рассказы младших и одновременно поспешно отводить взгляд, который, забывшись, слишком пристально направляла на другой берег озера — туда, где в седовато-зелёных ивовых кустах прятались невидимые отсюда решётки забора вокруг поместья. Шла и удивлялась: «Что это со мной? Я как будто боюсь, что он появится... И боюсь, что он не появится... Глупости какие...» Но руки порой подрагивали, когда ветер отводил ивовые ветви от воды — и казалось, что какая-то тёмная фигура стоит под деревьями...

Они спустились к купальной беседке, и братья и сёстры разбежались по её комнатухам, в то время как Аня сразу пошла к мосткам со своей корзиной. Ступив на эти мостки, она невольно посмотрела на то место, где ночью сидела сама, где с ней сидел Таеган. И поймала себя на мысли, что ищет на досках ночной след присутствия их двоих. Ошарашенно усмехнулась: прошла половина суток, а она ждёт, что на мостках останется что-то? Мда, неуёмная фантазёрка и впрямь сидела в ней все эти годы... Подтянув до коленей штанины, чтобы не намочить, и присаживаясь так, чтобы снова опустить ноги в прогретую воду, мягко ласкающую кожу, Аня с затаённой нежностью вспомнила негромкий голос Таегана и свой шёпот над озёрной водой и смущённо улыбнулась...

Мимо мостков пробежали двойняшки и с радостными воплями бросились в воду, следом поспешил Никас. Он прыгнул чуть дальше от младших братьев и сразу поплыл на середину озера. Ещё чуть позже к Ане присоединились девочки, которые, впрочем, вскоре убежали, чтобы побродить сначала по берегу, а потом зайти поглубже.

Аня заткнула свою неуёмную фантазию и принялась за дело. Она себе дала задание за «пляжное» время сшить туловище и две детали — кукольные руки. Работа поглотила всё её внимание, так что она только время от времени встревоженно поднимала от шитья голову и обводила воду ищущими глазами. Но с детьми всё было хорошо, двойняшки тоже незаметно следили за сёстрами, и она вновь успокоенно шила куклу, размышляя о том, какой наряд придумать для неё.

... Сначала она решила, что один из братьев-двойняшек помчался за Никасом и теперь возвращается с ним на берег. Но этот пловец плыл слишком мощно для подростка. Он даже обгонял Никаса, который тщетно пытался плыть на одном уровне с ним. Аня облизала пересохшие от зачастившего дыхания губы и мысленно взяла себя за шкуру и пригнула к работе. «Ничего не вижу, ничего не слышу! Я работаю!»

Но двое уже выходили на «их» берег, на первый взгляд — легко, но внушительно расталкивая ногами воду. Аня невольно встала. Она хозяйка — ей приветствовать соседа.

Вид рубахи, облепившей его тело, и его несколько нервное движение, когда он машинально собирал горстью воду с лица и стряхивал её в сторону, заставили крепко сжать пальцы на витой ручке корзины, чтобы не было заметно, что они дрожат. Никас и не заметил, но сумрачный сосед бросил только один взгляд на предмет, который Аня могла бы и оставить на мостках, раз лишь отвлекшись от работы, чтобы приветствовать его. И Таеган внезапно чуть приподнял подбородок, насторожившись, словно хищник, почувывший на привычной тропе нечто тревожное.

Никас так ничего и не заметил. Он шёл рядом с Таеганом к идущей им навстречу Ане и

громко восхищался умением соседа плавать. Таеган только раз скопился на него, а потом на резвящихся в воде детей, тоже громко поздравившихся с ним, и теперь не сводил глаз с Ани. А она не придумала ничего больше, как взяться за ручку корзины уже обеими руками, выставив её вперёд, словно защищаясь этим предметом, смешным в невидимом никому... поединке?..

«Да что со мной?» — ошеломлённо думала она, тоже не смея опустить глаза под этим странным взглядом, владелец которого будто прозревал... Но в чём?!

Тем не менее, она собралась с силами и, остановившись перед мужчинами, приветливо сказала ему:

— Мы рады видеть вас здесь, дин Таеган, в этот солнечный день!

Он учтиво склонил голову, вроде и отстранённо улыбаясь, но его вопрошающие глаза продолжали всматриваться в неё, легко краснеющую под этим его сосредоточенным взглядом. Всматривался до тех пор, пока Никас не позвал его поиграть на воде в догонялки. Таеган, всё ещё сохранявший на лице печать напряжения, неуверенно улыбнулся Ане и пошёл к береговым волнам. Разок дёрнулся, и Аня, сама чувствительно натянутая, как струна, сообразила, что он хотел обернуться к ней... Чтобы её собственное поведение никому не показалось странным, она решительно вернулась на мостки.

Он обернулся ещё раз. Отыскал её глазами, будто провёл черту от берега до мостков.

Теперь его взгляд был иным. Он замер и медленно, словно рукой рисуя на снегу или на песке, обвёл её фигуру (она не успела сесть) настолько... плотным взглядом, что она ощутила его прикосновение. И прыгнул в воду.

А Аня быстро села, потому что ноги подгибались.

И шквал панических внутренних голосов мгновенно обрушился на неё.

«Что ты наделала?! — вопил кто-то перепуганный. — Теперь он на тебя смотрит, только как на женщину! Уже не будет ночей, когда он просто и уютно сидел бы рядом!»

«И что из этого? — возражал ничего не понимающий двойник. — Посмотрел — и посмотрел. Зачем делать далеко идущие выводы из какого-то ах какого подозрительного взгляда? А если ты всё придумала? И ничего особенного в его взгляде нет?»

«Уж себе-то не лги! Ты видела, как... нет, КАК он смотрел! Ты для него всего лишь женщина, которой можно воспользоваться, а потом бросить!»

Совершенно ошалевшая Аня, замерев, пыталась определиться, кому больше верить. И верить ли вообще?!

«Ничего страшного! — решительно возразил двойник. — Если он себе что-то позволит, ты просто сбежишь и не придёшь в следующий раз!»

«Но отношение к тебе!! — разъярённо возопил первый голос. — Он уже не будет так светски, так уважительно относиться к тебе! Кто ты теперь для него будешь?! Женщина, которая соскучилась по мужской ласке! Вдова, которая слишком рано потеряла мужа и которая не знает, где искать утешение! А он — вот он! Тут! Сосед!»

Сумбурные мысли одолевали настолько упорно, что Аня вынужденно отложила выкройку и поморщилась, думая уже о другом: «Зачем я пришла в штанах?! Надо было надеть какое-нибудь платье. Но все платья слишком велики — я ещё не набрала вес в теле Агни! Но это даже лучше, что велики! Тогда Таеган не стал бы...» И со злости на себя она отвернулась от озера.

А потом подняла голову, не глядя на пловцов, которые, издавая азартные крики, носились по воде друг за дружкой так стремительно и сильно, что девочки вернулись на

берег и задорными воплями подбадривали братьев.

«Решение надо принять сейчас, — холодно сказал третий внутренний голос. — Признайся себе, что его последний взгляд был оценивающим взглядом мужчины, который уверен, что эта женщина готова сдаться. И сделай что-то, чтобы он понял: ты не для него! Что ты не дрессированная собачка — бежать к нему по первому свисту!»

Аня посидела ещё немного. Отвела взгляд от играющих в воде мужчин и мальчиков, посмотрела на Кристал и Лиссу. «Я обещала сестрёнке куклу. Из-за каких-то странных предубеждений о себе и о соседе я могу не выполнить обещания, — строго сказала она себе. — Ты — хозяйка поместья. Сосед — лицо постороннее и временное, в том смысле, что сейчас он есть, а потом его не будет. А Кристал — часть твоей семьи. Она и её желания важней. Так что займись выполнением своих обещаний, а не предполагаемыми приключениями на свою голову!»

Наигравшись, запыхавшиеся мужчины и мальчики вышли на берег и уселись на низкой скамейке возле купальной беседки, бурно обсуждая что-то между собой. Они, заметила Аня, часто обращались к дину Таегану, но так, чтобы он мог ответить либо утвердительным кивком, либо отрицательным качанием головы. Давно знают. Целый месяц общались, пока она «болела». Может, это она и виновата, что он сразу увидел в ней лишь объект для развлечения?

Она взглянула на руки и с горечью усмехнулась: иголка, которая до сих пор твёрдо ныряла в ткань, уже несколько раз соскальзывала с выкроенных деталей и колола её пальцы до крови. Первую куклу шила — ни разу не укололась...

Всплеск рядом — и мужские руки вцепились в край мостков. Мокрая голова дина Таегана запрокинулась так, чтобы он мог свободно смотреть на неё. Вон что... Она так задумалась, что не заметила: мальчики снова плавают — уже без игр на воде...

Хозяйка поместья изобразила прилично светскую улыбку и холодно произнесла:

— Я вас внимательно слушаю, дин Таеган.

Его глаза изумлённо полыхнули нечитаемым чувством, близким даже не к изумлению, а к чему-то более глубокому. Таеган даже оглянулся — и она легко прочитала это движение: он решил, что неподалёку кто-то из её семьи, поэтому она так строго говорит с ним. Но рядом — никого, и он снова взглянул на неё с вопросом в глазах.

Аня тоже подняла глаза, чтобы убедиться, что поблизости никого из братьев или сестёр, а потом негромко, но чётко сказала:

— Моё поведение сегодняшней ночью не было соответствующим женщине моего положения. Мне очень жаль, но сегодня я... — она споткнулась, не зная, как выразиться, а потом высказала просто: — Я сегодня не приду.

Он встал на ноги — она помнила, что здесь ему не очень глубоко. Некоторое время он смотрел на неё так, словно пытался понять. Потом отошёл чуть в сторону и подпрыгнул сесть рядом — так, чтобы между ними было расстояние. Только было Аня решила, что он сел таким образом, чтобы держаться в отдалении, как он тут же разубедил её. Нет, причина оказалась в другом. Быстро макая в воду палец, он начал писать между ними, на деревянных досках, по слову в вертикальный ряд: «Не лишайте меня общения с вами. Я буду... — палец застыл на секунды, а потом снова заторопился дописать: — Соблюдать приличия. Не бойтесь».

«А это прилично — сидеть рядом с дамой в таком виде? Или здесь это не считается?» — хмуро подумала Аня и чопорно сказала уже вслух:

— Хорошо. Я подумаю. Но обещать не могу.

Он выдохнул с такой горячей благодарностью, что она почувствовала себя... бессердечной стервой. И тут же задумалась, глядя вслед ему, снова ушедшему в воду и торопящемуся на свой берег: «А может, я неправильно расценила тот его взгляд?»

Взъерошенные двойняшки шли к дому, пропуская мокрые волосы сквозь пальцы и громко обсуждая догонялки на озере. Между ними шла Кристал, которая снисходительно выслушивала их восторги. Задремавшую Лиссу нёс Никас, который время от времени оборачивался к Ане. Она шла, чуть поотстав от него, с корзиной в руках. Никас с улыбкой кивал сестре, но в основном прислушивался к громкому разговору младших братьев, не мешая Ане размышлять о своём.

Глядя на яблони, среди листьев которых то и дело мелькали пока ещё зелёные, словно припорошённые серой пылью яблочки, она рассеянно вспоминала уже высохшую запись на досках мостков и пыталась анализировать себя: «А я не шизофреник, если рассматриваю проблему с помощью мысленной болтовни в несколько голосов? Может, я никуда и не попадала? В смысле — ни в какой мир... Может, приёмные родители сдали меня в психбольницу — после аварии, то есть после столкновения с машиной? Наверное, у меня тогда мозги поехали, и я вообразила себя хозяйкой целого поместья — ну, когда поняла, что у меня ни дома, ни семьи... И что... Мне не отказывают в моих видениях, никто в них не вмешивается и не требует вернуться в реальность. А значит, можно и дальше жить жизнью, которой на самом деле нет».

Только так решила, да ещё вроде как твёрдо, как резко ударились пальцами ноги в мягких тапочках обо что-то на дорожке. Вскрикнула от боли и нагнулась посмотреть. Камешек. Камешек, вылезший и торчащий из каменистой тропы. Это что? Ответ на её мысли? Доказательство, что всё происходящее реально?

А потом и вовсе не дали думать о разных... глупостях.

Только выпрямилась, прислушиваясь к затихающей боли в ушибленном пальце, как подбежала взволнованная Кристал.

— Агни! А ведь Никас сказал, что там были две девочки! Значит, тебе надо будет шить не две куклы, а три!

— Да хоть десять, — мягко отозвалась Аня, сразу сообразившая причину её волнения. — Старых платьев у меня много. Хватит на несколько кукол. А если ты насчёт времени... Никас, когда у тебя просили кукол? К какому времени?

Старший брат выждал, замедлив шаг, и поравнялся с сёстрами.

— Я описал им нашу старушку Бридин, — весело сказал он. — Описал её натруженные руки, припухшие пальцы, в которых трудно держать иглу, и плохое зрение. И мы договорились встретиться на рынке через неделю.

Кристал захлопала в ладоши от радости, а потом, сияя, обернулась к Ане:

— Агни, ты мне всегда говори, если нужна помощь в делах! А ещё... ещё... Вырезать кукольные части я не умею, но ведь сшивать могу! У меня же получаются те швы, которым ты меня научила! Агни, а когда я научусь шить кукол, у нас будет столько денег, что нам не надо будет думать, что их мало! Агни, научи!

— Научу! — смеясь, ответила Аня совсем не то, что хотелось, поскольку всё же была реалисткой.

А хотелось сказать, что радоваться потенциально обеспеченному будущему рано: в этом мире наверняка найдутся швей-мастерицы, которые захотят пошить таких же кукол, попади им Тильда в руки. А поскольку она, Агни, не профессионал, то умелые швей быстрее

наполнят рынок Тильдами. С другой стороны... Пока об этих куклах мало кто знает, надо шить их так, как будто это не увлечение, а обычная работа, приносящая (без всяких «будто») деньги. Каждый день, без выходных, сколько хватит сил. Особенно первые дни. Отдать первую для продажи куклу Никасу, а до того пусть он попробует узнать, хотя бы примерно, сколько они могут стоить.

А потом... Она усмехнулась: потом и будем собирать свою коллекцию Тильд и думать, что интересного и под силу им, слабой половине их семьи, вписать в этот мир из мира её собственного. А Кристал... Аня покосилась на девочку, с мечтательной улыбкой подпрыгивающую рядом, схватившись за её руку. Совсем не похожа на ту, которая впервые вошла в её комнату, — на ту усталую девочку с потухшим взглядом, потому что хотелось поддержать дом, но не знала и не умела — как... Кристал права. В мире Ани в кружки мягкой игрушки бегают девочки и гораздо младше её неожиданной сестрёнки... О, придумала! Попробуем пошить миниатюрную мягкую игрушку, которую можно прицепить к сумочкам девочек — как это делают девочки-школьницы в её мире!

Когда семья вошла в гостиную первого этажа, оживлённая азартом, Кристал просительно заглянула в глаза Ани:

— Пойдём шить куклу прямо сейчас?

— Пойдём, — подтвердила она. — Только в моей комнате сейчас темновато. Может, посидим на той площадке, где сушили подушки?

— Знаю, о какой площадке говорите, — вмешался Никас. — Ближе к входной двери там есть глубокая ниша, куда не достанут дожди, если будут. В той нише я оставил вам там старое одеяло. Расстелите, где вас удобно, и сидите за работой на нём, на мягком.

Аня согласилась. Всё-таки дом каменный, и на плитах и на широких каменных перилах сидеть удобно, только если их разогрел солнечный свет. Но в тени лучше устроиться на мягкой и тёплой подстилке... Можно, конечно, было бы сесть на скамью возле террасы. Она очень нравилась Ане. Но... Сверху лучше виден противоположный берег. А значит, время от времени можно будет поднимать от шитья глаза и невольно искать среди зелени мужскую фигуру...

Поймав себя на последней мысли, Аня, поднимаясь по лестнице в свою комнату, сердито подумала: «Ты как влюблённый подросток!» И поразилась, даже остановившись на полпути: «Влюблённый?! Я... влюблена?! — И категорически, даже с каким-то испугом мысленно покачала головой: — Не может быть... Ой, нет! Даже не так! Я не влюблена!»

«А чего ж тогда бегаешь к нему по ночам?» — возразил мысленный голос.

«Ты уверен — я к нему бегаю? А не он ко мне?» — с сарказмом переспросила Аня.

Голос явственно поперхнулся. Дальнейший «диалог» прервал Никас. Он шёл навстречу — уже без Лиссы на руках, а при виде Ани остановился и явно выжидал, пока он подойдёт ближе. Оглянувшись на комнаты с братьями и Анину, из которых при открытых дверях доносились звонкие голоса, он вполголоса сказал:

— Я думаю, во время ужина надо сказать детям, что Онору мы перенесли на свой этаж. Мало ли... А вдруг кто-то из них забежит к ней? Испугаются...

— Но дверь закрыта, — встревоженно возразила Аня, тоже поглядывая, не прибежали бы дети и не подслушали бы нечаянно их беседу.

— Пусть привыкают к мысли, что Онора вскоре встанет на ноги, — решительно ответил Никас. И тише добавил — с ноткой неуверенности: — Если встанет именно вскоре. Были бы деньги, чтобы пригласить умелого мага — ждать не пришлось бы. Но пока всё в руках

судьбы.

Он, вроде всё решивший и без неё, не уходил и вопросительно смотрел в глаза Ани, и она вынужденно кивнула.

— Наверное, придётся сказать.

Он с видимым облегчением улыбнулся ей и заторопился на первый этаж. Глядя ему вслед, она закончила свой «разговор».

«Таеган опасен! — категорически возвестил голос. — Ты не должна ходить к нему, да ещё по ночам!»

«Чем же это он опасен? — скептически уточнила Аня. — Тем, что, пока я болела, он так сдружился с детьми, что приносил им конфеты, как рассказывала Кристал? Тем, что он так искал общения, что готов был переписываться с Никасом, а двойняшки понимают его без слов? Что без всяких выяснений он бросился спасать тонущую Лиссу?»

Постояв с минуту, она поняла, что голос заткнулся. И спокойно сочла, что может ночью снова пойти на озеро и «поболтать» с заинтересовавшим её соседом. Мимолётная мысли, что голос слишком часто начал появляться, так и проскользнула мимо же...

Девочки в её отсутствие уже собрали всё, что нужно для работы на открытой площадке над террасой, и теперь нетерпеливо ждали, пока она возьмёт то, что необходимо ей... На площадке, пока там главенствовало солнце, удалось неплохо поработать. Кристал уговорила Аню показать ей, каким швом надо сшивать туловище будущей куклы, и усердно приближала сроки личного владения этой куклой. Лисса играла со своей Тильдой, основательно усадив её на каменную цокольную скамью и обняв, чтобы кукла не свалилась. На колени себе малышка положила стопку дамских журналов, которые перелистывала и показывала своей Тили, строго рассказывая, какие наряды той подойдут, а какие нет.

Аня, недавно страшившаяся, что Кристал возьмёт-таки в руки эти журналы и, прочитав их, сообразит, что старшая сестра врёт насчёт полезных советов, спросила:

— Кристал, ты теперь знаешь, что в журналах множество всяких советов, но почему-то до сих пор не хочешь читать их.

Девочка правильно поняла утверждение с ноткой вопроса и ответила:

— Когда я читаю эти советы, я их не понимаю. А когда ты рассказываешь, я сразу вижу, что надо сделать.

— Лисса читать умеет? — тихонько, чтобы не мешать малышке, спросила Аня.

— Нет.

— А если её научить — и пусть она тебе читает, а ты слушаешь?

Кристал не сразу поняла, что имеет в виду старшая сестра, но всё-таки сообразила. Засмеялась и пожала плечами.

— Может, и пойму. Лисса-то, если и будет читать, то очень медленно. Пока дочитает, я уже буду знать, про что те советы.

Когда Лиссе надоело «читать» журналы, она спрыгнула со скамьи и вынула из корзины с рукоделием уже привычные ей ножницы и остатки ночного платья Агни. Приглядевшись, как она снова принялась крошить старую ткань, Аня решила, что малышке необязательно напоминать о технике безопасности с колющим и режущим орудием труда, но на всякий случай предупредила Кристал:

— Ты иногда поглядывай за Лиссой, чтобы она не поранилась.

— Хорошо, — откликнулась та, старательно сшивая края кукольного туловища.

На ужине, на который собралась вся семья, Никас, как и обещал, рассказал младшим,

что в одной из комнат второго этажа лежит Онора. Дети не слишком испугались новости о «страшной ведьме» — может, и не поняли в полной мере. Так, чуток поговорили между собой, а потом снова перешли на события у озера: настоящее приключение с догонялками на воде, в котором участвовал таинственный, но такой добродушный сосед, им казались сейчас гораздо интересней.

А Аня снова задумалась. Денег нет на то, чтобы быстро вызволить Онору из магической слабости. Чтобы заплатить за определение магического дара у Кристал. Чтобы одеть-обуть всех, не перешивая чужую одежду...

С нехватки денег на семейно-хозяйственные нужды она плавно перешла к мыслям о Таегане. Впрочем, не столько плавно, сколько логично: ведь именно Таеган намёком сказал, что надеялся на мужа Агни, когда после увольнения из воинских частей приехал к дяде. А Онора, по мнению Никаса, унаследовала способности своего отца — умение расплетать проклятые заклинания.

Поначалу в своих размышлениях Аня пошла по традиционному пути: почему бы не предложить Таегану вложить деньги в выздоровление Оноры? Но, рассмотрев этот вариант помощи одновременно двоим, отвергла его: а если другой маг, которому можно заплатить, не сумеет помочь Оноре? А если вылечившаяся Онора не сумеет помочь Таегану? И тогда Таеган будет разочарован и ещё больше впадёт в отчаяние, которое она пару раз уловила в его голосе, пока он говорил о себе... Значит, надо найти какой-то другой вариант. Может, не такой простой, когда всё решают деньги, но более эффективный.

Склонившись к Никасу, который пил чай, задумчиво глядя на братьев, она негромко спросила:

— Никас, а кроме журналов, у вашего хозяина газеты бывают?

— Бывают, — рассеянно ответил он и вдруг, словно только-только очнулся, и повернулся к ней: — А зачем тебе газеты, Агни?

— Я выпала из жизни на целый месяц, а ты спрашиваешь, зачем мне газеты, — усмехнулась Аня. — Я хочу узнать, что происходит в нашем городе, что вообще происходит в мире.

— Понимаю тебя, — вздохнул Никас и улыбнулся. — Завтра принесу тебе целую пачку. Прочитаешь — не забудь отнести в кухню. Наши старушки будут им рады: растапливать печь или плиту бумагой гораздо удобней.

Она посмеялась его словам, но в душе словно умиротворение наступило. И оно продолжилось, когда, встав из-за стола, она сказала ему:

— Никас, я сама отнесу Оноре ужин.

— Если тебя это не слишком сильно озаботит! — обрадовался тот.

Он помог ей собрать поднос, на котором главные продукты для магически больной девушки были весьма скудными и чаще жидковатыми. Онора могла глотать — при условии, что пища в небольшом количестве окажется у неё во рту.

Кристал пообещала вымыть посуду, так что Аня поспешила с подносом на второй этаж. Кеган, побежавший за ней по просьбе Никаса, открыл ей дверь в комнату Оноры. Мальчик заглянул вовнутрь и, тут же отпрянув и виновато посмотрев на Аню, убежал.

Первым делом она проверила, что изменилось в комнате. Ничего. Совсем. Онора всё в той же прострации лежала на кровати. Раз издав единственное слово: «Получилось», больше она ни глаз не открывала, ни даже не шевелилась. Поставив поднос на небольшой комод рядом с кроватью, Аня присела на край кровати и, сложив руки на коленях, взгляделась в

лицо девушки, исхудалое, как у неё самой недавно. Ладно ещё — теперь чистое... Тихонько вздохнув, Аня встала и устроила Онору на взбитой подушке так, чтобы та полусидела, полулежала, и только затем принялась кормить, всовывая ложечку с жидкой кашей в рот девушки и дожидаясь, пока та сделает глотательное движение.

Наконец чашка с кашей опустела, а чай был выпит почти весь. Аня собрала посуду на поднос и пошла было к двери... Но вспомнила кое-что и вернулась. Ещё один взгляд на Онору. Неподвижна. Поставив поднос на комод, Аня взяла со столика рядом папку с цветочными картинками. В очередной раз удивилась: почему розы стали чёрно-белыми?

Подумала немного и решительно сунула в карман длинного жилета «розовые» картинки. Появились две задумки. Первая: если Таеган сегодня ночью придёт, надо рассказать ему про эти картинки и про Онору вообще. Он опытный военный маг, пусть сейчас лишённый магической силы. А вдруг что-нибудь посоветует? Вторая задумка основывалась на библиотеке. Аня по привычке вставала рано. И, пока все спят, обычно занималась хозяйством — там, где могла хоть что-то «ввести в действие». Но завтрашним утром она собиралась устроить грандиозный обыск в библиотеке. Если дин Хармон учил свою юную жену магии, должны же были остаться какие-то следы? Может, удастся узнать, какие способности муж заметил в Агни — такие яркие, что решил её обучать далее?

Ну а если не получится получить от библиотечного обыска нужного результата, если не удастся получить ответ от Таегана... Надо бы настроить Никаса, чтобы он осмелился подойти хоть к какому-то знакомому (пусть шапочно!) магу, а тот объяснил бы ему на пальцах, почему яркие картинки с розами потускнели и стали чёрно-белыми!.. И вообще, что это за картинки и почему так повлияли на Онору!

До наступления вечерних теней Кристал успела сшить не только туловище, но и одну кукольную руку. Аня добавила к этим кукольным деталям ноги и пообещала назавтра закончить куклу, осчастливив Кристал этим обещанием. Правда, Лисса тут же напомнила, что кукла нуждается в платье. На что Кристал объявила, что она уже примерно знает, в чём будет ходить её Астор.

Когда на улице появились сумерки, вышли всей компанией погулять перед сном. Девочки шли в сад, ведя за ручки Тили, словно ребёнка, умиляя вышедших подышать воздухом старушек Сайл и Бридин. Мальчики посмеивались над девочками, поддразнивая, что ребёнок у них больно тощий и длинный. Девочки сначала огрызались, а потом величаво решили не реагировать на поддразнивания.

Когда вернулись, Аня сказала очень усталой и помечтала, что сразу ляжет спать. Её желание одобрили, тем более на улице наступила летняя ночь, хоть и лунная, но с такими тёмными плотными тенями, что один взгляд на деревья и кусты — и мгновенно тянуло в сон... Затушив все свечи в своей комнате, она некоторое время сидела в темноте, прислушиваясь к стукам, приглушённым голосам и движению в доме, которые постепенно затихали. Когда поняла, что все члены её новой семьи не выходят из комнат, быстро зажгла одну самую большую свечу и принялась за работу — за раскрой новых частей следующих кукол...

Наверное, где-то через час дом погрузился в тишину, в которой слишком громко тикали настенные часы в коридоре. Аня замерла, а потом осторожно выглянула из своей комнаты. В коридоре темно, а значит, циферблата не видно. Она босиком пробежалась до выхода на лестницу и разогнала тьму, подняв свечу к часам. Полчаса до полуночи...

Снова забежала в комнату и открыла гардеробную. Переодеться? Или остаться в штанах,

положившись на слово Таегана, что он приставать не будет? В штанах удобней.

Сглотнула от волнения и открыла дверь комнаты. Пробежала коридор, неся в руках тапочки, удобные, разношенные, и даже не думая о том, что обувка не совсем подходящая. Удобно — и ладно. Ночь же... Выбралась из-за потайной дверцы и побежала к озёрному берегу, с предвкушением встречи и с опаской прислушиваясь к звукам ночи.

Дорожка от дома к озеру еле видно светлела под ногами. Прохладный ветер играл с яблоневыми листьями и порой скользил по ногам, напоминая, что ночь не день... Раз Аня чуть не споткнулась: слева резко вскрикнула ночная птица. Аня постояла, ошеломлённо слушая вновь наступившую тишину, а потом, с бьющимся сердцем и нервно смеясь над собой — трусихой, побежала дальше.

Едва только среди ветвей садовых деревьев блеснула вода, она сразу заметила, что на мостках кто-то уже сидит. Остановилась, тяжело дыша и смущённо гадая: Таеган? Кто-то другой? Но неизвестный тоже сторожил тропку от дома к озеру. И, кажется, он мгновенно узнал женщину: быстро встал и заторопился ей навстречу. Все рациональные мысли разом покинули голову Ани. И она, из последних сил стараясь идти спокойно и независимо, зашагала к Таегану.

На последних шагах они побежали друг к другу. Мельком она отметила, что у него в руках что-то тёмное. За два шага до встречи оба, будто сговорившись, застыли на месте, и Аня разглядела в его руках цветы. Таеган улыбался, как подросток, впервые пришедший на свидание (а как ещё назвать их встречу?). А потом порывисто шагнул к ней, протягивая цветы. И вполголоса проговорил:

— Розы для женщины-розы!

Совершенно смущённая, Аня приняла цветы — освободив зацепившийся за стебли круглый медальон, на длинной цепочке висевший у Таегана на шее (раньше она его не видела. Или просто не замечала?), и, прижимая букет к себе, пошла рядом с ним, ведомая его крепкой рукой. Он не спрашивал, а она не возражала, когда он повлёк её прямо к мосткам. Им обоим нравилось это место, так почему бы и нет?

Уселись, свесив ноги в воду. Помолчали, а потом Таеган, улыбаясь и глядя поверх цветов, спросил чуть не светски:

— Как прошёл сегодня день?

Аня хотела было рассказать про Онору, но почему-то вдруг вспомнилась личная просьба Никасу, и она, смеясь, рассказала про газеты и зачем они ей, недавно болевшей (она забыла только уточнить, что болела магически), понадобились. Удивлённый Таеган тоже засмеялся над странной прихотью и предложил:

— А давай я тебе расскажу всё, что знаю? Я много читаю. Газеты в том числе.

Предложение было сделано легко, и она согласилась: ей нравилось слушать его голос, низкий и мягкий, — ему, вынужденному молчуну, нравилось рассказывать обо всём подряд очень внимательной слушательнице. Время от времени Аня вставляла в паузы вопросы о том, чего не совсем поняла... С каждым его словом она всё сильнее воспринимала этот мир как время конца девятнадцатого — начала двадцатого века, разве что приправленного магией... И с каждым его словом она с ужасом понимала, что мелькнувшая однажды мысль о влюблённости истинна...

Они распрощались, когда он снова начал всё чаще заикаться, вроде как забывая слова, а потом и вовсе затих. Посидели минуты без слов, а потом Таеган кивнул Ане. Напрягшись и приподнявшись на руках, чтобы соскользнуть с мостков в воду, он вдруг качнулся к ней и

быстро поцеловал в щёку...

Она сидела на мостках, глядя вслед ему, плывущему по озёрной глади на свой берег, и, забыто улыбаясь, думала, что завтра всё повторится. И это ужасающе... прекрасно! Она даже всплакнула от глупой обиды, вспомнив о том, что до следующей полуночи должны пройти целые сутки. И успокоилась только на том, что в полдень снова пойдёт с девочками гулять на озеро. А значит, может увидеть Таегана ещё до полуночи...

В доме, в гостиной первого этажа, она машинально взглянула на напольные часы. Луна изливала свой свет на циферблат, и Аня нахмурилась, не сразу понимая, что её насторожило. Сердце больно стукнуло: сегодня она пришла домой на десять минут быстрее, чем вчера... И что? Что из этого?.. Но сердце будто раньше хозяйки догадалось, в чём дело, потому что застучало не просто беспокойно, но в панике.

Таеган не просто молчит в определённое время суток? Он... постепенно теряет свою способность говорить?

Аня посмотрела на розы. «Розы для женщины-розы!» — сказал он. Розы как подарок, как извинение за тот взгляд днём... Как обещание, что лишнего он себе не позволит. Но... Он уходит, как только теряет способность говорить! Значит ли это, что их короткие встречи будут укорачиваться и далее?! А потом? Что потом?! Он... не придёт?!

Почему она не сказала ему про Онору?!

Онора... Забыв о цветах, Аня ринулась на второй этаж. А если чудеса в этом мире продолжают? Если с Онорой ночью тоже что-то происходит?

Онора лежала всё в том же забытьё...

Сникнув, Аня вышла из её комнаты. Заглянув к себе, взяла с широкого подоконника увесистую вазу с узорами, стоявшую на окне явно только для красоты.

Где спрятать цветы, чтобы никто не задавал лишних вопросов? В библиотеке, куда Аня намеревалась пойти, вернувшись с озера.

Она открыла магически защищённую дверь, быстро оставила на первом попавшемся столике букет, а потом сбегала на кухню — за водой. Воду менять надо будет каждую ночь — не страшно. А сейчас... Аня огляделась. Сна ни в одном глазу. И лихорадит так, как будто её сдавать экзамены. Куклы, детали которых она хотела начать сшивать, подождут. В первую очередь надо спасти Онору из её странного состояния. А для этого надо узнать, что там такое с картинками с рисованными розами.

Библиотека представляла собой комнату примерно в два объёма её собственной комнатки. Впервые открыв помещение, Аня запомнила лишь, что здесь огромные стеллажи. Но теперь начала изучать расположение этих стеллажей, чтобы сообразить, с чего начать обыск в поисках того, что поможет решить две загадки: какова магическая специализация у неё самой — и что значат картинки Оноры. Нет, наоборот. В приоритете картинка, потому что они сумели вырвать девушку из магического сумасшествия.

Аня скрупулёзно изучала библиотеку и её содержимое до тех пор, пока за окнами не намекнули: скоро взойдёт солнце, пора гасить свечу и бежать в личную комнату, пока её не застали здесь. И, вздохнув, она закрыла дверь, унося впечатление, что библиотека представляет собой нечто магическое — одним только внутренним расположением.

Худо, бедно ли, но Аня, будучи среднестатистическим человеком своего времени понимала, что такое пентаграмма. Книг и фильмов в жанре фэнтези начиталась-насмотрелась — в памяти застряло немало не нужной вроде как ранее информации. И сейчас она думала о библиотеке именно как об артефакте, созданном мужем Агни. Только

вот как его разгадать? И насчёт собственного магического дара была подсказка.

В библиотеке дина Хармона пять длинных стеллажей были поставлены так, что образовывали замкнутую фигуру, но при этом концы стеллажей чуть выходили за пределы этой замкнутой фигуры. Аня пыталась разглядеть, что внутри образованной ими пятиугольной комнатухи, и ей казалось, что в закрытом пространстве стоит ещё один столик, кроме тех пяти, что поставлены перед каждым стеллажом. Поскольку на тех пяти столиках ничего особенного не обнаружилось, то Аня решила, что главная загадка (или разгадка?) прячется за стенами пяти стеллажей.

Уже в своей комнате она прикинула — и поняла, что попасть в библиотеку утром, когда в библиотеке светло и солнечно, не получится. А ведь тогда можно подсмотреть, что внутри пентаграммы... И обругала себя за то, что не надела подаренных динном Хармоном украшений. Ведь даже в темноте (и не то что даже, а именно в темноте!) могла бы разглядеть какие-нибудь знаки, которые бы ей помогли в разведке!

Когда в мыслях она дошла до этого момента, насупилась на себя несообразительную! Проникла в магическое помещение без магической помощи! И поклялась себе, что не забудет надевать украшения с самого утра, а то — ишь... Кристал же сказала, что раньше Агни носила их, не снимая. А Аня — Агни! Значит, и должна носить эти внешне безделушки постоянно!

... Неделя пролетела незаметно.

Худшие опасения Ани сбывались.

С каждой ночью Таеган уходил со свидания всё раньше. Она даже пыталась задержать его, мягко утешая, что они могут просто посидеть вместе, что ей хочется просто побыть рядом с ним. Он кривился, отворачиваясь, чтобы она не видела. Но Аня видела его отчаяние и психовала сама... А ещё была с ним странность. Каждое свидание начиналось с того, что Аня, по первому впечатлению, всегда нечаянно дотрагивалась до небольшого медальона Таегана. На вторую ночь после «ночи роз» Таеган приплыл так торопливо, что медальон обнаружился закинутым на его плечо. И Аня, смеясь, сняла его оттуда, чтобы поправить цепочку и расположить медальон так, как надо. На третью ночь она чуть не оторвала медальон с цепочки, потому что Таеган опять принёс розы с цветников своего дяди и, пока плыл, снова запутал собственный оберег (так поняла Аня) в цветах. Четвёртая ночь ознаменовалась тем, что при встрече Таеган несмело, но порывисто обнял Аню, из-за чего медальон зацепился уже за её косу, и опять пришлось выволакивать его на этот раз из волос... И каждое свидание заканчивалось тем, что Аня поднималась к дому, озадаченно думая о том, что снова забыла спросить Таегана о картинках с цветами. «Зато мы успели поговорить о том, что ему нравится! — напоминала себе Аня. — А это главное — для человека, который скоро замолчит, возможно, навсегда...»

За эту неделю Аня не потратила зря ни одной дневной и световой минуты и сшила кукол не только для Кристал и на продажу. Ещё шесть кукол в различных платьях уселись на широком подоконнике её окна в ожидании, сумеет ли Никас продать договорных кукол, а потом найти покупателя и для них. Дальше шить Аня прекратила. Необходимо время, чтобы дать отдых уставшим до слёз глазам. Необходимо было время, чтобы выспаться днём, потому что все ночи после свиданий Аня проводила в библиотеке. И странное помещение, оборудованное лично мужем Агни, постепенно раскрывало свои секреты. Правда, некоторые из них ставили в тупик новыми загадками. Но Аня, кипя страхом за Таегана и желанием улучшить жизнь семьи, старательно читала все оставленные на столиках книги. А в

последнее время главной целью стало проникновение в комнатку внутри стеллажей. Эта почти невидимая комнатка притягивала Аню так, что она порой целый час могла стоять на стыке двух стеллажей в надежде, что вот-вот разглядит, что там, внутри. И всё-то ей казалось, что ещё минута, ещё секунда — и она поймёт, в чём тут дело. Ещё немножко — и её личные украшения засияют тем светом, который покажет, какой узор нужен, чтобы попасть в таинственную комнатку.

В конце этой тревожной и деятельной недели случилось сразу несколько событий, которые Аню не просто выбили из колеи, но заставили собраться с силами и заручиться согласием брата помочь ей кое с чем.

В этот выходной Никас и двойняшки уехали на рынок попозже и без денег. И старшему, и младшим должны выплатить за работу (одному в суде, другим — у мага) в середине следующей недели. Но в ландо, в багажном отделении под сиденьями, прятались две куклы, аккуратно засунутые в тканевые мешки для мебели (что уж нашлось) и оценённые не без помощи Ани (деньги она считать умела, а тут ещё успела в журналах покопаться). Никас здорово сомневался в предложенной ею цене: одна кукла — три его «зарплаты»!.. Он даже был ошеломлён, когда она впервые озвучила сумму. Но Аня объяснила, что в стоимость входит, в первую очередь, материал, из которого товар создан, сложность затраченного труда, эксклюзив и так далее, и он, кажется, поверил. И теперь она сжимала кулачки, тревожась, как бы из опасения прогадать и спугнуть покупателя Никас не сбавил бы цену... Кроме всего прочего, она отдала ему наконец тот список продуктов, который задумала ранее, но из-за нехватки денег не решалась оглашать брату.

Впрочем, кулачки сжимать некогда.

Пока она на всякий случай гнала пошив кукол, кое-что в хозяйстве пришло пусть и не в упадок, но потребовало её рук. Старушки служанки не справлялись с кухней так, как того бы хотелось, а семья уже привыкла к чистой посуде. А девочки не могли содержать огородик в том состоянии, которое требовалось для хорошего урожая, что значило — нормальный стол для семьи оставался под вопросом. Позавчера, например, прошёл дождь, что отразилось на сорняках, мощно помчавшихся в рост и заглушивших рост овощей. А если учесть, что Тильд, возможно, и не купят... Аня гнала от себя эти пораженческие мысли, пыталась настроиться, как учили в её мире, на позитив, но...

Поэтому физическая работа на огороде оказалась предпочтительней. Разогнувшись в очередной раз от грядки с помидорами, она схватилась за поясицу, но сразу напомнила себе: «Зато глаза в порядке!» Это она вспомнила, как последний час дошивала последнюю куклу, мучаясь из-за сухих глаз, перед которыми тканевые краски начали так ярко гореть, что она испугалась, как бы вообще не потерять зрение. И теперь, довольная, думала о том, что даст, наконец, глазам продыху: физическая работа — самое то!

— Агни! Мы воду принесли! — пискнула Лисса, сопя тащившая самый маленький кувшин.

— Откуда начинать? — спросила запыхавшаяся Кристал, ставя на землю два ведёрка.

— Поливать пока не будем, — сказала Аня, вытирая локтем пот со лба. — Вон там каменный вазон стоит — наливайте туда. Вечером начерпаем из него и всё польём. А пока я грядки прополола и прорыхлила — хватит на сегодня.

Когда девочки вылили принесённую из озера воду в каменный вазон, Аня велела «дамам» бежать домой и умываться: пока носили воду с озера, умудрились перепачкаться.

Умываться побежали на кухню: завтрак был давно — до обеда долго, так что кухня свободна — и ближе, чем все остальные умывальники. Аня проследила, чтобы разыгравшиеся «дамы» не перебрызгали друг дружку водой, а потом умылась сама. Она вытирала руки полотенцем, когда дом вдруг наполнился странным мелодичным звоном. Хм. Обычно такой звон раздавался, когда братья возвращались, но сейчас зазвучали в нём необычные нотки, к которым Аня и прислушивалась с удивлением...

Младшие тоже замерли, прислушиваясь, а потом Кристал на глазах мгновенно

побледнела от страха.

— Кто-то чужой хочет проехать или пройти на территорию поместья, — испуганно сказала она, а потом, словно убеждая себя, договорила: — Но это не дайна Эннис. Она сразу бы вошла... Но... кто это?

— Пока не выйдем и не посмотрим — не узнаем, — резонно заметила Аня, в душе тоже умирая от страха, но иного: а если она должна будет знать этого человека?! Но не узнает?! Пройдёт ли ссылка на незнание из-за болезни? Поверят ли ей?

В любом случае, надо выходить и встречать гостя в одежде, не промокшей да в пятнах. Звон продолжал разливаться по дому, пока она бегала наверх и меняла блузку, а заодно и жилет, в котором себя, как ни странно, чувствовала всегда уверенней.

Девочки вполнощённо бегали за ней, пытаюсь помочь с переодеванием, но только мешали. Аня терпела, потому что видела настоящий страх Кристал. Чем девочку так напугала эта самая дайна Эннис, если Кристал чуть не в панику впала?

Твёрдым шагом Аня вышла из дома, прошла по крылечку и бегом спустилась по лестнице, чтобы пройти до ворот. Лишь раз оглянувшись, чтобы увидеть взявшихся за руки девочек, оставшихся на крыльце. Будто две сиротки.

Аня решительно сопнула носом и всё тем же твёрдым шагом чуть ли не промаршировала по дороге, больше похожей на небольшую аллею — столько здесь было по обочинам густо зеленеющих деревьев! И приблизилась к воротам, за которыми её ждал симпатичный и представительный мужчина, лет чуть за тридцать (ровесник Никаса?), в строгом чёрном наряде. Уже не столько решительно настроенная, сколько удивлённая, но бдительная, она подумала: «Какой-нибудь чиновник?»

Шагнув к самим воротам и припомнив бабушку, которая обычно таким тоном говорила со всеми, кто пытался на неё «наезжать», она жёстко сказала:

— Я вас внимательно слушаю!

Как выяснилось секундами позже, она взяла правильный тон с этим господином в чёрном. Он, поначалу обалдевший, в свою очередь затем о-очень внимательно оглядел её и, слегка приподняв брови, насторожённо спросил:

— Вы дайна Агни?

— Да. Дайна Агни вас внимательно слушает, — поддерживая официальную жёсткость своего тона, ответила она.

— Вы неплохо выглядите, дайна Агни, — вкрадчиво сказал неизвестный и попытался просунуть сквозь решётки ворот какую-то бумагу. Едва кончик бумаги поехал мимо металлических переплетений, он немедленно вспыхнул, разом охватывая оранжевым пламенем всю бумагу. Мужчина вскрикнул от неожиданности и отдернул руку, одновременно выпустив из пальцев горящую бумажку.

Ох, как тяжело стоять посреди солнечного дня, смотреть на происходящее — и ничего не понимать! Аня обозлилась до такой степени, что высокомерно потребовала:

— А теперь озвучьте то, что было в бумаге! Быстро и без пауз!

— Ну что вы, милейшая дайна Агни, — заюлил мужчина, — ничего особенного и криминального в этой бумаге не было! Сердцем клянусь! Это всего лишь приглашение от дайны Эннис на небольшой приём в честь... — он поперхнулся и снова вкрутил свой взгляд в лицо Ани, словно до сих пор не веря глазам своим. — В честь вашего выздоровления, — с недоверием высказал он, хлопая глазами.

Браслет на левой руке мягко потеплел. Аня почувствовала это тепло, даже стоя в лучах

утреннего солнца. А вслед за этим ощущением она внезапно ясно поняла происходящее: этот тип приехал, чтобы убедиться, что с Агни покончено! Только так — и никак по-другому! Но на всякий случай дайна Эннис снабдила его бумагой, которая оправдывала его приезд в поместье! Правда, магически работающие ворота не пропустили бумажки, которая была насыщена, по сути, вражеской магией!

«Спасибо, дин Хармон», — мысленно поблагодарила она мужа Агни.

А затем ядовито — так, чтобы этот симпатичный представительный мужчина услышал эту ядовитость, ответила:

— А уж как я счастлива, что выздоровела! Будьте так любезны и передайте, пожалуйста, дайне Эннис мою преогромнейшую благодарность за её горячее участие к моему здоровью, а также за беспокойство и хлопоты, вызванные подготовкой к приёму в честь моего выздоровления!

Пятясь к ещё одному виду здешнего передвижения: то ли кареты, то ли ещё чего — мужчина, растерянно моргая, слащаво пролепетал:

— Будьте уверены, я точно и дословно передам вашу искреннюю благодарность дайне Эннис, которая так искренне переживает за вас!

— До свидания, милейший, — уже сквозь зубы процедила Аня.

И представительный мужчина (ей показалось — здешний доктор: слишком уж пристально он разглядывал её!), жалко пробормотав что-то в ответ, быстро уселся в своё средство передвижения, а кучер, задом сидевший перед ним, приподнял вожжи и тряхнул ими, натянув одну и разворачивая двух лошадей к обратной дороге...

Когда они пропали за поворотом, Аня ногой придавила слетевшую на её сторону почерневшую бумажку — та разлетелась в хлопья, и медленно развернулась идти к дому. Инстинктивно дёрнула головой: чуть в отдалении — как ей почудилось — кто-то стоял под одним из деревьев.

Но ветер, которого Аня до сих пор не замечала, шаловливо прошелестел между листьями, ветви всех деревьев будто всполошённо взметнулись и опали, и никого в подозрительном месте не оказалось. Сбежал? Или всё это лишь банально показалось?

И хмыкнула: смысл в этих воротах, если со стороны озера в поместье может пробраться каждый? Или... она не права?

Возвращаясь к крыльцу, Аня с недоумением размышляла вовсе не о визите странного гостя, которого она, кстати, вопреки всем законам гостеприимства, даже не пригласила войти в дом — не то, чтобы на чашечку чая. Впрочем, здесь свои законы, и, возможно, так обычно хозяйки поместья не поступают. С другой стороны, вежливость никто не отменял. А она чуть ли не нагавкала на бедолагу...

Ну ладно. О здешних правилах гостеприимства она узнает позже. Сейчас все её мысли занимали те самые украшения от дина Хармона, которые, как она сообразила только сейчас, и помогли ей разгадать цель приезда представительного мужчины — посланца дайны Эннис.

Возникает интересный вопрос: почему она, Аня, не надевает эти браслеты, цепочки с кулонами, кольца и серьги на свидания (она решила быть честной с собой: да, это свидания — и для неё, и для Таегана!)? И слабо улыбнулась. Разгадка проста: для неё, пришельцы из другого мира, привыкшей к постоянному физическому труду, украшения — это то, что носят лишь днём и вечером, чаще по праздникам, а ближе к ночи обязательно снимают. Нет, она знала о том, что надо надевать всякие драгоценные штучки, что они являются показателем,

например, умения одеваться в целостный образ, — читала-то много. Но здесь мир иной, напоённый магией...

И тут новая странная мысль возникла буквально из ниоткуда... Или к ней привела последовательность размышлений? Но мысль... Аня даже заморгала в замешательстве: на первом свидании у Таегана не было медальона!.. А потом мысленно пожала плечами: и что из этого следует? Она тщетно пыталась понять, почему её вдруг встревожило это... глупое открытие.

Хорошенько поразмышлять не дали.

Когда до крыльца осталось с десятков шагов, Кристал бросила Лиссу стоять на месте и помчалась по лестнице к Ане. На последних ступенях споткнулась — и только поспешившая навстречу Аня не дала ей упасть, подхватив её за подмышки и удержав на ногах. От мгновенного страха за девочку Аня сердито крикнула:

— Кристал, осторожней!

— Зачем он приходил?! — выпалила та, не обратив внимания на грубоватые интонации старшей сестры и сама вцепившись в её руки.

— А кто он? — строго спросила Аня.

— Личный лекарь дайны Эннис!

— Хм. Вот за этим он и приходил, — ответила Аня, снимая её ладошки со своих рук и тут же обнимая девочку за плечи, чтобы успокоить. — Узнать о моём здоровье. Пойдёмте в дом... Кристал, лекарь дайны Эннис — маг?

— Да. Ты забыла? Дайна Эннис раньше всегда приезжала к нам вместе с ним.

— Забыла, — согласилась Аня, шагая осторожно: сложно идти, как обычно, когда одной рукой обнимаешь взволнованную Кристал, а другой — придерживаешь подпрыгивающую на ходу Лиссу. — Раньше... А этот лекарь приезжал с нею только после смерти дина Хармона?

— Конечно! — даже удивилась девочка. — Дин Хармон терпеть не мог ни дайны Эннис, ни её лекаря. Ты рассказывала нам про это, когда приезжала в гости.

В гостиной первого этажа Лисса вырвала-таки ладошку из рук Ани и бросилась к ближайшему креслу. В нём сидела её кукла Тили, добродушно «посматривая» на вошедших. Когда старшие подошли ближе, Кристал вздохнула и тоже подошла к креслу, села перед ним на корточки, улыбаясь:

— А я свою Астор в комнате оставила.

Аня усмехнулась и посетовала:

— Бедные ваши куклы! Всегда в одном и том же. Скоро одёжка на них загрязнится — и вам же с ними играть не захочется.

— Но я не знаю, что делать! — жалобно возмутилась Кристал. — Шить я не умею — только сшивать. Агни, — с любопытством заглянула девочка в лицо старшей сестры, — а ты что-то ещё придумала для нас?

— Ну... Лисса ещё мала, но ты... Давай-ка, Кристал, научу я тебя вязать — крючком и спицами. А то в моей рабочей шкатулке и нитки есть, и чем вязать — и всё зря лежит. До осени ты успеешь связать для своей Астор зимний гардероб. А там, глядишь, и Лиссе захочется рукодельничать.

Они не спеша поднялись на второй этаж, и в комнате Ани Кристал сразу бросилась к большой шкатулке. Аня усадила девочку за столик, сама встала за спиной и склонилась так, чтобы та видела, как двигаются пальцы, набирая цепочку крючком... Машинально работая крючком, Аня прикусила губу: цепочка. Цепочка с медальоном. Причём Таеган всегда

делает так, чтобы Аня обязательно прикоснулась к медальону. Зачем? Может, все эти мысли, что его медальон как-то влияет на неё, на Аню, — несусветная глупость? Ведь Таеган больше не маг. А что... если...

— Кристал, а дядя дин Таегана — маг?

— И очень сильный, — подтвердила девочка, напряжённо ковыряя крючком в цепочке петель, чтобы ухватить за нижнюю и вытянуть первый столбик.

Ну вот... Ещё одна загадка: как действует медальон Таегана? На что? И с какой целью? Если Таеган хочет, чтобы она приходила на свидания по ночам (при воспоминании о последнем свидании Аню мгновенно бросило в жар: как он целуется!), то она вроде и так приходит... даже прибегает! — с большой охотой, с огромным желанием увидеть его немедленно! Тем более время свиданий неумолимо сокращается — и вот-вот настанет ночь, которой Аня заранее страшно боится... Ночь, когда она прибежит к нему, а Таегана не будет... Когда мостки будут пустыми — и Таеган не будет подхватывать её, бегущую к нему, как на последнем свидании, чтобы прижать к себе крепко-крепко, а потом брести к полюбившимся мосткам, чтобы там всласть нацеловаться...

Аня слабо улыбнулась: как подростки! Честное слово! Хотя обоим под тридцать...

Улыбка вновь слетела с губ, едва только она подумала... нет, даже увидела в воображении: на мостках она одна, а озеро — громадное и пустое, ровное и молчаливое, и где-то там, в доме своего дяди, сидит замолкший навеки Таеган.

В чём-то она его понимала. По его рассказам, хотя чисто о себе он говорил мало, у неё создалось впечатление, что он человек, чья главная черта характера — упрямство и даже перфекционизм, когда он ждёт от жизни — всё или ничего. А потому он сначала добьётся того положения или состояния, когда речь вернётся полностью, и лишь тогда «присоединится» к обществу.

Аня удержалась от горестного вздоха: жаль, что он такой принципиальный. Жаль, что он только влюблён, но не любит!.. Она удержала-таки непрошенные слёзы, вернула искривлённые в плаче губы в состояние внешнего покоя. И, вспомнив, о чём шла речь, и стараясь ярко выразить свой скептицизм, сказала:

— Сильный-то дядя у него сильный, а племяннику помочь не может.

— У него другая специализация, — не оборачиваясь, пробормотала Кристал, склонив голову над вязаньем. — Он артефактор. А возвращение магических способностей человеку — одна из трудных работ в магии. Не каждому дано...

— Откуда ты знаешь? — удивилась Аня и, обойдя девочку, присела сбоку. — Ты же не обучалась магии.

Кристал подняла голову и невесело улыбнулась.

— Мне казалось — я усидчивая и терпеливая. Однажды я взялась за книги Греди и Кегана и стала учиться потихоньку. Там все основные главы разбиты на уроки. Сначала было удобно, потому что там было написано о том, что знают все. А потом всё усложнилось. Чтобы понять следующие уроки, надо было проводить практические работы. А я боялась. И братьям было некогда меня учить, потому что они постоянно работали. Когда мы переехали к тебе, пришлось бросить учёбу, но кое-что из книг я запомнила. Вот и всё.

— А я? Раньше училась?

— Нет. После смерти мамы ты стала хозяйничать дома. — Кристал замолчала, и Аня повернула её вязанье и показала, как сделать первый столбик в новом ряду. — Но мне всегда казалось, что у тебя есть дар. Ведь не зря дин Хармон, увидев тебя, сразу начал уговаривать

тебя выйти за него замуж.

— А до болезни я не говорила, чему он меня учил? — спросила Аня и затаила дыхание: ну! Ну же, Агни! Ты же должна была поделиться с младшей сестрой таким невероятным везением: думала — бездарная, а оказалось — очень даже способная!

— Нет, — вздохнула Кристал, словно услышав внутренний просительный возглас старшей сестры. — Ты говорила, что он развивает в тебе что-то, но боялась взглянуть, так как дар был, как и у меня сейчас, неустойчивым, и его предстояло развивать до постоянного. Если бы он в тот день не поехал по просьбе соседней снимать проклятие, над которым бились и до него!..

— Не снял? — по инерции спросила разочарованная Аня.

— Снял. Но последняя часть заклинания на проклятие пала на него самого, — снова вздохнула Кристал — и обрадовалась: — Агни, смотри! У меня получается! Я сумела два ряда связать — и так красиво получается!

— Да, ты вяжешь очень ровно, — одобрила Аня.

Она продолжала наблюдать, как старательно Кристал вяжет дальше, и рассеянно думала о том, что это умение пригодится Кристал в любом случае. Например, в случае, если её старшая сестра не сумеет удержать дом в своих руках.

Лисса устроилась на её кровати и тихонько бурчала, рассказывая своей кукле про дом, в котором та очутилась...

Аня, глядя и не видя, как Кристал вяжет, неожиданно подумала: не считая первого свидания, Таеган больше никогда не упоминал о магии, разве что тогда, когда без её упоминания нельзя было обойтись в какой-нибудь истории. И то — старался быстро «уйти» от этого слова. А если... он получил психологическую травму, когда у него насильно забрали магический дар? Если ему тяжело вообще произносить слово «магия» после того случая? Может, поэтому он попросил своего дядю сделать ему такой медальон-оберег, чтобы собеседник не говорил о магии? А она, Аня, ещё удивляется, почему не может рассказать ему про Онору! Ничего себе... Ну, если она правильно поняла... Интересно, если надеть свои личные украшения, сумеет ли медальон противостоять им? Насколько разобралась Аня со своей ювелиркой, эти украшения тоже в какой-то мере являлись оберегами.

... Магия магией, а есть хочется!

Кристал вскочила первой, заслышав мелодичные звуки, проникшие в дом от ворот.

— Мальчики приехали! — на этот раз обрадовалась она. — Сумели они продать наших кукол, как ты думаешь, Агни?

— Бежим — узнаем! — азартно предложила Аня. И уже у двери оглянулась на малышку. — Лисса, идёшь с нами?

— Здесь посижу, — проворчала малышка, обнимая свою Тили.

Выбегая в коридор, Аня думала: Лисса до сих пор боится, что у неё отберут куклу для продажи? А что? Всё может быть... Вот и ещё одна психологическая травма.

Лошадь Смородинка уже стояла у ступеней крыльца, вороная, с ярким белым пятном на лбу. Это пятно нравилось Ане, и она постоянно гладила Смородинку по белой шерсти, слегка почёсывая лошадиный лоб и заглядывая в спокойные большие глаза...

Мальчики неудержимо смеялись от счастья, вынимая из багажников ландо небольшие мешки и пакеты и перенося их на крыльцо, к ногам радостной Кристал, которая только всплёскивала руками при виде продуктового богатства и причитала о том, как обрадуются старушки на кухне. Стоявший у заднего колеса ландо Никас будто оцепенел, глядя на это

«безобразие». А на его лице так и стыло ошеломлённое выражение. При виде Ани, первым делом приветствующей лошадь после долгой поездки, он подошёл к ней и покачал головой, не в силах произнести ни слова. Наконец собрался и произнёс:

— Я хотел снизить цену вчетверо, как минимум! Но почему-то сказал то, что вычислила ты, Агни. Я не понимаю. Женщина забрала обеих кукол не торгуясь, хотя приехала без своих капризных дочек. Я даже подумал, что ты вложила в этих кукол что-то магическое, чтобы продать их за такую цену! Но ведь ты знала, что вещи с такими ценами в таком случае обязательно проверяют на наличие запрещённой торговой магии!.. Агни, — повторил он как-то беспомощно, — их купили сразу, без торговли!

— А что? — задорно сказала Аня. — Кристал! Мы пошили плохих кукол? Из плохого материала? Мы пошили кукол, похожих на все остальные куклы?

— Нет, Агни! — весело закричала Кристал. — Мы пошили замечательных кукол!! Таких кукол ни у кого нет!!

— Вот и ответ, — пожала плечами Аня, чувствуя, что сияет сама.

И побежала к Кристал, чтобы помочь с некоторыми сумками и мешками. Нагрузившись ими, она вдруг оглянулась и засмеялась.

— Никас! — закричала она в счастливой эйфории. — А я знаю, как сделать, чтобы наши куклы стали ещё дороже!!

— Верю! — искренне отозвался брат.

— А мне ты скажешь? — с любопытством спросила Кристал, бедром пихая входную дверь в дом. Та не хотела открываться широко и постоянно норовила закрыться.

— Да ничего особенного, — улыбнулась Аня. — Можно сшить их не такими большими, а потом посадить в коляски, чтобы их удобно было выгуливать. Обыкновенные креслица, только с длинными ручками. Интересно, в конюшне материал для колясок найдётся? И как бы заставить наших мужчин немного потрудиться для общего блага?

Кристал, видимо, представила себе картинку — кукла в коляске, которую можно возить по дорожкам, и восторженно запищала. Шагая по гостиной к кухне, она обернулась и засмеялась:

— А чтобы эту красоту увидели, первую коляску надо сделать для Тили Лиссы!

Братья грохнули смехом, а Кристал добежала с продовольственным грузом до кухни. Аня шла за ней и сразу расслышала охи и ахи старушек служанок. Усмехнулась: «На обед съедим то, что приготовили Сайл и Бридин, но на ужин я сготовлю что-нибудь более съедобное и даже больше — вкусное!» Когда все продукты были расставлены на двух полках небольшого чулана при кухне, Аня с сожалением оглядела другие полки, всё ещё пустующие, но велела себе: не унывать! Начало положено — и вскоре на этих полках будут толпиться и другие необходимые для детей и мужчины продукты!

В гостиной её ждал Никас. Он протянул ей деньги — разноцветные монетки разной величины и сказал:

— Это осталось от кукол и продуктов. Будут храниться у тебя.

Аня подставила ладонь, и он ссыпал монеты к ней. Но Аня руку всё не убирала. Приглядевшись, она отметила, что цифры на монетах легко считать. По размеру можно определить важность той или иной денежки. Привыкшая к счёту, она быстро разделила монеты на две кучи, одну поменьше забрала себе, другую протянула Никасу.

— Я пока не выхожу в город, но вам с мальчиками нужны вещи. Новые рубахи и штаны. Купите сами.

— Но... — начал Никас и заткнулся, с каким-то огорчением глядя на монеты.

— Никас, — деловито сказала Аня. — Мне нужны деньги только для Кристал, потому что ей необходимы штаны. Но платья её я пока буду перешивать из своих. Как и для Лиссы. А потом... У нас есть ещё несколько кукол. Дала ли тебе та женщина свой адрес?

— Нет. Но она узнала, где живём мы, — постепенно оживляясь, ответил Никас. — И записала!

Аня улыбнулась.

— Что ж, будем ждать следующих заказчиков!

— Агни, — настроение Никаса сменилось на какое-то виноватое. — Кроме продуктов, мы купили ещё кое-что. Ты же помнишь, что наш дед был художником? И мы все в детстве часто рисовали, но в последние годы на предметы рисования у нас не хватало денег... Мальчики уговорили меня купить карандаши и краски, а также бумагу, на которой рисуют художники. В общем, получилось — по набору для каждого из нас и даже для Лиссы. Мы так давно не рисовали!.. Ты... не возражаешь?

Внутри Ани что-то дрогнуло. Она ещё не поняла, что именно случилось, но... Рисовали? Перед глазами тут же замельтешили картинки с розами... Так эти цветы рисовала... Агни?

Но Никас говорил что-то ещё. И она прислушалась, постепенно настораживаясь.

— И, когда он увидел твои рисунки, он впервые начал разговоры о том, что готов жениться на тебе хоть прямо сейчас!

Аня подспудно радовалась, что они стоят подальше от окон, в тени, так что не видно, что её лицо бледнеет: она-то прочувствовала свою бледность, ощутив, как отхлынула кровь от лица. Значит, дин Хармон стремился жениться на Агни вовсе не из-за её молодости? А не связан ли магический дар Агни с её желанием рисовать?

А дальше мысли стремительно помчались вперёд: она нарисует то, что надо, пробудит Онору из магической немощи, а Онора поможет Таегану и снимет с него заклятие молчания! Но что надо рисовать?! И как?! Снова те же розы?! А как же... Как же... Она, Аня-то рисовать не умеет!! А рисовать надо не просто розы, а магические!!! Всё это умела Агни! Но она-то не Агни! Господи, что делать?!

Взгляд упал на Кристал. Кристал сказала, что у неё тоже есть магический дар. Заставит девочку срисовать с картинок Оноры розы, а потом раскрасить их? Но будут ли эти розы действенными?! Аня машинально кивала рассказу-воспоминанию Никаса, напрасно пытаясь уловить в нём хоть капельки чего-то стоящего, что поможет ей и Оноре, а значит, и Таегану... Увы и ах... Что делать, что делать?!

Гром грянул не оттуда, откуда его ждали. Впрочем, никто грома и не ожидал.

В гостиной снова мелодично запел сигнал от ворот поместья.

— Кто-то приехал? — удивился Никас, медленно шагая к входной двери.

И тут Аня вспомнила, что не успела ему рассказать про визит личного лекаря дайны Эннис. Момент упущен — решила она. Потом он всё узнает. А пока... Пока она догнала его, и дальше, к воротам, они пошли вместе.

За воротами стояли два человека в одинаковых тёмных костюмах. Один из них щегольски притопнул ногами в сапогах (летом-то?! — поразила Аня) и склонил голову, протягивая конверт именно ей.

— Достопочтенной дайне Агни от дина Вилея! Приглашение, включающее в качестве спутника вашего брата, на завтрашний вечер по случаю приезда его племянника!

Опомнившись от этого церемонного обращения к ней, Аня выпрямила спину и, кивнув, приняла конверт, сказав:

— Примите мою глубокую благодарность и передайте дину Вилею, что я весьма благодарна за приглашение!

Двое, одинаково почтительно поклонившись (кажется, она сумела ответить как надо), заученно развернулись и чуть не маршем потопали по дороге от поместья.

— Какой племянник? — негромко удивилась Аня. — Дин Таеган давно живёт здесь, насколько я помню!

— Мы здесь год с лишним, — прошептал хлопающий глазами Никас. — Но нас впервые пригласили в качестве гостей... Я понимаю, дин Таеган, но... Нет, я ничего не понимаю!

Поначалу Аня так психанула, что чуть не убежала в сад — подальше, куда глаза глядят: все члены её семьи считали, что им всем здорово повезло и что их удостоили внимания в высшем свете — точнее, в здешнем светском обществе. Когда Аня чуть успокоилась, Никас объяснил, что это внимание им на руку: меньше вредничать будет дайна Эннис, да и вообще перестанет наводить смертельные проклятия, если узнает, что молодая вдова из разряда, казалось бы, несчастеньких и никому не нужных, перешла в разряд значимых представительниц высшего общества.

— Агни, я понимаю, что у нас у всех нет надлежащего воспитания, — угадал он в своих уговорах главную причину ужаса сестры, когда привёл её домой и в нижней гостиной усадил в кресло, — но ты не забудь, что и соседи о том же знают! Дин Хармон никогда и ни от кого не скрывал, что взял в жёны девушку из обедневшей семьи! Так что на твоё поведение обращать внимания... нет, обращать, конечно, будут, но ведь есть манеры, которые ты можешь соблюдать! Ты владеешь ложкой и вилкой, умеешь ходить и стоять прямо и не сутулиться! Умеешь разговаривать с людьми просто, но воспитанно. Ты много читала, в конце концов! А что плохо знаешь нынешнюю политику — не страшно, Агни! Все знают, что ты долго болела!

И тут Аня не выдержала и со слезами закричала:

— Никас, скажи честно!! Танцы там будут?! На таких вечерах танцы бывают?!

Кристал, сидевшая в соседнем кресле, испуганно ахнула, а младшие братья неуверенно захихикали.

Девочка осуждающе поглядела на них и строго заявила, пока опешивший Никас хмурил брови, суматошно вспоминая:

— И нечего смеяться! Танцы — это только для мальчиков пустячок. Вот станете взрослей — и поймёте, что танцы — важное дело! Я читала у Агни в журнале рассказ про такой вечер. Там, пока все танцевали, решались политические дела! Вот!

Лица мальчиков вытянулись, и двойняшки переглянулись: наверное, пытались представить, как это — именно во время танцев и вдруг решать такие вопросы. Глядя на них, чуть в истерике не захихикала и Аня. Мальчики, вероятно, представили, как строгие дяди в строгих костюмах танцуют с дамами и обмениваются вопросами разной важности на ходу, чтобы успеть решить их до конца танца. Ужас...

Спустя час Аню отпустило. Она начала успокаиваться, задавшись одним вопросом: а будет ли на вечере Таеган? С его-то нетерпимостью к собственной «травме»?

А потом забылось и это. Всё перечеркнуло желание понять, что делать с магическим рисованием. Аня уже приняла положение, что картинки с розами были нарисованы Агни. И не решалась даже дотронуться до бумаги и карандашей в присутствии хоть кого-то из семьи. Придумывала себе разные причины, чтобы уйти от их естественного вопроса-недоумения: «Что с тобой? Ты же раньше рисовала!»

Впрочем, придумывать много не пришлось.

Она ушла в комнату Оноры, где её никто не решался беспокоить. И засела там, глядя в окно и размышляя обо всех проблемах, которые сваливались на неё всё большим потоком... За окном она видела ту самую дорогу к воротам, деревья, кусты, запущенные клумбы... С горечью вспомнила, что ещё ни разу не подошла к тому цветнику, в котором были её

«любимые» розы, подсказанные Кристал... Всё перебило желание улучшить жизнь в этом доме, сделать так, чтобы еда на столе была сытной и в достаточном количестве... Какие уж тут розы!..

И замерла... Розы — пока фиг с ними... Но... Рисование. Агни умела рисовать. И украшения Агни действовали на ней, на Ане. А если... Она едва заметно и насмешлив сфыркнула: порой именно с этого «а если» и начинаются главные приключения. Правда, сейчас здорово мешает цейтнот. Времени на всё про всё и так мало, а она вынужденно сидит в комнате Оноры, ничем не занимаясь.

А если бы была возможность? Чего уж скрывать... Первым делом побежала бы в комнату и схватилась бы за карандаши. Картинки с розами как раз карандашные.

Потом — пооткрывала бы шкафы в гардеробной: в чём завтра идти и какую причёску придумать? И были ли у Агни туфли для таких мероприятий?.. Проблема, конечно кроме обуви, решаемая — дамские журналы ей в помощь!

Потом...

Окаменев на месте, забыв дышать, Аня уставилась в окно. Там, на обочине дороги, а значит — в зелени кустов, виднелась тёмная, но отчётливая мужская фигура.

Мурашки по телу... Лекарь дайны Эннис кого-то прислал, чтобы бедную Агни попытаться убить в очередной раз?.. Не поднимаясь, Аня, пригнувшись ещё больше, чем пока сидела на стуле, метнулась к окну, чтобы затаиться сбоку. Неужели это и впрямь убийца? Вот же тётке неймётся... Ну и жадина... Денег ей мало. Нет, дом и поместье явнс стоят больших денег, если эта тётка пожелает их продать... И тут Аня решила, хочешь не хочешь, но пойти на вечер. Да хоть в рубище! Лишь бы её новое положение остановило дайну Эннис. Пусть Аня покажется гостям дина Вилея смешной и невоспитанной, но семья останется в этом доме! Всё. Пора идти к себе и доставать карандаши из набора!

Ощутимо измученная всеми этими мыслями и переживаниями, Аня забыла про неизвестного, который прятался в кустах, и начала вставать из-за подоконника, под которым пряталась.

И снова оцепенела.

Мужская фигура шагнула вперёд, на дорогу, после чего повернула на боковую тропинку и направилась к озеру... Аня смотрела вслед Таегану и ничего не понимала!

Зато резко поняла другое: завтра она точно будет у дина Вилея!

Подняла руки к ноющим от множества проблем вискам.

Спустя минуту она, лишь на всякий случай оглянувшись на неподвижную Онору, твёрдым шагом вышла из её комнаты.

... Когда все традиционно собрались идти на озеро, Аня, скрепя сердце (так хотелось увидеть Таегана при свете солнца!), сказала Никасу, что придёт чуть позже. Брат понятиливо покивал. Кажется, он решил, что она заранее хочет заняться подготовкой к завтрашнему дню. Остальные спокойно восприняли её решение, разве что Кристал пошутила, что дин Таеган будет скучать без неё... Чтобы девочка не заметила её кривой улыбки, Аня отвернулась — словно по делу.

Когда вся семья удалилась из дома, она быстро вынула чёрно-белые рисунки роз и вздохнула, глядя на них. Затем приготовила на рабочем столе, очищенном от выкроек, всё, что ей понадобится. Чистый лист того же размера, что и «розовые» картинки. Два карандаша — чёрный и красный. Села.

Сначала она решила перерисовать розу с картинки чёрным карандашом, а потом

раскрасить её красным цветом. Приглядываясь к этой розе — с чего начать срисовывание, с удивлением сообразила, что цветок нарисован вовсе не опытной рукой. Странно, что раньше она этого не увидела. Перебрала все «розовые» картинки и убедилась окончательно: Агни профессионально рисовать не умела. Она просто, почти по-детски набросала примерные очертания всем известного цветка (а может, и срисовала его с розы в любимом цветнике?), а потом раскрасила его.

Задумавшись, а затем придя в себя, Аня пожала плечами: нашим легче! Проверяя себя, снова очень внимательно просмотрела все «розовые» картинки. Хмыкнула: все розы одинаковые! Менялись лишь листья и стебли. И то — где листьев вообще нет, но есть стебель, а где — нарисован только бутон.

И — новое открытие! Эти картинки помогли Оноре выйти их выморочного состояния. Их рисовала Агни. Следовательно, Онора знает о магической способности Агни? Значит, есть возможность более конкретно узнать от Оноры, в чём заключается магический дар?.. Аня похлопала глазами на чёрные картинки — и обозлилась: «Какого чёрта?! Пару раз самые простые решения уже помогли мне. Так почему?..»

Она решительно придвинула к себе чёрно-белые картинки, отодвинув свой белый лист, которого карандаш так и не коснулся. Глубоко вдохнула и дотронулась кончиком красного карандаша до чёрных линий нарисованной розы.

Она так осторожничала, так зажималась в напряжении, что пару раз сильно вздрагивала и спохватывалась, всю ли свою «бижутерию» надела. И уповала только на одно: если эта «ювелирка» подняла её восприятие и понимание мелких ситуаций, то и сейчас должна хотя бы подтолкнуть — хотя бы к подсказке. Но кончик карандаша скользил между чёрными линиями «раскраски», постепенно из острого становясь тупым, а ничего не происходило: не появлялось ожидаемое свечение вокруг картинок, нарисованные розы так и оставались наборами росчерков старательного неопытного художника. «От слова «худо»!» — сердито подумала Аня и бросила красный карандаш.

Встав, она потянулась руками к недосягаемо высокому потолку, чтобы расслабить закаменевшую спину. Вспомнив, выскочила в коридор — ахнула: сидит почти сорок минут! А ведь на берегу её ждёт Таеган!

Она заметалась: попробовать ещё раз? С другой картинкой? Или сломя голову — на озёрный пляжик? В воображении увидела бесстрастно спокойное лицо Таегана: «Мне уже наплевать, какое ты примешь решение!» И бросилась из комнаты, дивясь про себя: и когда это она успела так хорошо узнать его? Или ничего удивительного? Часть ночи они разговаривают — и не всегда ясно видно его лицо, по темноте-то. Зато теми же ночами она глубоко вслушивалась в его голос и легко определяла настроение, с которым он вёл рассказ. В дневные же часы она жадно считывала движения его души по едва уловимым, а для остальных и вовсе не заметным движениям лица.

Чуть не хлопнув в спешке потайной дверцей на террасе, Аня вдруг подумала: «А если спросить его, что он сегодня делал в поместье, увижу ответ? Нет, вопрос его рассердит, и он замкнётся. Да и нужно ли мне это знать? Может... — она слабо улыбнулась. — Может, он так часто гуляет по поместью, чтобы нечаянно увидеть меня? Глупости какие... Лучше спрошу, почему его дядя вдруг, с бухты-барухты решил устроить вечер, да ещё в самом начале рабочей недели... Про рабочую неделю говорить не буду! Аристократы же! Им на это начхать! Нет, в ситуации Таегана вопрос «почему» — это сложный вопрос. Он обидится. Ведь наши ночные часы укорачиваются. Я бы тоже обиделась, типа: у нас и так аховая

ситуация, а ещё и праздника хотят лишить... Ну и лишний раз его увидеть... Ой, что-то я заговариваюсь... Не лишить, а испортить! — И тут же невпопад подумалось: — Жаль, на озере все наши будут — он бы меня поцеловал!.. — И тут же мысли метнулись в другое русло: — Ой! А у Никаса ботинки есть, чтобы пойти на светский вечер?! Говорят, там даже не столько на одежду смотрят, сколько на обувь!»

Запыхавшись до пересохшего горла, она спешила по тропинке вниз — уже на виду у купающихся. Поэтому спешить приходилось со всеми возможными приличиями да ещё думать при этом, как уgomонить запалённо частящее дыхание. И Аня, по личным впечатлениям, тарасилась куда угодно: на спокойно развесистые яблони, на весёлые зелёные лужайки под ними, на приближающуюся водную гладь, которая вдребезги разбита стараниями нескольких купающихся человек, и на единственного человека на берегу... Почему он не плавает? Ждёт её? Аня виновато вспыхнула...

Мягкий топоток кожаных тапочек по плотной земле, слегка отдающей пылью после каждого шага, Таеган слышал издалека. Обернулся к Ане и безразлично наблюдал, как она торопится к нему. Именно к нему, и в этом не было ничего неприличного — считала Аня. Он же гость, пусть и не официальный. Гость семьи, а значит, её семейные не увидят ничего непозволительного для женщины из общества... Господи, о каких глупостях нужно здесь заботиться...

Ближе — она зашагала размеренной. Но теперь Таеган позволил себе лишнее: вместо того чтобы оглянуться, кивнуть и, пользуясь своим положением «травмированного», снова отвернуться к озеру и уставиться на купальщиков, он, будто забывшись, следил за её приближением.

С воды на них внимания не обращали, придумав необыкновенную игру: разделившись на команды по двое, двойняшки и Никас с Кристал пытались отобрать друг у друга визжащую от азарта и страха Лиссу. Шум, гам, смех — и хрустально-солнечные брызги! Что ещё для счастья надо?

Аня села рядом с Таеганом. Поймала его взгляд — одна бровь ожидаемо чуть приподнята. И внезапно поняла, что может говорить с ним о том, о чём всегда хотела, но не получалось по ночам. Мельком вспомнила, что на ней осталась «ювелирка» дина Хармона, которую она надела перед рисованием. А ведь раньше она днём, перед посещением озёрного берега, снимала её всю, до последнего колечка. И «ювелирка» у неё на цвет, сверкание и форму довольно скромная. Кажется, Таеган её напрочь не видит?..

— Я задержалась, потому что заходила к Оноре, — поспешно сказала она, страшась, что снова не сумеет договорить.

Смотрела ему в глаза. Одно время она думала, что скоро научится считывать его речь по губам, и тогда проблемы с беседами не будет. Очень на это надеялась. Но в одну из ночей Таеган проговорился, что днём он даже изобразить губами слов не может. Так что теперь, в дневное время, она всматривалась только в его лицо, а иной раз задавала уточняющий вопрос, если он слишком бесстрастно воспринимал её речь, а значит — чего-то не понял в ней. Порой ей такие беседы даже нравились, особенно когда она догадалась, что остальные не умеют считывать с его лица, удовлетворяясь лишь прямыми вопросами, на которые он либо кивал, либо покачивал головой.

Он удивился новому для него имени — та же приподнятая бровь нервно дёрнулась, когда он внимательно всмотрелся в лицо Ани. И неожиданно замер. Потом на мгновение машинально опустил глаза — сообразил, что это имя связано с магией: «Я не забыл взять с

собой медальон?» Аня мысленно выдохнула: «ювелирка» дина Хармона отлично противостояла магии медальона!

Но теперь возникло вполне резонное опасение, как бы он не сбежал, не желая говорить о магии. Или не запретил ей рассказывать о том, чего он не хочет слышать.

И тогда она немного слукавила, сделав вид, что не подозревает о магических особенностях его бережного медальона (а заодно поверив, что правильно сообразила про этот оберег), и заторопилась с объяснением:

— Я всё пыталась рассказать тебе о ней ночью, но забывала. Онора — это дочь моего мужа. — Пауза была нужна, для того чтобы он не только узнал, кто ещё живёт в её доме, но и осознал, какую роль этот до сих пор неизвестный человек может сыграть в его жизни. Поэтому сразу после краткой паузы она добавила ещё одну важную для него информацию: — Говорят, у неё способности дина Хармона.

Его лицо как-то странно напряглось, но не в надежде, как Аня рассчитывала, а в насторожённом вопросе. «Говорят?» — угадала она его уточнение. И снова заторопилась:

— Тебе, наверное, рассказывали, что я болела из-за колдовской отравы? Когда Онора появилась в моём доме, первым делом она принялась снимать с меня последствия этой отравы. — «А при чём тут картинки, рисованные рукой Агни? — вдруг подумалось, когда Аня снова начала переживать рассказанную Кристал историю бедной Агни. — Но Онора слишком юна и поспешила там, где спешить нельзя.

Губы Таегана скептически дрогнули: «Зачем же, в таком случае, ты предлагаешь мне надежду? Хм... Дочь дина Хармона...»

— Я-то вылечилась, — продолжила объяснение Аня, — а вот Онора впала в странное состояние. Сначала мы не могли пригласить к ней опытного мага. Но сейчас... — Аня радостно вздохнула: — Теперь у нас есть такая возможность. Мы хотим побыстрее найти человека, который поможет понять, что с Онорой не так. Проблема в том, что ни я, ни мой брат не знаем, к кому можно было бы обратиться за помощью или хотя бы за консультацией. Так что я очень рада приглашению твоего дяди. Надеюсь, он подскажет, есть ли в округе опытные маги и к кому из них лучше обратиться.

Таеган в задумчивости снова опустил глаза, а потом взглянул на озеро, на купальщиков, которые всё так же жизнерадостно и азартно вопили на воде. Лёгкая озадаченность из-за истории Оноры сменилась каким-то глухим чувством, которое Аня никак не могла распознать. Что-то между недоверием и разочарованием... Впрочем, ей было не до разгадывания. На языке вертелся всё один и тот же глупый вопрос: «Так что же ты делал в моём поместье сегодня?»

Когда Таеган упёрся взглядом в кромку берега между землёй и волнами, Аня с внутренним вздохом поняла, что нет смысла говорить об Оноре дальше. Он принял решение не вступать в эту историю, которая пятьдесят на пятьдесят могла закончиться для него как крахом всех надежд, так и победой в преодолении действующего в нём чужого и даже вражеского заклятия. И она понимала его: не зная, что ему пришлось пережить, Аня всё же предполагала, что лечили Таегана лучшие маги из лучших в государстве. Но знала и то, что маги, подобные дину Хармону и его дочери, в том же государстве наперечёт... И потому не могла за него решать. Не могла уговаривать.

«Сама всё сделаю! — сердито покончила она с этой проблемой. — Как хотите, но докопаюсь, как вызволить Онору. Пусть мои деньги и пойдут только на штаны Кристал, а остальное — отдам любому магу-целителю! Пусть только этот маг объяснит, как спасти

Онору и вывести её в нормальное состояние!»

И из чистой вредности так же сердито сказала:

— И я всё ещё сомневаюсь из-за приглашения! Я плохо воспитана, у меня нет подобающей одежды, чтобы общаться с приглашёнными гостями! Да и общаться... Я слишком мало выходила в свет при жизни дина Хармона и не умею разговаривать с высокими господами так, как следует!

Таеган медленно повернул к ней голову, всё ещё не поднимая глаза. А потом усмехнулся и поднял над головой руки с растопыренными пальцами, зверски и в то же время шутливо сморщившись: «Мы такие страшные — эти твои высокие господа?»

Она чуть не заплакала: он ещё и подсмеивается надо ней?

А он ткнул в себя пальцем и быстро взял Анину руку, чтобы положить её себе на сгиб локтя. И посмотрел в её глаза: поняла ли она его?

Она сглотнула болезненный ком в горле, считав с этих движений: «Там я буду рядом с тобой!» И с сомнением, чтобы он слышал его — это сомнение, ответила:

— Хорошо. Я подумаю. В конце концов, я уже обещала.

Острый взгляд напоследок она опять не поняла, пока он не изобразил жестами что-то такое, что она прочитала, как: «Ты будешь дома не одна?» Или: «Ты ждёшь гостя, который тебе дорог?»

Вот тут она удивилась так, что даже переспросила:

— Какого гостя?

Он неопределённо пожал плечами. И отвернулся к воде — тем более, из неё выходили все купальщики, уставшие и довольные, — утомлённая Лисса вообще бессильно привалилась к Никасу, будучи на его руках. Дети немедленно побежали к Таегану — рассказывать, как здорово они поиграли на воде и как жаль, что он не присоединился к ним... Аня посмеялась вместе с ними — и напомнила, что они с Таеганом всё видели с берега, просто не успели примкнуть к играющим...

А потом замолчала, и её беспокоило не то, что Таеган предположил такую странность, как невесть откуда придуманный им гость, да ещё дорогой или близкий ей. Беспокоило иное. Ещё утром она подсчитала, что за неделю его время уменьшилось уже на один час и сорок пять минут — каждые сутки время его владения речью пропадало на пятнадцать минут. А ведь они начинали встречаться с объёма в три часа с небольшим... Оставался час и пятнадцать или двадцать минут... Всего час с небольшим!..

Сердце сжималось, едва она вспоминала об этом... Нет, Таеган прав: они должны увидеться на вечере, устроенном его дядей. Увидеться, чтобы хоть чуть-чуть продлить их личное время. Компенсировать то, что недополучают ночью.

Ведь остаётся подозрение, что Таеган вскоре вовсе исчезнет.

И, чтобы Таеган успокоился, она насмешливо сказала Никасу:

— Никас, ты только завтра не забудь после работы сбежать в обувную лавку — купить себе хорошую, нет — даже дорогую обувь для вечера! Тебе же завтра меня сопровождать! Ты должен быть прилично одет и обут!

Дети рассмеялись: а что — забавно, что сам старший брат об этом не подумал.

— Ох ты... — забеспокоился Никас и явно начал вспоминать, есть ли у него пригодная для развлечений обувь.

Таеган не посмотрел на Аню, но лицо у него словно осветилось облегчением.

Дети и Никас быстро переоделись в купальной беседке и вышли, чтобы вернуться

домой. Аня сидела на берегу одна и, как всегда, со стеснённым сердцем следила за ровной полосой, которую оставлял на воде плывущий к своему берегу Таеган.

Ничего не заметивший Никас подошёл к мосткам, где она сидела.

— Агни, ты правда хочешь, чтобы я купил себе обувь? Я ведь могу и свои обычные ботинки привести в порядок обувной ваксой.

Аня подумала немного и встала, взяла его под руку, ведя к детям.

— Никас, я не знаю, что будет на том вечере. Не знаю, много ли господ там соберётся и каких. Но мне хочется, чтобы ты чувствовал себя среди них уверенно. Я не очень разбираюсь в денежных делах, но мне кажется, мы получили очень даже замечательные деньги за кукол. Пора покупать хорошие вещи. Почему-то мне кажется, вскоре мы получим ещё одну сумму, которая будет больше, чем за две куклы. Одевайся, Никас. Некоторые господа — большие снобы. Могут глянуть и на то, в чём ты ходишь. Если ты истратишь все деньги — нестрашно. Остаются у меня. Наши мальчики тоже оденутся. И с Онорой я придумала: следующие деньги мы потратим не только на одежду, но и на лекаря для неё. Ну что? Ты согласен?

— Вы о чём? — тут же спросила Кристал, когда они поравнялись с ней.

— О новой одежде для Никаса и мальчиков. Они учатся и работают. Им нужна одежда. Кристал, ты-то, я думаю, согласна со мной?

— Конечно! — возмутилась девочка. — В них не должны видеть оборванцев с залатанными локтями и коленками! Идите и купите всё, что вам надо, Никас!

Никас расхохотался от этой настойчивости, но Аня заметила, как лица двойняшек стали таинственными и сияющими надеждой. И подумала, а не дразнят ли их теми самыми оборванцами в той школе, куда они ходят учиться магии?

Они дошли до дома — и остаток дня покатился быстро, а кое в чём даже стремительно. Забросив вещи с озёрного берега в комнату (всё равно не поплавала!), Аня побежала на кухню.

Ещё в обед она договорилась со старушками служанками, что сегодняшней ужин она соорудит сама, так как есть продукты для тех блюд, о которых она вычитала в своих разлюбезных дамских журналах. Ей снисходительно позволили это сделать, хотя Аня уже узнавала, что здешние дамы не должны (вот прямо-таки именно не должны!) возиться с готовкой! Но уж если в журналах есть что-то, что дамам разрешено, так почему бы и нет?

Мудрствовать долго Аня не стала. Мясо есть. Картошка есть. Лук и приправы есть.

Вскоре на кухню все начали забегать так, словно в доме во всех кувшинах закончилась питьевая вода:

— Агни, я только водичку попить!

— Ой, Агни, как вкусно пахнет! Да нет, я воды хотел попить!

Аня прятала торжествующую улыбку: тушёное мясо с картофельным гарниром — что может быть вкусней?.. Прибежали даже ошарашенные Сайл и Бридин! Эти не стеснялись и не придумывали ничего, чтобы попасть на кухню и увериться, что ужин будет отличным. Они сразу начали заглядывать в кастрюлю с картофелем, который почти доварился и ждал только, когда его разомнут толкушкой и зальют маслом; они поднимали крышку громадной чугунной сковороды и умилялись на шкворчащие в густой подливе мясные кусочки, качая седыми головами, как-то хитро подвязанными платочками.

— Знать бы раньше! — чуть не обиженно сказал за столом Никас, когда все с удовольствием доедали уже добавку (старушки — в своей комнате): Аня решила ужин завтра не оставлять. Наутро она собиралась сделать кое-что, что стареньким Сайл и

Бридин надо будет только разогреть.

— Что значит — раньше? — усмехнулась она.

— Ну, что в твоих дамских журналах столько чудесных рецептов! — изумлённо качал он головой и закрывал глаза от наслаждения, не обращая внимания на смешки младших братьев. — Такое нежное!.. Когда я раньше слышал от людей, что мясо может на языке таять, я и не мечтал, что однажды мне доведётся попробовать такое!

Аня, сдерживая смех, опустила взгляд на свою тарелку: Сайл и Бридин постоянно творили из мяса нечто резиновое и жёсткое, как куски шины — в представлении Ани. А если и пытались придумать к нему гарнир, их картофельное нечто выходило бледно-синим, даже будучи горячим.

Кристал без слов осталась с Аней на кухне — помочь с мытьём посуды.

— Агни, а ты научишь меня этому рецепту? — спросила она, высушивая тарелки чистым полотенцем. — Или этот рецепт очень сложный?

— Что ты! — отозвалась Аня. — Всё очень легко, просто надо соблюдать некоторые правила, и тогда всё получится, как надо.

— А давай завтра попробуем? — загорелась Кристал. — Ты мне будешь говорить, а я буду делать? Агни!

— Нет, одно и то же каждый день — это неинтересно, — решила она. — Мы с тобой завтра посмотрим мои журналы и выберем лёгкие рецепты для вкусных блюд. И если там будут сложные блюда, нам ведь необязательно брать их? Найдём что попроще — и устроим сюрприз для вас, кто останется дома, пока мы с братом будем на вечере.

— Ой, я про вечер забыла, — вздохнула Кристал и принялась задумчиво тереть следующую тарелку полотенцем.

Закончив дела в кухне, они поднялись к Ане. В комнате уже сидела Лисса и разговаривала со своей Тили и с Астор Кристал о том, как прошёл день и что интересного было у кукол и у их хозяек. Аня с Кристал улыбнулись, когда Лисса похвалилась куклам, что она ела сегодня вкусный-превкусный ужин!

Аня напомнила девочкам, что ей нужно сбегать к Оноре — отнести ужин. Не успела договорить (хотела попросить, чтобы девочки продолжили распарывать старые платья), как Кристал тут же уселась на стул перед рабочим столиком, где лежало платье — будущий материал для кукол, и вооружилась ножницами. А Лисса сунула в «руки» Тили последний лоскут от недавней раскромсанной ткани и принялась тоже резать ножницами.

Сообразив, что творчески-технический процесс запущен и без неё, Аня помчалась на кухню, схватила приготовленный поднос и взлетела по лестнице на второй этаж, добежала до комнаты Оноры. По дороге она планировала, каким образом начнёт новые эксперименты с «розовыми» картинками.

Поднос чуть не выпал из её рук, когда она шагнула в комнату. Нет, Онора всё ещё неподвижно лежала на постели. Но оставленная Аней картинка с чёрно-белыми розами, внутри чёрточек которой она старательно раскрасила белый в красный, переливалась цветами и оттенками магического алого!

Ошеломлённо поглядывая на стол с картинкой, Аня привычно усадила девушку полулежать-полусидеть на приподнятой подушке и долго и терпеливо кормила её и поила всё тем же чаем, размышляя при этом отнюдь не о картинках, а о том, что неплохо бы поспевшие яблоки осенью заготовить хотя бы примитивно — засушить. И тогда будут компоты. Подспудно Аня понимала, что она оказалась не готова к странной метаморфозе

картинки, а потому старается думать о привычном и будничном.

Но в голову лезла только одна мысль: надо раскрасить все картинки и уйти! Как ни странно, но вроде как сработал именно этот способ насыщения «розовых» картинок магической силой, которая однажды уже помогла.

Это странно, но она это сделает! А потом снова разложит картинки перед Онорой, чтобы они вывели её из опасного сна. А если и этого будет мало, она снова раскрасит картинки, даже если для этого придётся похитить красные карандаши у детей!

Заглянув в свою комнату, перед тем как идти с посудой Оноры на кухню, Аня предупредила девочек, что какое-то время побудет внизу. Те, болтавшие обо всём на свете подряд, только покивали, милостиво отпуская её на неопределённо долгое время.

Аня вернулась в комнату Оноры с самым маленьким ножом, который только нашёлся на кухне. Она собиралась точить им красный карандаш.

... А ближе к полуночи, когда она в привычное для себя время осторожно подошла к потайной дверце на террасе и открыла её, она аж вздрогнула. В паре шагов от двери её ждал Таеган. Он нехотя улыбнулся её удивлению и негромко сказал:

— А ты не могла бы показать мне эту Онору? И рассказать подробней, что с ней стряслось?

«У нас есть час! — пронеслось в голове Ани. — Час на то, чтобы разобраться хоть в чём-то! Таеган, ты самый лучший в мире человек!»

И она тихонько повела его на второй этаж.

Огарок свечи чадил и дымил, грозя вот-вот помереть — печально истаяв в молочно-тёмную лужицу, над которой взовьётся унылый дымок.

Пока шли по коридору, пока пересекали гостиную первого этажа, пока поднимались по лестнице, Аня торопливо и заново рассказывала Таегану историю свою и Оноры — в надежде, что на этот раз он будет задавать гораздо больше уточняющих вопросов. Он и задавал. Но перед подъёмом лестницей спросил о другом:

— Почему ты не хочешь рассказать об этом, когда мы будем в её комнате?

— Терять наше время? — оглянулась она. — Ни за что!

Он догнал её на последней, верхней ступени и, крепко обняв, поцеловал. Она вдохнула его горячее дыхание и на краткие мгновения ощутила себя махоньким котёнком, спрятавшимся от невзгод огромного мира в тяжёлых и надёжных лапах боевого кота. А потом к глазам жарко прихлынули слёзы: Господи, какой же он! Плохо ему, и он же утешает — её...

Они пошли дальше по коридору, и Аня, замолчав из боязни разбудить спящих по своим комнатам обитателей дома, с горечью не могла отделаться от одной и той же мысли: «Человеку тяжело, когда он лишается привычного. Каково Таегану, который дважды лишился частиц самого себя? Сильный маг, да ещё военный — и потерял магию. А речь? Военному она как никому нужна. Мне этого даже не понять во всей полноте... Нет, он привыкнет к своему нынешнему положению, найдёт, чем заняться, но всегда будет чувствовать себя ущемлённым... — Но, вздохнув, возразила себе: — Я не слишком самонадеянно решаю за него? Пока есть надежда всё вернуть, надо действовать, а не ныть!»

Открыв дверь в комнату Оноры, она оглянулась на пройденный коридор, который словно исчезал в темноте своего начала от лестницы. Тихо и пусто. Кажется, никого не разбудили... Таеган, вошедший следом, закрыл за ними дверь и сразу направился к кровати с Онорой. Аня же побежала к небольшой нише в стене между окнами, где в керамической вазе нашлось несколько свечей. Свой огарок уже еле тлел.

Когда она с подсвечником на две свечи подошла к Таегану, тот уже сидел на самостоятельно найденном мягком стуле и всматривался в лицо Оноры, равнодушное, с запавшими веками.

— Она всегда такая?

— Нет. Когда мы с братом перенесли её сюда, она один раз открыла глаза и сказала: «Получилось». Вероятно, она имела в виду, что увидела меня здоровой.

— Покажи «розовые» картинки.

Она принесла их со столика и посветила ему. Таеган оглянулся, слабо улыбнувшись.

— Мы с тобой как знающий слепец с дилетантом зрячей. — И, став серьёзней, начал изучать рисунки, которые она успела раскрасить — все. — Я вижу обычные рисованные цветы. Кажется, их и впрямь сначала изобразили чёрным карандашом, а потом расписали красным. Что видишь ты?

— Красный цвет превратился в сияние, которое не выходит из границ чёрных линий, — быстро ответила Аня.

— Значит, ты разложила перед ней эти рисунки и увидела ещё больший свет?

— Да. Но некоторым картинкам будто не понравилось соседство с другими, и они

начали светиться, будто... будто гнилые.

— Я слышал о магах древности, которые умели создавать картинки, гармонизирующие личное пространство человека и тем самым исцеляющие его, а порой отводящие от смерти. Их, эти картинки, называли образами. Судя по всему, эта Онора знала от отца о твоих способностях и боялась, что снятие с тебя отравы от дайны Эннис может быть опасным для неё. Поэтому (я так думаю) она заранее предложила тебе создать карты, которые ей помогут в случае беды.

— Это значит — я могу помочь тебе?! — вырвалось у Ани.

Подравнивая стопку образов, Таеган нехотя улыбнулся. Подумал и спросил:

— Онора часто бывала в поместье отца? Пока тот был жив?

— Да. Она жила здесь во время каникул.

— Дин Хармон пробовал работать с вами обеими?

Аня открыла рот сказать: «Не знаю» и осеклась. Может ли такая больная, как Агни, потерять часть воспоминаний? Или... попробовать соврать так, как недавно пришлось? Наверное, он сразу заметит, что она лжёт ему... Но внезапно вспомнилось прошлая жизнь в своём мире... Он смотрел на неё и ждал ответа.

— Для меня всё, что было до болезни... — медленно сказала она, — это кошмарный, плохо запомнившийся сон...

Таеган вдруг нахмурился. Не успела она испугаться, что он заподозрил невольный обман, как он досадливо сказал:

— Видимо, дайна Эннис — очень сильный маг. Прости, что задал тот вопрос. Я по себе знаю, что значит переболеть после колдовской отравы. Итак. Многого о магах образов не знаю. Ведь уже давно в нашем государстве такие не появлялись. Поэтому помочь в этом деле не сумею. Поверхностно могу лишь предположить, что ты можешь снова разложить картинки перед Онорой — и они снова отдадут ей силу, стараясь исправить её линии и вызволить из этого положения. Сколько ты в них вкладываешь — я не вижу. Поэтому снова предположу: возможно, Онора не сможет встать на ноги сразу, но придёт в себя. Так что ты потом снова будешь раскрашивать эти образы.

— А если я нарисую другие? — встревоженно спросила Аня.

— Они будут действовать, — правильно понял её Таеган. — Жаль, не вижу я. Жаль, ты начинающая. Иначе мы видели бы тоньше. Суть. И могли бы не ориентироваться на нежелание образов быть в соседстве с теми, с кем им не надо бы. Мы могли бы их сразу расставить в нужной композиции.

— Но и твои слова — уже надежда, — задумчиво проговорила Аня, глядя на невозмутимую Онору, чьи черты в свете качающегося пламени слегка тронула грусть.

Тоже глядя на бессознательную девушку, Таеган только пожал плечами.

... Уже на берегу Аня спросила:

— А в чём разница между магом, убирающим проклятья, и магом образов? Мне кажется, это одно и то же.

— Чтобы убрать проклятье, магу надо проводить ритуалы, — ответил Таеган. — Долгие и многие. Магу образов — достаточно разложить картинки вокруг человека. Если его сила будет идеально гармонизирована, он сумеет и сам отделаться от проклятия. Правда, есть одна маленькая особенность. Картинки могут быть разными.

— Как это?

— Мастер магических образов смотрит на человека, который нуждается в его помощи, — и его карандаш произвольно рисует фигуры, которые тому человеку могут помочь. Твоей Оноре — помогают розы. Кому-то другому — например, изображение каких-то предметов. А то и вовсе какие-нибудь бессмысленные росчерки. То есть эти картинки не зря названы образами. Возможно, мастер рисует внутреннее нечто человека, сопоставимое с его линиями жизни.

Они сидели на мостках, впервые прижавшись друг к другу, более того — Таеган сам положил на Анино плечо руку и привлёк её к себе. В прохладной ночи Аня могла бы расценить его жест, как желание согреть. Но почему-то постоянно думалось о прощании. И это было странно, если учесть, что он обещал на завтрашнем вечере у дяди быть её сопровождающим. Кавалером — вроде так здесь говорят?.. Или он думает о том, сколько времени осталось на «поговорить»? Она здорово жалела, что не сумела разглядеть циферблат настенных часов в коридоре. Впрочем, признаки надвигающегося магического молчания она уже ощутила: Таеган говорил всё медленней, чаще делал паузы и чаще словно бы забывал нужные слова.

... Он даже не стал отодвигать её руку — неожиданно и мягко выскользнул из их тёплых объятий, и только едва слышный всплеск возвестил о том, что он уходит...

Она так и не привыкла к этим уходам «по-английски».

Но обычно смирялась.

Сегодня — чуть не охнула вслух, чуть не свалилась с мостков, резко подавшись следом: «Но мы даже не попробовали мой дар на тебе!»

И секундами спустя осела на месте, безнадежно ссутулившись: какое там пробовать, если сил, вложенных в картинку-образы, не хватило, чтобы пробудить Онору с первого раза! Нет, понятно, что никто не догадался разложить картинки перед дочерью дина Хармона, когда она вдруг впала в жуткое состояние. Родные просто не поняли, что произошло и как надо действовать, потому что плохо было и с Агни. Подсказать им было некому. Но когда Аня рассыпала образы перед Онорой в подвальном помещении, они всего лишь вывели её из псевдосумасшествия!..

Аня упрямо насупилась: «Ничего! Буду драться за Онору изо всех сил! Я же знаю, что на кону — судьба Таегана и всех тех людей, кто во мне будет нуждаться! Я — только начинаю! Это значит: чем больше я раскрашиваю образы, тем больше ко мне приходит опыта, а с ним — так надеюсь, и сил! Ишь, обрадовались! — неизвестно кому погрозила она кулаком, глядя на пустынную озёрную гладь. — Думаете — лапки сложу и в норку спрячусь?! Фиг вам! Большой и толстый! — И уже сама себе скомандовала: — А ты-то чё здесь расселась? Делать тебе нечего? Время только тянешь! А ну марш к Оноре! Живо!»

И, срываясь с мостков мчаться к дому, пожалела лишь, что не спросила у Таегана, какие есть универсальные способы вкладывать в предметы магическую силу. А ведь они есть, если судить по действию «ювелирки» дина Хармона. И пусть Таеган не верит в силу начинающей... Зато она верит в себя.

Потайная дверца закрылась за ней на этот раз мягко. Прежде чем бежать к Оноре, Аня обошла все входные двери и подёрнула каждую. Проверять их все она решила каждый вечер. Мало ли что придумает эта жадина — дайна Эннис! Шагая к лестнице, вдруг подумала: «А имеет ли право на дом внебрачная дочь дина Хармона? Может ли претендовать на поместье дайна Эннис, если по закону (хотя здесь неплохо бы уточнить!) на него будет иметь право Онора? А если... — Она взялась за перила и удивилась новой мысли:

— А если дайна Эннис и не подозревает об Оноре?» Мысль показалась ошеломляющей, и Аня пообещала себе подумать над ней тщательней — когда на это будет время. «А вообще — спохватилась она — есть Никас. Завтра надо спросить у него. Хоть это-то он должен знать!»

Когда она взялась за перила, чтобы быстро вбежать по ступеням на второй этаж, отталкиваясь от перил руками для скорости, под ладонью что-то скрежетнуло. Невольно остановившись, она повернула ладонь. Перстенёк на её (Агни!) худеньких пальцах часто поворачивался камешком, упираясь в ладонь. Она покачала его на пальце, собираясь вернуть камешек в привычное положение.

Спина похолодела от странного звука позади.

«Двери в дом закрыты!» — напомнила она себе, прежде чем оглянуться. И моргнула, не понимая: а дверь библиотеки продолжала раскрываться. Пока не замерла, полностью открытая. Приглашающе?

Аня неуверенно сошла с первых ступеней лестницы и приблизилась к библиотеке, продолжая машинально крутить перстенёк на пальце...

Вошла в мрачное помещение с высокими стеллажами и, заморожённая смутным светом, протянувшимся из-за двух раздавшихся книжных шкафов, прошла по световой дорожке — в ту самую таинственную комнатку, куда до сих пор попасть не могла. Впрочем, и сейчас ей пришлось протиснуться боком между двумя этими стеллажами, а потом в испуге оглянуться: а если сейчас они снова встанут на своё место?! Как её тогда выбраться отсюда?

Но стеллажи стояли величественными стенами и не собирались двигаться.

Аня подняла к глазам руку с перстеньком.

— Вот, значит, как... — прошептала она, наконец сообразив связь между кручением перстенька на пальце — и открывшимися стеллажами.

В самой середине импровизированной комнатки стоял стол и стул. Стол махонький — такой, что на нём умещались лишь чернильница, деревянная ручка с металлическим пером — Аня уже видела такие в своей комнате — и солидный фолиант в солидной обложке. Шаг к столу (больше и не получилось бы), и Аня захлопала глазами на единственное слово на обложке толстого фолианта. «Агни». Это книга об Агни — о ком-то, у кого имя совпадало с прошлой хозяйкой её тела? Или...

Аня раскрыла книжицу на форзаце — и сообразила: это рукописная книга. Ну, или просто солидная тетрадь. Строки от руки не всегда были строго прямыми, довольно часто съезжали или заезжали на верхние — видимо, пишущий порой торопился записать то, что было необходимо... Аня осторожно открыла фолиант, прихватив несколько страниц, чтобы, читая с середины, составить себе представление, о чём она.

Глаза немедленно сощурились на имя Агни, а потом Аня привычно по слогам прочитала пару строк: «Если я буду и далее так жёстко работать с женой, через год-другой она сумеет укрепить свой талант. Следовательно, мы сумеем работать на пару, а ещё через пару лет я смогу представить её во дворце. Будучи единственным магом в своей специализации — я уверен, — она займёт подобающее своему таланту высокое место. Под моим руководством, конечно».

Вот как... Дневник, судя по всему. Дневник учителя магии.

Аня медленно и осторожно закрыла фолиант, погладила обложку.

Неудивительно, что дин Хармон женился на Агни, едва только увидев её рисунки. Если он был сильным магом, он, наверное, сразу разглядел в её рисунках магию образов. И решил единолично завладеть уникальным даром.

Ну и ну... Аня покачала головой, а потом пожалала плечами. В духе любых людей, завладевших несметным богатством. А в том, что Агни тогда представляла собой именно богатейший клад, теперь сомневаться не приходилось.

Решительно сграбастав фолиант со стола и прижав его к груди, Аня шагнула к выходу. И получила личный «фигвам»! Края стеллажей резко сдвинулись, закрыв вертикальную брешь между ними. Аня отшатнулась и, бедром налетев на край стола, сквозь зубы зашипела от боли.

— О как... — прошептала она, ужаснувшись мысли: а если бы она уже была между ними?! Раздавили бы?! А если бы уже ногу сунула?!

Снова шагнула к недавнему проёму, потрогала края стеллажей. Потом подняла голову: может, доверху долезть, а потом и перелезть эти шкафы... Сама себе покачала головой. Фигушки... Эти стеллажи что-нибудь ещё придумают.

Она повернулась к столу, положила книжищу и решительно шагнула к бывшему проёму, собираясь налечь изо всех сил хотя бы на один стеллаж и оттолкнуть его в сторону. И чуть не упала, когда стеллажи, ворчливо проскрипев, разошлись сами.

— Вот ни фига себе... — пробормотала она и оглянулась.

Фолиант невинно лежал на столе.

Кажется, дин Хармон решил во что бы то ни стало сохранить тайну Агни. А как это можно сделать? Что-то магическое связывало движение стеллажей и его дневниковую книгу. Значит, если возьмёшь со стола фолиант — догадалась Аня — никакой перстенёк не поможет отсюда выбраться.

Обозлилась. Получается, придётся тратить драгоценное ночное время ещё и на чтение книги прямо здесь?.. Сердито посопела и вздохнула. Придётся.

Погладила книгу по обложке и шагнула на волю. А потом и вовсе из библиотеки. Стоя в коридоре, перстенёк повернула камешком наверх — и сначала сомкнулись стеллажи, а затем плотно, со щелчком встала на место дверь. Вот как... Даже необязательно какие-то узоры городить сиянием своей «ювелирки»? Запомним.

До сих пор ноги подрагивали от страха, что стеллажи могли её раздавить... Аня вбежала на второй этаж и, не останавливаясь у двери в свою комнату, прошла к Оноре.

Девушка лежала так же неподвижно, какой её видела Аня перед тем, как уйти на озеро. Так что Аня подошла к столу, на котором оставила карты-образы, и забрала картинки. Прежде чем положить их на пол, огляделась. На этот раз сила образов пойдёт на Онору не напрямую, как это было в подвале, а сбоку. А если не получится?

Аня скептически к себе хмыкнула.

— И что? — прошептала она одними губами. — Попробуем по-другому. В конце концов, я достаточно окрепла, чтобы стащить её с постели и усадить на стул. А если не получится — верну в постель.

И присела на корточки, расставляя картинки-образы и размышляя о том, что не надо бы афишировать своё умение — то бишь магический дар мастера образов. Ухмыльнулась: ей понравилось её нынешнее звание. А вот интересно... Это в продолжение мысли о скрытности дина Хармона... Он-то афишировал Онору? Или помалкивал о внебрачной дочери. Любопытно, как здесь с отношением к таким детям...

Картинки разложены. Аня встала и отошла к входной двери — присмотреться, как и что будет происходить.

Хмыкнула. На этот раз образы начали светиться намного раньше и быстрее. Не оттого

ли, что Аня уже второй раз их использует? Наверное, работа с образами похожа на тренировки: чем больше делаешь одно важное, но трудное движение, тем легче оно получается... Так, одна картинка начала тлеть болотно-зелёным. Другая — с краю второго ряда — закоричневела. Аня прошлась вокруг разложенных образов и переставила картинки — так, чтобы они сияли одним цветом — жизнерадостным алым. Размышляя об Оноре, она вдруг подумала, что девушка внутренне очень хороший человек. Не зря Агни рисовала цветы, глядя на неё.

Больше «ругающихся» картинок не оказалось, и Аня встала у кровати, у изголовья, присматриваясь к Оноре... Картинки заалели, но потянутся ли к девушке?

Алый свет мягко заструился к потолку, а потом так же мягко, волной, обвеял Онору... Аня насторожённо ждала, что будет, после того как нематериальная завеса над Онорой пропадёт. А ничего особенного и не было. Онора внезапно перевернулась набок, подложила под щёку ладони — и со вздохом засопела.

Округлив глаза: она что — заснула по-настоящему? — Аня даже склонилась над ней, чтобы удостовериться, что глаза её не обманывают. Онора спала!

— А мне теперь что делать? — с недоумением прошептала Аня, глядя на гаснущие алые огни. Шагнула к картинкам и собрала их — чёрно-белые, как и ожидалось.

Некоторое время она топталась на месте. Остаться рядом с Онорой, чтобы утром сразу поговорить с ней, — или идти спать? Не испугается ли девушка, проснувшись завтра в незнакомом для неё месте? Да и... Проснётся ли? Сомнения всё ещё оставались.

«Ничего, — мрачно подумала Аня. — Не проснётся — я и завтра ей подложу эти картинки... Ой, завтра... Завтра мне на вечер — тоже придумали! А деваться некуда. Придётся идти...» Она снова взглянула на Онору и тихонько вышла.

До рассвета, когда она собиралась проснуться, чтобы прибраться на кухне и приготовить продукты для ужина (сегодня на завтрак старушки служанки должны были сварить привычную кашу), а потом заняться «амуницией» для светского вечера, оставалось три с половиной часа. Неся в воображении вид настенных часов, Аня вошла к себе в комнату. Села на кровать. «Хватит ли мне времени, чтобы выспаться? Или придётся прихватить кусочек после обеда? — задалась она насущным вопросом и вздохнула: — Я даже не знаю, есть ли у Агни туфли... Оденусь в чёрное. Универсально и элегантно. Всегда и везде подойдёт».

Но, едва только решила вопрос о наряде, как тут же задумалась. Чёрное чёрным, но тело Агни до сих пор... мягко говоря, тощее. Так что... в любом случае, найдёт ли она чёрное платье, или возьмёт цветное, придётся его ушивать.

Аня поколебалась и встала с кровати, чтобы войти в гардеробную. Запалив свечи канделябра, она обошла вешалки и стены с крючьями, на которых висели явно тёплые вещи. Нашла ряд с платьями. Обратила внимание, что на каждой довольно громоздкой вешалке висит не только платье, но и ещё какие-то вещички. Аксессуары к платью?

Потерев глаза ладонями, Аня поморщилась и отчаянно вышла из гардеробной.

Надо выспаться. Потом, при дневном свете, многие проблемы покажутся милым пустячком. А пока — спать, спать!

Она сдёрнула с кровати покрывало — и новая морозная волна по спине: на кровати кто-то спал! Суматошно схватила со стола свечу, которую не успела затушить. И фыркнула, всё ещё чувствуя покалывающие мурашки по всему телу. Интересно, Лисса забыла куклу — или специально подложила Ане? Скорей всего, умаявшись за день, малышка забыла свою Тили

на кровати Ани. А та и завалилась ближе к стене, чуть не спрятавшись под покрывалом.

Аня взяла куклу и посадила её за рабочий столик, на котором громоздились тряпки для будущей Тильды. Фукнула на свечу и сама свалилась на постель, уже держа перед мысленным взглядом те же настенные часы, но со стрелкой хотя бы стоящей вертикально. Пусть, пусть она проснётся в шесть, а не в половине пятого, как собиралась!

Засыпая, она думала о странных вещах.

Ботинки Никаса. Одежда мальчиков. Штанишки для Кристал. Слава Богу, деньги для Оноры, кажется, не потребуются... Вот что странно. Пока не было денег, жили спокойно и ни о чём не жалели. Всё необходимое для жизни было. А появились деньги — и появились дыры в хозяйстве и в делах. Дыры, требующие немедленно их заткнуть...

Аня слабо улыбнулась. Что свой мир — что здешний, всё едино по некоторым параметрам. И уснула, качаясь на озёрных волнах рядом с Таеганом, который неспешно плыл рядом — нет, чуть впереди, но постоянно оглядывался на неё. И она во сне знала, что оглядывается он не просто так, а будучи готовым всегда поддержать, если у неё вдруг не хватит сил доплыть до берега.

Она злилась на этот вечер — и у неё дыхание перехватывало, когда она думала об обещании Таегана быть там рядом с ней.

И через полчаса после пробуждения Аня сообразила, что вдохновенная беготня по огородику Кристал, деловитые метания по кухне и по кухонному чуланчику, торопливое шныряние по гардеробной — всё это лишь благодаря тому, что она внезапно решила: всё будет хорошо! И Никас рядом с ней будет в отличном прикиде, и Таеган удивит всех, не отходя ни на минуту от неё!..

Снова вспомнив, она ринулась по коридору в комнату Оноры. Остальные досматривали последние сны, но Аня боялась, что девушка проснётся напуганной.

Для приличия еле слышно стукнув в дверь, она неожиданно для себя услышала:

— Войдите.

И вошла.

Онора сидела на кровати так, как будто ждала её. Закутавшись в одеяло, прижав к себе колени, она смотрела и в самом деле боязливо. И тут Аня чуть не хлопнула себя по лбу. Одежда-то на девушке только для сна!

— Я сейчас принесу тебе одежду, — быстро сказала она.

— А почему я сплю здесь, а не в своей комнате? — в спину спросила встревоженная Онора. — У меня вся одежда там.

Пришлось обернуться. И тут Аня чуть не ляпнула: «Мне Никас ничего не говорил про комнату и про одежду!» Вовремя удержалась и вмиг сообразила:

— Мы решили, что ты должна быть ближе к нам — так удобней ухаживать за тобой, пока ты... — И замолчала, не зная, какими словами описать недавнее состояние девушки.

— Мы?.. — робко спросила Онора.

— Ну да. Никас и я.

Неловкое молчание в комнате повисло где-то на минуту, пока они вглядывались друг в друга.

— Ближе к вам... — задумчиво повторила Онора. — То есть теперь не гнушаетесь моим присутствием здесь?

«Чёрт, Никас! Почему ты ничего мне не сказал о положении Оноры в этом доме?! —

обозлилась Аня, а потом вздохнула: — А ты у него и не спрашивала». Собравшись с силами и воображением на последующее враньё, Аня высказалась:

— Онора, я тоже недавно пришла в себя — и ничего не помню из того, что было до моей болезни. Никас мне ничего не сказал. Но он не возражал перенести тебя сюда. Так что... Давай я тебе принесу одежду, а ты потом сходишь в свою комнату и — либо останешься там, либо мы поможем тебе перенести твои вещи сюда.

— Вы разрешаете мне жить рядом с вами? — пролепетала Онора.

Глядя на неё, Аня вспомнила «страшную ведьму» и приподняла брови. Оглянулась на входную дверь и, подойдя к кровати, простежки села на краешек.

— Онора, я ничего не помню, — чётко и медленно сказала она. — Объясни мне, почему тебе нельзя жить с нами?

— Ну, я... — жалко забормотала девушка. — Отец ведь... ты же знаешь...

Ох, как Аня пожалела, что не успела поговорить с Никасом!

Тот как будто дожидался, пока его вспомнят!

Стук в дверь заставил Онору пискнуть и спрятаться под одеяло.

Дверь неуверенно открылась, и в комнату заглянул Никас.

— Я тебя везде ищу... — начал он и осёкся, глядя на кровать. — Онора пришла в себя?

Пришлось потратить время на то, чтобы Никас объяснил положение девушки в доме. Как выяснила Аня, внебрачных детей в государстве не очень любили. Мало того — существовала такая система, как передача внебрачных в приюты, из которых господа и маги забирали потом подростков для обслуги. Маги, естественно, брали таких, у которых были задатки магических талантов, а потом нещадно эксплуатировали эти таланты себе во благо. Место Оноры в этом доме уже при отце было определено: он не отдавал дочь в приют, одевал-обувал, тратил деньги на её учителей и на последующую учёбу, но не признавал равной как себе, так и молодой жене. Вбив в дочь слепое преклонение перед господами, он с самого начала её жизни поместил Онору в комнатку рядом с комнаткой, которая сейчас служила жильём для Сайл и Бридин.

И на втором этаже Онора появляться боялась до ужаса.

Аня с недоверием смотрела на девушку. Обнаружить внутри «страшной ведьмы» несчастное, унижаемое и униженное существо она точно не ожидала.

— Так, Никас, — сказала она, вставая с кровати Оноры. — Ты выйди, а мы тут дальше сами. Думаю, Кристал мне покажет, где твоя комната, Онора, и мы для начала принесём тебе одежду, а уж потом...

— Я принесу, — сказал Никас, доброжелательно глядя на Онору. — Кристал мне соберёт всё, что нужно, а я принесу. Слышите? Она уже встала.

— Думаешь, она сумеет найти то, что сейчас Оноре необходимо? — засомневалась Аня и обратилась к девушке: — В чём ты любила ходить? Скажи — мы принесём.

В черед заикающегося лепета Аня уловила слова «штаны и блуза» и кивнула:

— Никас, попроси Кристал найти штаны и блузу к ним. Ну, и пусть обувь посмотрит. А мы пока побеседуем с Онорой.

Закрывая за собой дверь, Никас снова обернулся к Оноре, та ответила робким вопрошающим взглядом, но дверь за ним закрылась. «Так, — вздохнула Аня. — Эти двое за время её пребывания здесь успели стакнуться? Или я придумала для них взаимную симпатию на волне моей собственной эйфории?»

Неожиданно оказалось, что в постепенно растущем хозяйстве Ани — по мере освоения, конечно, Онора заняла довольно значительное место. Хотя бы потому, что девушку пришлось не только вписывать в реальную жизнь после её полуторамесячного бредового сна, но и защищать даже от собственных родных — в смысле, родных Агни.

Даже... Даже от старушек Сайл и Бридин! Вот уж от кого — кого, а от них Аня такого не ожидала!.. Те, как слышали, что за стол с господами сядет внебрачная дочь дина Хармона, так злобно зашипели, что Ане пришлось звонко шлёпнуть ладонью по кухонному столу, обрывая их чуть не гусиный шип. Изумлённая и разгневанная (она-то заглянула на кухню, чтобы предупредить: в столовой на завтрак нужен ещё один столовый прибор), она, по личным впечатлениям, рявкнула на них:

— Эт-то ещё что такое?! Я — велела, вам — выполнять! А не лишние разговорчики разговаривать!

Бабульки (она их уже не могла называть про себя «старушками»: слишком уж слово аристократичное для этих внезапно... гусынь!) моментально струхнули и заспешили выполнить её приказ.

А потом, когда осознала, что с ней самой происходит, возмутилась до глубины души! А когда поняла, что именно её возмутило, очень хотелось рассмеяться — в голос, неприлично громко!

Господи, какая глупость!.. Она так привыкла здесь ходить чуть ли не по струнке, с оглядкой, что необходимо вести себя хозяйкой большого поместья — какой-никакой, но аристократкой! Говорить спокойно, удерживаясь от жгучих матерных словечек (уж неизвестно, как бы они тут на здешний язык перевелись, но ведь мат он везде мат!), которых нахваталась, работая на вахте. В общем, чувствовала себя обедневшей, но достойной дамой. А стоило «появиться» Оноре, вышедшей из магической слабости, и Ане захотелось чуть не материться. И не общаться, а командовать!

Там, в своём мире, в родительском доме-то, она была тихая и послушная — то ли из уважения, то из страха перед неродными, как выяснилось, родителями. Но на стройках или в составе ремонтных бригад, чувствуя себя свободной и среди своих, могла сказануть что похлеще, да и вести себя наравне со всеми.

Вот это и возмутило. И рассмешило. Она-то тут уже чуть не в аристократку превратилась, а эти две глуховатые и подслеповатые клуши, оставленные в доме из милости, смеют фыркать на дочь умершего хозяина дома, заставляя Аню вспоминать вахтовое прошлое!! Ну и — внебрачная? Что с того?

Но даже понимание что смешно и глупо возмущаться законами чужой земли, не спасало от кипения... Когда Сайл и Бридин, оторопев поначалу при виде хозяйки дома, рассерженной их поведением, сбежали от неё в комнатушку, Аня вроде успокоилась.

Знала бы, что ожидало её в столовой зале, пока шла к ней с тарелкой для Оноры!

Вошла и обнаружила, что за столом сидят все, кроме запаздывающего к завтраку Никаса, и вот эти-то все... Онора, видимо чувствуя отторжение семьи, села на самый конец стола, и всё же братья, двойняшки, пренебрежительно кривились, то и дело косясь на девушку, а Кристал сидела, чопорно выпрямив спину, и странными, ломкими движениями, словно за ней наблюдала толпа аристократов, жутко элегантно ела поданную кашу. Одна

Лисса завтракала с удовольствием, лишь изредка с удивлением поглядывая в конец длинного стола.

Раздувая ноздри, стараясь удержаться в привычных рамках и не взорваться: оборванцы, блин! Из грязи в голозадые князи — и уже надменные снобы! — Аня решительно прошла к своему месту прихватить и свою тарелку с кашей — и, сев в самом конце стола, присоединилась к Оноре. Та, не поднимая глаз, пролепетала благодарность за принесённую кашу и уткнулась в тарелку, съёжившись от желания стать невидимкой. Но, когда Аня уселась рядом, уставилась на неё с испугом.

— Поговорить нужно, — деловито и вполголоса, чтобы не услышали остальные (не хотите принимать — не фиг слушать!). — Онора, ты училась в академии. Что ты изучала?

— Общую магию, — прошелестела девушка.

— Так я и думала, — кивнув, пробормотала Аня. — А снятию проклятий тебя учил дин Хармон?

— Да. Только про это... — шелест стал почти шорохом, — почти никто не знал.

— Кроме меня и Никаса?

— Да.

Никас будто услышал своё имя. Вошёл в столовую залу — лицо озабоченное, глаза сразу прикипели к той части стола, где завтракали младшие братья и сестрёнка. Аню сразу не увидел, поэтому даже шаг замедлил в замешательстве. А та, замолчавшая, с интересом наблюдала за ним. Теперь явление Оноры стало идеальной «проверкой на вшивость». И для неё, Ани, самой: так ли она разбирается в людях? И для Никаса: точно ли он иначе отнесётся к Оноре? А бедная девушка проследила взгляд Ани до входной двери и снова ссутулилась над столом: «Я маленькая, не надо меня замечать!»

Нашёл. Нисколько не сомневаясь, взял со стола свою тарелку и присоединился к девушкам, усевшись напротив Оноры.

— Секретничаете? — улыбнулся он, торопливо забрасывая в рот кашу: боялся опоздать на работу.

— Есть немного, — злорадно усмехнулась Аня и добавила, чуть не мурлыкая: — Думаю я вот: не удочерить ли мне Онору?

Ложка брата с последней, собранной с тарелки кашей повисла в воздухе. Никас смотрел на неё так, словно каша куда-то резко испарилась — и он поверить не может, что перед ним всего лишь пустая ложка. Невкусная... Смотрел и думал — Аня это ясно видела.

Онора сначала не поняла. Она тоже деликатно, чтобы не звякать и не мешать едокам, набрала сероватой жижи, чуть поблёскивающей подтаявшим маслом. Дошло. Оцепенела, оглушённо глядя на Аню.

— Не надо, — спокойно прервал собственное молчание Никас.

Но Аня мгновенной злости в себе, как недавно со старушками, не ощутила. В его ответе звучали интонации, подсказывающие, что есть иной выход из ситуации. Из ситуации, в которой Онора является изгоем в здешнем обществе из-за своего положения внебрачной.

А когда Никас исподлобья глянул на другой конец стола, Аня снова усмехнулась: он понял, почему она вдруг подумала об удочерении Оноры. А ещё она сообразила, что в этом мире удочерение-усыновление возможно. Но почему этого не сделал дин Хармон?

Мельком вспомнились слова Никаса о том, что мастер снятия проклятий был слишком падок на деньги. Значит ли это, что о даре Оноры снимать проклятия никто не знает? Что дин Хармон готовил дочь к роли покорной помощницы, которой даже необязательно

платить за работу и тратить за её содержание гроши? Хм... Интересно, есть ли в этом мире, кроме магической школы, высшее магическое заведение?

А ещё... Сама не заметив, Аня замерла взглядом на своей тарелке с остывающей кашей, не видя её... Что-то очень знакомое в судьбе Оноры. Близкое к ситуации самой Ани. Её — сироты, взятой на удочерение ради благосостояния семьи.

Занятая бесконечной работой с тех пор, как попала сюда, Аня не вспоминала о прошлом, которое и в самом деле теперь казалось кошмарным сном. Но сейчас до содрогнувшихся плеч прочувствовала брошенное ей, как она тогда ещё думала — родной сестрой — слово «сиротка».

Всю жизнь она считала, что к ней плохо относятся, потому что в семьях всегда есть любимчики — и не очень. Она, повзрослев, даже придумала для себя сказку: отец не любил её, потому что первым ждал мальчика, сына. Она столько об этом читала! Потому оправдывала и мать: наверное, она из-за рождения девочки чувствовала себя перед отцом виноватой, а потому невольно срывалась на Ане... Чего только ни придумает ребёнок, чтобы выгородить не любящих его родителей...

— ... Агни! — услышала она и очнулась от воспоминаний.

— Слушаю тебя, Никас, — спокойно сказала она.

— Я спросил, подождёшь ли ты с задуманным удочерением Оноры?

— Подожду. Но, Никас... Мне бы не хотелось, чтобы в этом ожидании пострадало... — Начала-то она строго, но запнулась, не зная, как точнее назвать то чувство, что сейчас девушка испытывала. — Пострадало достоинство дайны Оноры, — выкрутилась она.

Официальным именем она назвала Онору специально.

Но ответ Никаса на это предупреждение был неожиданным для всех. Он отодвинул от края опустевшую тарелку, встал из-за стола и обошёл его край. Замер возле сидящей Оноры. Аня заметила, что ему очень хочется взглянуть на младших, но он удержался. Онора смотрела на него снизу вверх, с робкой выжидательностью. А Никас взял её безвольную от растерянности руку, коротко погладил ладонь, а потом склонился над ней и поцеловал вздрогнувшие пальцы.

Затем выпрямился, учтиво кивнул остолбеневшей Оноре и зашагал к двери, на ходу бросив братьям:

— Мы не опаздываем?

Дверь за ним глухо хлопнула.

Двойняшки и Кристал, совершенно опешившие, открыв рты, таращились на Онору и на абсолютно спокойную Аню — она лишь чуть приподняла уголок губ в еле заметной усмешке. Если она поняла эту секундную сценку правильно, Никас заявил свои права на Онору. Вот только... Как на невесту? Или?..

Двойняшки с грохотом отодвинули свои стулья от стола и, пробормотав: «Спасибо!», побежали из столовой. На месте остались Кристал и Лисса. Малышка забалтывала девочку звонким рассказом о вещичках, которые желала бы иметь её кукла. Потом ей надоело отсутствие реакции Кристал на её рассказ, и Лисса решительно спрыгнула со стула и подбежала к Оноре. «Страшную ведьму» из подвала, которой малышка пугала Аню, Лисса не узнала. Для неё это был просто новый человек в доме (или не совсем новый, но долго отсутствовавший), которому так много надо рассказать! Через секунды её голосишко зазвенел с большим энтузиазмом, ведь нашлась слушательница, которая ничего не знала о домашних делах: удивлённая Онора с любопытством слушала про её куклу и порой задавала

вопросы.

Аня посмотрела на расстроенную Кристал, оставшуюся в одиночестве, поймала её взгляд и кивнула. Девочка посидела, посидела — встала и подошла. Села на свободный стул, зажатая из-за странного для себя положения и сердитая.

Лисса как раз закончила говорить, так что Аня легко вставила в паузу:

— Так, девочки, надо поговорить.

— О чём? — немедленно спросила малышка.

— Обо всём понемножку, — улыбнулась Аня. — В первую очередь, хочу напомнить, что я чуть не умерла из-за отравы дайны Эннис. И спасла меня Онора. Если бы не ты, Онора что бы сейчас было с моими братьями и сёстрами? Глупый вопрос. Их бы просто-напросто выгнали из этого дома. — Договаривая, Аня спокойно смотрела на Кристал. Та хмурилась в противоречивых чувствах. — Поэтому, Онора, я тебе глубоко благодарна за свою возвращённую жизнь и за то, что моя семья осталась в этом доме. Не будь тебя, им всем было бы очень плохо.

Щёки Оноры так пылали, словно Аня не хвалила её, а ругала.

Аня взглянула на Кристал.

— Я сама чувствую, как изменилась после болезни. Наверное, это потому, что я поняла: всё глупость — в сравнении с жизнью и смертью. Глупость, что есть люди, которых мы ставим ниже себя, хотя они умней и лучше нас. Перед смертью и жизнью глупость всё, что для себя придумывают люди, общаясь между собой. Богатые и бедные, низшие и высшие — всё глупо. Когда это понимаешь, начинаешь смотреть на всех иначе.

— Поэтому ты начала шить кукол и варить на кухне? — спросила Лисса.

— Конечно, — откликнулась Аня. — Мне нравится. И теперь даже смешно: а если бы я этого не делала, я бы не знала, что такое дело может быть мне по душе.

— И зачем ты всё это говоришь? — хмуро спросила Кристал.

— Жизнь интересна. И люди в ней интересные. Вот сидим мы сейчас вчетвером. Я вернулась с того света. Онора вышла из своего сна. Ты, Кристал, балансировала на грани бедности и нищеты и боялась, что вас, тебя и братьев, могут выгнать из этого дома, случись со мной беда. Лисса появилась неведомо откуда — вроде бы ничего особенного, но благодаря ей, мы начала выбираться из нищеты, потому что для неё мне захотелось придумать куклу. А она эту куклу взяла с собой на рынок — и так в доме появились деньги. Девочки, я верю в предопределённость. Мы все здесь не зря. Поэтому нам надо общаться так, словно мы все родные. А ведь так оно и есть. Понимаете, нам некогда злиться друг на друга. Некогда смотреть друг на друга сверху вниз. Нам надо укрепляться и укреплять свой дом. Кристал, у нас появился заработок, так почему бы его не увеличить, ведь у нас появилась Онора — помощница?

— Но Онора... — забормотала Кристал, жалко глядя в пол.

Аня посмотрела на неё и негромко, но жёстко велела:

— Перечисли самые плохие качества Оноры, которые тебе могут помешать в общении с ней!

Кристал надулась, жалобно кривя губы.

— Хорошо, — всё так же жёстко сказала Аня. — Тогда перечисли всё то, из-за чего Онора мешает всем в этом доме. Молчишь? А я тебе скажу вот что. Онора — очень полезный в нашем доме человек. Она сейчас слаба, но через неделю будет помогать нам на огороде. Уже сейчас она может помочь нам с куклами, выполняя какие-нибудь лёгкие работы. А ведь

самое главное, Кристал, в том, что Онора — самый полезный человек именно для тебя!

Вот тут-то обе подняли головы и уставились сначала друг на друга, а потом на Аню. Ты снисходительно улыбнулась.

— Вы так сильно упёрлись в отношения между вами, что забыли: Онора закончила магическую школу-академию, а ты, Кристал, не можешь поступить в неё! А ведь когда Онора полностью окрепнет, она сможет учить тебя всему. Даже по учебникам братьев.

Кристал открыла рот, растерянно глядя то на Аню, то на Онору, тоже хлопавшую глазами на откровения, которых пока не совсем понимала.

Но Аня не закончила:

— И вот тебе, Кристал, задачка: сумеешь ли ты быть хорошей ученицей (девочка торопливо закивала), если плохо относишься к учителю? Сумеешь ли ты понять её уроки, её объяснения, если будешь смотреть на неё сверху вниз? Нет уж, дамы. Для начала вам придётся подружиться!

У Ани горло пересохло от долгих философских и логических заключений, с которыми она знакомила Кристал и Онору. И даже чувствовала какую-то пустоту — при мысли: а если вся эта возвышенная болтовня — псу под хвост? Если Кристал не сумеет перешагнуть барьер здешних представлений о внебрачных детях?..

Она так увлеклась нравоучительной беседой и собственными мыслями, что не сразу сообразила: братья уже запрягли лошадь Смородинку в ландо и, по негласным традициям, ждут Аню, чтобы она их проводила.

Торопливо, но без суеты она встала, взяла за руку Лиссу и, оставив Кристал и Онору за столом (хмыкнула — переговоров?), поспешила на крыльцо.

В ландо уже сидели мальчики. Это Никас снова где-то замешкался и появился на крыльце минутой позже Ани. Напольные часы она уже видела, так что остановила брата и быстро спросила:

— Что ты придумал, чтобы помочь Оноре?

Он вдруг смутился и замялся, глядя на Лиссу, но та радостно подпрыгивала, держась за руку Ани, и махала Греди и Кегану, которые тоже громко прощались с малышкой. И Никас вполголоса признался нехотя:

— Я женюсь на ней.

На ошарашенность Ани и её вытянувшееся лицо брат откликнулся уже раздражённым:

— Агни, уж именно ты-то должна понимать, что с девушкой будет, если о её даре узнают в королевстве!.. Всё, мы поехали! Опаздываем же!

— Счастливого пути! — машинально пожелала она, совершенно сбита с толку.

При чём тут королевство?!

И лишь когда ландо свернуло, объезжая куст, и пропало близко к воротам, она догадалась, что имел в виду брат. Маги-мастера, снимающие проклятия, в королевстве есть. Но, в отличие от других магических специалистов, снимающих мало. Что значит — имеют огромную ценность. Если правительство узнает об Оноре... О сироте, имеющей редкий дар. О внебрачном ребёнке — будем говорить прямо... Аня прижала к губам ладонь. Точно она даже представить себе не могла, какой будет судьба Оноры, но что ей хорошей жизни не будет — и гадать не надо.

Но после всплеска страха за Онору Аня задумалась. Она шла, ведя рядом с собой болтающую Лиссу, и вспоминала: сначала Никас целый месяц ухаживал, как мог, за Онорой, спрятав её в подвале; затем были почти две недели, когда девушку перенесли на второй этаж.

В последние дни Никас почти не участвовал в уходе за Онорой, но заглядывал к ней в комнату каждый день. Радел бы он за девушку, если бы она ему полностью была чужой? Следовательно... Аня вздохнула. Либо он влюбился, когда она приехала в поместье. Либо прикипел к ней, пока ухаживал за ней и видел за маской «страшной ведьмы» нежную, пугливую и попавшую в беду девушку.

Примерившись по времени и сезону, Аня рассчитала и сообразила, что Онора закончила магическую школу и вернулась в поместье на каникулы. Неизвестно, как приняла её Агни, но то, что девушка близко к сердцу приняла колдовское отравление новой хозяйки поместья, видно было невооружённым глазом. Значит, та Агни была благосклонна к ней. Или же Онора испугалась, что, оставшись в одиночестве, она будет, как минимум, более уязвима в государстве... И поэтому... Не вполне опытная, Онора принялась за выполнение ритуала, снимающего отраву. В результате, судя по всему, слишком слабая Агни умерла. А Аня заняла её место. Трагический просчёт Оноры, её вина в том — если прямо говорить. Но что девушка могла? На её глазах умирала не просто новая хозяйка дома, в котором сирота выросла. Умирала её надежда...

Девочки нашлись в гостиной. Сидели далеко друг от друга. Лисса покрутила головой и побежала к Оноре — к человеку, который пока ещё плохо знал о том, что произошло интересного в этом доме.

Но Аня покачала головой и скомандовала:

— Идём ко мне в комнату! Дел много, а времени мало!

Кристал шустро вскочила с кресла. Поднимались по лестнице так: впереди — Аня с девочкой, за ними — Онора с Лиссой... У себя усадила всех вокруг рабочего столика, благо три его стороны были свободны. Лиссу планировала посадить к себе на колени, но малышка заявила, что куклы, Тили и Астор, сегодня ещё не беседовали, и уселась на кровать. Аня же улыбнулась девочкам за её столиком, которые напряжённо смотрели на неё (впрочем, Онора с не меньшим любопытством и даже восторгом посматривала на «болтающих» кукол), потому что боялись смотреть друг на друга. Улыбнулась и сказала:

— Для Оноры многое в этом доме сейчас внове. Но нам нужна ещё одна пара рук, а иногда — ещё одна голова. Онора, как ты себя чувствуешь?

— Я готова сделать всё, что вы скажете, — прошептала та.

А Кристал только покосилась на неё. Но и этого было достаточно, чтобы Аня внутренне вспыхнула, но сумела найти силы обуздать порыв — отчитать девочку.

— Наш день проходит так: мы убираемся по дому и на кухне (Кристал вскинула на неё глаза и покраснела: убиралась на кухне только сама Аня), работаем на огороде и шьём кукол. Да, Онора, ты не ослышалась, мы шьём кукол, за которые нам уже неплохо заплатили. Сегодня работы будет мало, потому что меня надо будет собрать на званый вечер. Работать по дому и на огороде ты пока не будешь. Слишком слаба. Онора, а ты умеешь шить?

— Умею! — обрадовалась девушка. — Я чинила одежду до... — она запнулась.

— Хорошо. Мы оставим тебе готовую куклу и выкройки для новой. Начнёшь шить — я покажу, как. А мы с Кристал сбегает на огород и посмотрим, как там наши посадки. Лисса, ты с нами или как?

Малышка усадила кукол на кровати, подперев их подушкой, чтобы не повалились в сторону, и побежала «с нами». Аня быстро показала заинтересованной Оноре, что именно нужно сделать, и вышла. Закрывая дверь, она мельком увидела: Онора встала и подняла за подмышки оставленную ей для образца куклу, открыв по-детски рот, разглядывала её...

Спускаясь по лестнице, Аня грустно подумала: «Ладно — меня сослали к бабушке, хоть и неродной. У меня в деревне хоть своя компания для игр была... А было ли детство у неё?»

— Она мне не нравится, — хмуро сказала Кристал, когда они все вышли на террасу и Лисса помчалась вперёд, раскинув руки, словно крылья.

— Чем? — спокойно спросила Аня.

— Она какая-то... как будто собачка бездомная! — выпалила девочка. — Как приехала из своей школы, так всё время как будто на лапках стоит и подвывает!

Аня скептически посмотрела на неё.

— Кристал, а давай я на тебя постоянно орать буду? — предложила она. — Злиться на тебя, если мне что-то не понравится. Например, сделаешь что-то не так. Или скажешь что-то не то. Буду заставлять тебя ходить в серых или чёрных платьях до упора, чтобы сама чинила их и чтобы носила до такого состояния, что даже мне было бы стыдно за тебя в этих лохмотьях. А ещё — требовать, чтобы ты выходила из своей комнаты только тогда, когда я разрешу. Увижу — играешь, отругаю. Увижу — читаешь, отругаю.

Некоторое время Кристал сосредоточенно смотрела на грядку с помидорами, явно переваривая предложенную информацию.

— Думаешь — она поэтому такая?

— Взгляни на себя, — посоветовала Аня. — Помнишь, как ты ходила в платье, которое тебе было велико? И? Как тебе ходится в платье, ушитом по размеру? В первом ты была неуклюжей, потому что стеснялась его. В этом — ты свободно бегаешь, потому что нравишься в нём сама себе.

— Ты тоже изменилась, — вздохнула Кристал. — Раньше ты не любила штанов...

— Я узнала, что такое страшная болезнь, — сказала Аня, вспоминая свою жизнь в покинутом мире. — И мне, вернувшейся, захотелось жить полной жизнью. Помнишь, какая я была слабая, когда начала выздоравливать? В платье много не поработаешь, хотя... Но мне хотелось бегать — и штаны были лучшим из вариантов. То же самое я сейчас вижу в Оноре. Ей хочется жить, потому что она знает, что такое близость к смерти.

— Ты думаешь — она изменится?

— Конечно! — даже удивилась Аня, подставляя лицо солнцу и жмурясь сквозь веки на ослепительное тепло. — Как же ей не измениться, если она тебя начнёт учить магии?

— Она изменится, потому что будет учить меня магии?! — переспросила девочка. И помотала головой. — Не понимаю.

Аня спрятала невольную улыбку, нагнувшись выдрать единственный хилый сорняк. А улыбнулась она, потому что собиралась беззастенчиво льстить.

— Кристал, у Оноры в ученицах будет замечательная девочка! Очень умная, жизнерадостная, работоспособная, быстро схватывающая знания, соображающая на лету. Как же ей не измениться, если она увидит перед собой вдумчивого человека, решительно настроенного на учёбу?

Кристал, когда Аня выпрямилась, стояла, изумлённо вглядываясь в её глаза.

— А я... такая? — А потом прошла по утоптанной тропке между грядками. — Ну, не знаю... Мне кажется, она останется такой же.

— Человек таков, каким его видят, — изрекла Аня прописную истину, вычитанную когда-то неизвестно где. — Если ему все будут говорить, что он дурак, он дураком и останется, хотя на деле он иной. Если же все будут напоминать ему, что он умный, он будет постоянно это доказывать всей своей жизнью... Фу... Хватит. Наши грядки в идеальном

порядке. Пора заняться куклами и моим вечером.

Она ещё хотела спросить у Кристал, почему раньше Онора не стала её учителем по магии. Это же логично. Но, подумав, пришла к выводу: Кристал просто не видела девушку в качестве своего преподавателя.

Они позвали Лиссу, которая из мелких цветочков набрала букеты для кукол, и вернулись в дом. До обеда ещё было время, так что Аня решила заняться подготовкой к вечеру, тем более что Онора справилась с заданием, и кукольные дела на время можно было отложить.

Они вынесли в комнату все платья из гардеробной и устроили показ дома мод.

Ох, и нахотались, когда Аня надевала то и или иное платье, а потом изображала даму из высшего света, манерно и утомлённо жалуясь на усталость после переодевания!

От чёрного отказались сразу. Едва Аня его надела, как выяснили, что веса она ещё не добрала. Мало того что платье висело на неё, как на вешалке, так ещё и чёрный цвет угнетал кожу, превращая её в блекло-серую.

Глядя в зеркало, Аня фыркнула:

— Не хватает только жуткой косы, чтобы изобразить саму смерть!

Персиковое, с отделкой из тончайших огненно-жёлтых кружев, явно выходное, к сожалению, тоже не подошло: на фоне задорно-солнечного цвета лица Ани, хоть и слегка загоревшее, заметно побледнело.

Синее оказалось слишком мрачным.

Красное — затмило саму «модель».

... Странно. Аня внезапно поняла, что ищет платье не столько для вечера, сколько для того, чтобы понравиться в нём Таегану.

Когда она оформила это понимание в мысленные слова, она решительно взяла серое платье. По фигуре оно очень даже подошло, не считая маленькой досадной мелочи — впрочем, всё той же самой: в талии оно оказалось весьма широковато.

— Поясок, — робко предложила Онора, которая во время «модного показа» всё чаще начинала улыбаться.

— Складки будут топорщиться, — возразила Кристал.

Аня, подумав, взяла тонкий пояс и, глядя в зеркало, свободно завязала его не на талии, а на бёдрах, опустив концы вперёд.

— Так? — спросила она.

Кристал, не сообразив, что принят совет Оноры, захлопала в ладоши.

К серому платью добавили бледно-зелёную накидку, похожую на болеро с небольшим рукавом, потому что платье было без рукавов, и все согласились, что накидка вечером понадобится. Все магические украшения, подаренные дином Хармоном, вписались в этот наряд, поскольку были не яркими. Нашли серые тончайшие перчатки с узким браслетом-держателем бального веера. Добавили светлые туфли, похожие на лодочки. Нашли махонькую сумочку из белого шёлка.

— Кажется, всё? — спросила Аня, весело улыбаясь критически оглядывающим её девочкам, хотя в душе замирала от страха и предвкушения. Она сегодня вечером будет с Таеганом! А потом — небольшой перерыв, и они встретятся ночью... А ведь ещё есть вероятность, что он придёт и сегодня днём — на озёрный-то берег! Столько времени вместе! А ночью будет возможность узнать, понравилась ли она ему, в конце концов одетая-таки в женственное платье!

— Сегодня солнечный день, — задумчиво сказала Кристал. — И вечером тоже безоблачно. Может, тебе взять кружевной зонтик? Вечер наверняка будет в саду.

Аня вдруг помрачнела и с размаху села на кровать. Не светски и невоспитанно даже. Но... Что делать?!

— Если вечер будет в саду, — упавшим голосом выдала она, умоляюще глядя на всех, — есть возможность, что танцев всё-таки не будет?

— Ты не умеешь танцевать? — негромко спросила Онора. — Хочешь — научу движениям, которые выручат в любом танце?

— А такие есть? — изумилась Аня.

Через пять минут она стояла напротив Оноры, как и заинтересовавшаяся Кристал стащила с кресла свою пару — хихикающую Лиссу. Уроки танцев начались!

Таеган на озере не появился. Может, решил не показываться, со своего берега приметив среди привычной ему компании новое лицо — Онору. Может, как поначалу шутливо предположила Аня, занят серьёзной подготовкой к званому вечеру.

На озере пришлось снова заниматься то ли воспитанием, то ли перевоспитанием Кристал и Оноры. Хотя, если подумать, на этот раз серьёзным перевоспитателем выступило само озеро. Онора пришла вместе со всеми на берег и сразу уселась на скамеечку при купальной беседке. Переодевшаяся Кристал высунулась из беседки и даже удивилась:

— О, а ты купаться не будешь? Мы для тебя рубашку тоже взяли.

— Нет, спасибо, — откликнулась девушка. — Я взяла с собой работу. — И показала корзину с шитьём.

— А ты плавать умеешь? — настаивала Кристал.

— Нет, — вздохнула Онора.

— Хочешь — научу, как ты учила нас танцевать?

— Ой, у меня не получится, — уже испугалась та.

— Кристал, — напомнила Аня, тоже высунувшись из беседки. — Не забудь, что Онора сегодня впервые очнулась. Не надо заставлять её двигаться слишком сильно. И — Онора. Ты можешь не учиться, но в воду зайди и походи в ней. Пока ходишь, быстрее придёшь в себя после долгого лежания в постели.

С Никасом она решила договориться: о подвале Оноре не скажут.

Подсев к Ане, Кристал спросила:

— Почему ты не настояла, чтобы я научила её плавать?

— Учитель — это очень терпеливый человек. Ты можешь сказать о себе, что ты настолько терпеливая, что не будешь сердиться на Онору за неумелые попытки держаться на воде? Да и рано ей ещё. Слабенькая она.

— Мне казалось — я терпеливая, — обескураженно сказала Кристал и замерла, глубоко задумавшись.

Осторожно взглянув на Онору в открытую дверь, Аня вздохнула. Видимо забывшись, девушка блаженно жмурилась на солнце и, слабо улыбаясь, с восторгом смотрела на озеро. Худенькое личико было бледным, и Аня невольно пожалела, что не взяла для неё летнего зонтика...

Кристал этот тихий вздох услышала и насторожилась, сама украдкой покосившись на девушку.

— Почему ты вздыхаешь? — прошептала она.

— Ничего особенного. Вспомнила, как я сама впервые здесь сидела — после болезни. — Аня снова вздохнула и улыбнулась. — Вспомнила, как грелась на солнышке, как до слёз хотелось в воду, но чувствовала себя просто ужасно слабой. — Помолчав, хмыкнула. — Кристал, мы не слишком много болтаем? Пора в воду!

Подхватив за руки завизжавшую от удовольствия Лиссу, они побежали к воде. Мягкая прохлада приняла их, разбитая в тысячи взлетающих прозрачных солнц... Оставив малышку у берега, Аня и Кристал поплыли ближе к середине озера.

Происшествие с Лиссой, едва не утонувшей, хоть и было неделю с лишним назад, но всё ещё тревожило Аню. Поэтому, пlying, она довольно часто оборачивалась проконтролировать

местоположение малышки.

Когда Кристал запыхалась и закричала, что хочет вернуться, Аня согласилась, но предложила возвращаться наперегонки. Кристал без слов ринулась вперёд. Аня спокойно поплыла за ней, приглядываясь к берегу...

Лисса выбралась из воды, в которой весело бултыхалась, и, подбежав к Оноре, схватила её за руку. Девушка на её уговоры качала головой. Но, кажется, её страх не устоял перед обаянием малышки: Онора скинула туфли и медленно спустилась к воде. Лисса начала ей что-то показывать в мелких прибрежных волнах. И Онора несмело опустила ладонь в воду.

Аня совсем отстала. Она легонько покачивалась на воде, глядя на плохо видную Онору и на ещё хуже — Лиссу.

И вспоминала, как проходили дни рождения родных, как она думала тогда, брата и сестры. Огромный стол, пока были маленькие, — и куча приглашённых гостей; она, Аня, — на кухне — безвылазно. Подросли — их отправляли в разные заведения, которых она даже не представляла себе. Туда, где проведение дней рождения заранее заказывалось, куда приводили детей — и именинника, и его гостей, а праздник вела специально приглашённая ведущая. Потом — кафе. Потом — рестораны. И везде Аня оказывалась... на отшибе. Дома Справляла дни рождения «родных» не за накрытым столом, а с книгой в руках и даже радовалась этому положению, когда дома никто на тебя не рявкает, не требует сделать что-то, что мог бы и сам, но ведь лень... Сидела, читала, уходя в придуманные миры и беспокоясь из-за бедных и несчастных, а иногда отчаянных и рискованных героев... Онора, наверное, тоже так. Пусть семья Агни жила бедно. Но они собирались за общим столом, разговаривали между собой, делились переживаниями... А девушка, изредка приезжая сюда на каникулы, сидела в своей комнатке, вынужденная обедать в одиночестве, не смея показаться на глаза... Совсем как Аня в своём мире...

При виде выходящих на берег Кристал и Ани Онора снова сбежала к скамеечке возле купальной беседки. Лисса так удивилась, что, присевшая на корточки, только хлопала глазами ей вслед. Отжимая волосы, Аня вдруг подумала: а Лисса? Она живёт здесь довольно долго. Понимала ли она, почему симпатичная ей девушка постоянно прячется в своей комнате?.. И сопоставляла ли «страшную ведьму» с этой девушкой?

И ещё. Аня-то Кристал объяснила, что, только благодаря Оноре, семья всё ещё живёт в поместье. Но ведь и Онора... легко представить, как она напугалась, узнав, что Агни магически отравлена... Поэтому и бросилась в борьбу с этой отравой, готовая пожертвовать собой, лишь бы выпастить хозяйку поместья... Знала, что с ней самой произойдёт, когда из поместья попросят не только братьев и сестру Агни...

— Почему ты так на неё смотришь? — вполголоса спросила Кристал.

— Онора... — начала Аня и осеклась: если она скажет, что Онора — умный и самоотверженный человек, не будет ли ревновать Кристал? Поэтому сказала лишь половину мысли: — За неё страшно. Она такая уязвимая в этом мире...

— Но она же внебрачная, а они все такие, — пожала плечами девочка.

Аня обернулась к ней, внимательно всмотрелась в глаза. В ответ Кристал упрямо надула губы:

— И что я такого сказала?

— Да нет, ничего... Просто я всегда удивлялась другому: это дин Хармон повёл себя безнравственно, а страдает почему-то его дочь, которая ни в чём не виновата.

Кристал снова насупилась, но уже не потому, что рассердилась, а потому что

задумалась над необычным высказыванием старшей сестры.

Аня же оглянулась. Ей показалось — кто-то смотрит ей в спину с противоположного берега озера. Но кустарник, заросли которого прятали стволы тамошних деревьев, скрывал всё и всех, кто бы ни прятался в зелени. Она отвернулась...

«Онора в любом случае везучей меня, — вдруг мелькнула странная мысль. — Никас готов взять е в жёны. И у него эта готовность отнюдь не потому, что Онора — обладательница редкого магического дара. Он скорее всего об этом и не думал, когда принимал столь спешное решение в ответ на моё такое же спешное заявление. Так что — да: Оноре с ним очень повезло. Если даже она его не полюбит, она останется с ним из благодарности, ну а потом... Потом — время покажет, что у них будет. Может, и стерпится — слюбится. А я... Вот у меня в личном — сплошной мрак. Недели полторы нашему знакомству с Таеганом. Я чувствую — он нуждается во мне. Но понимает ли он это? Я-то давно поняла, но... Опять-таки... Кто я? Вдова. А он...»

Дальше раздумывать на неприятную тему ей не дали. Один взгляд на Онору, которая едва не засыпала, сидя на скамеечке, и Аня скомандовала собираться домой. Кристал запротестовала. Она даже посмотрела на Онору: мол, не ты ли виновата? Но девушка сидела уже бодрая (после слов о возвращении-то!) и послушно складывала шитьё в корзину, а потом и вовсе вошла в купальную беседку — помочь Лиссе высушить волосы.

Пока поднимались к дому, Аня перечисляла всё, что надумала сегодня сделать. Поскольку наряд для вечера был готов, оставалось только заняться домашними делами. Теперь в комнате Ани сидели три мастерицы, занятые пошивом кукол, поэтому хозяйка поместья бросилась на кухню — готовить обед и ужин. Старых служанок она теперь использовала только на подхвате — на мелких работах: вымыть овощи, начистить их, порезать и прочее. Те обрадовались, хотя Аня боялась бунта на корабле. Но нет. Годы берут своё, так что старушки сейчас сидели на табуретках возле низкого стола и резали морковь, негромко разговаривая между собой. Аня, которая промывала взятые у них очищенные овощи, прислушивалась к ним, побаиваясь задавать иногда уточняющие вопросы, хотя и очень хотелось.

И не выдержала:

— А дайна Эннис знает о том, что у дина Хармона есть дочь?

Удивлённые, они даже замахали на неё руками, забыв о том, что держат ножи и мокрые овощи, а потому зафыркали, обрызгав сами себя.

— Что вы, дайна Агни! Знала дайна Эннис лишь, что ученица-помощница появилась у достопочтенного дина Хармона, а что она дочь его — нет, не знает!

Аня нахмурилась. Не может быть, чтобы дайна Эннис не знала, если слуги знают! Ведь это чисто по-человечески понятно: там, где много людей, секретов не бывает. Если старые служанки про Онору знают, как не знать дайне Эннис?

Будто уловив сомнения хозяйки, Сайл промямлила:

— Так ведь... дин Хармон на всю прислугу заклятие наложил, чтоб помалкивали про дочку его!

Вот в чём дело!.. Такой хитроумный и коварный тип умел побеспокоиться, чтобы его великая тайна оставалась тайной, особенно для жадной сестрицы. Аня невесело усмехнулась — сестрицы. Два сапога — пара! Оба жадные и ненасытные! Как только Агни решилась выйти за него замуж? Как — как... Спасая от нищеты братьев и сестрёнку... Наверняка пока отдельно жили, она приносила им хоть копеечку — или что у них тут... А не деньги (при

таком муже неудивительно) — так хоть вещи или еду.

Пока чугунная, по впечатлениям, толстостенная кастрюля исходила паром и булькала сытными ароматами — к умилению бабулек Сайл и Бридин и под их наблюдением, чтобы варево не сбежало, Аня, в очередной раз забравшись на второй этаж, обратила внимание, что сидевшие на её кровати Кристал и Лисса заснули, а Онора, которая чуть не засыпала на озере под солнышком, разморившим её, продолжает шить. Приоткрыв дверь в свою комнату, Аня прошептала:

— Выйди сюда.

Онора взяла корзину с шитьём и на цыпочках покинула комнату. Аня ещё раз посмотрела на спящих и чуть не засмеялась: «Может, мне найти другую комнату? А эту оставить как рабочую?»

Она повела замершую было в ожидании Онору к её комнате, которую та теперь «официально» должна будет занять. Открыв дверь, подтолкнула девушку вперёд. Та сделала два шага — и снова застыла в изумлении: на маленьком столике стоял поднос с чаем и тарелочкой печёностей.

— Попьём чаю, попробуем печенья, — пригласила Аня. — И поболтаем.

Растопить насторожённость Оноры было нелегко, но Аня сделала это. Забрала довольную лёгкую корзину из её рук, усадила на стул возле столика. Сама, по-хозяйски разлила чай по тончайшим чашкам из сервиза, найденного пару дней назад в гостиной, в закрытом шкафу.

— Онора, я целый месяц болела, после того как ты решила помочь мне избавиться от отравы дайны Эннис, — начала Аня — и поняла, что начала абсолютно не правильно.

Девушка съёжилась, отводя мгновенно испуганные глаза. Вспомнив свои слова, Аня раздражённо поморщилась: «Ну и дура же ты, Анька! Сказанула так, что она решила — ты сейчас её обвинять будешь!» Но упрямо продолжила:

— Я — месяц, а ты — целых полтора месяца. Ты всё помнишь из того, что было до этих дней? Понимаешь, я забыла почти всё и с трудом вспоминаю. Поэтому мне снова нужна твоя помощь — вспомнить то, что я знала. Ведь кое-чего мне даже братья и сестры сказать не могут. Что-то знают они, что-то, чего они не знают, — ты... Поможешь мне?

Онора посидела, словно напряжённо вслушиваясь в отзвучавшие слова хозяйки поместья, а потом подняла голову и кивнула.

— Что вы хотите узнать?

— «Ты хочешь узнать», — поправила её Аня. — Недавно ты говорила мне «ты». Что изменилось? Мы и дальше будем говорить друг другу «ты». Ведь по мужу ты мне приходишься почти дочерью.

Впалые щёки Оноры вспыхнули лихорадочным румянцем. Она опустила голову, и Аня так и не поняла, рада ли девушка поставленному условию. А потому продолжила:

— Самое главное, о чём мне хочется узнать, — это мой дар. Кто тебе сказал о нём? Дин Хармон? Или кто-то другой?

— Нет, не дин Хармон. — Онора впервые свободно подняла голову. — Я приехала сюда после окончания магической школы, потому что мне некуда было... И... — Она запнулась, но храбро продолжила: — И ты сказала, что не возражаешь против моей жизни в этом доме. Дин Хармон учил меня снятию проклятий, поэтому я сразу разглядела, что... ты магически отравлена. Я боялась говорить... тебе об этом. Дин Хармон предупреждал, что о моём даре никто не знает — даже... ты. И я не знала, говорил ли он потом... тебе об этом. Я боялась, что... ты не поверишь мне, и глупо надеялась, что... ты сама справишься с ним, потому что

видела — ты обладаешь упорядоченной магией...

И закашлялась. Аня тут же подвинула к ней чашку.

— Так. Молчим и пьём чай, а то совсем остынет. Бери лепёшки, они, конечно, не самого лучшего вкуса, зато полезные — с мёдом и с орехами.

Этих лепёшек, по вкусу напоминающих пресный лаваш, она напекла много, обнаружив в амбаре хозяйственного двора полупустой мешок со слегка лежалой мукой (на кухне был ещё один, бабульки сказали — последний, начатый). Лежалую муку удалось просеять и несколько дней сушить. Судя по вчерашнему ужину, лепёшки получились неплохие. Их, чтобы приблизить по вкусу к сладостям, она и в самом деле обмазала тонким слоем мёда, а сверху посыпала толчёными орехами.

Допили чай, и Онора продолжила свой рассказ.

Однажды она, постучав, вошла в комнату Агни, чтобы попросить разрешения посидеть в библиотеке, магический ключ от которой был только у нынешней хозяйки дома. И ужаснулась: Агни без памяти лежала на полу, и её тщетно пытался привести в себя испуганный Никас. Онора сразу заметила, что отравы вступила в решающую стадию. Ещё немного промедления — и Агни не спасти.

Примерно представляя своё будущее без Агни, что значит, без дома, без какой-то опоры в жизни, Онора отважилась на ритуал, в котором мог быть страшный результат для неё самой. Но она уже понимала: без Агни ей не жить. Так что потенциальное сумасшествие, которое подступало к хозяйке дома, девушка была готова принять на себя — при худшем развитии последствий.

Она бросилась на помощь Никасу, и они сумели переложить женщину на кровать. А когда Агни ненадолго пришла в себя, Онора торопливо рассказала ей и Никасу о своём даре, который втайне от всех развивал в ней дин Хармон. И робко предложила провести ритуал снятия отравы, которая была равнозначна проклятию. Никас был против. Но Агни велела отвести себя в библиотеку, куда брату вход был заказан из-за его неразвитого магического дара. Он смирился, понял, что сестра лучше ориентируется в происходящем.

В библиотеке Агни заставила Онору рассказать, как будет проходить ритуал и каковы могут быть его последствия. Оноре пришлось сознаться, что, возможно, часть отравы она возьмёт на себя, будучи не самой опытным магом. С трудом сидевшая в рабочем кресле, Агни велела принести ей стопку плотной бумаги с дальнего столика у окна и Оноре — сидеть смирно перед ней, пока она рисует. Онора беспрекословно сидела, пока Агни, по неозвученному удивлению девушки, рисовала. То есть зря тратила неумолимо бегущее время. А ещё ей было очень любопытно, что же рисует Агни, только мельком поглядывая на невольную натурщицу.

Закончив, хозяйка дома показала странные картинки — на них были только розы. Тренированный взгляд обученного ритуалама мага на эти рисунки — и Онора сообразила, что перед ней, как ни странно, отражение её собственных сил.

— От дина Хармона я слышала, что снимающий проклятия может получить это проклятие или его часть, — сказала Агни. — Случись такое с тобой, ты должна взять эти картинки и разложить перед собой. Пока ты не очень опытный маг, но увидеть, в каком порядке они перед тобой должны лежать, ты сумеешь. Теперь приступай к ритуалу.

Они начали в библиотеке, благо площадка перед входной дверью позволяла начертить необходимую для магического действия пентаграмму. А ещё было хорошо, что библиотека закрывалась для остальных: их присутствие могло быть опасным как для них самих, так и

для ритуала.

— Последнее, что я помню... — проговорила девушка. — Ты стояла в пентаграмме и вдруг велела подойти, а я стала кричать, что мне нельзя ни подходить к пентаграмме, ни заходить в неё. Но ты требовала — и глаза у тебя стали страшными. И я продолжила ритуал, потому что оставалось совсем немного до конца. А потом в пентаграмме появилась тень дайны Эннис — так я узнала, кто наслал на тебя эту отраву. Но ты маг. Ты не только увидела тень дайны Эннис. В своём помрачённом состоянии ты решила, что она явилась сама и грозит тебе смертью. Ты вскрикнула и выскочила не только из пентаграммы, но и из библиотеки. Я бросилась за тобой, потому что боялась: ведь ты была в страшном состоянии... Пентаграмма закрывала мне выход. Пришлось пробежать её — и получить часть твоего проклятия. Больше я ничего не помню.

— Вот как всё это случилось, — тихонько вздохнула Аня.

Ей до слёз было жаль Онору. Перед ней стол выбор: умереть самой или выручить хозяйку дома, которая приютила её. Точней — выбора не было. Девушка, отчаявшись из-за своего положения, была готова принять любое решение судьбы.

Жалость быстро сменилась рассудочностью.

«Свахой мне не быть, но события я могу себе позволить подтолкнуть», — мрачно решила Аня и, чуть улыбнувшись, опечаленной из-за воспоминаний Оноре, сказала:

— Онора, тебе нравится мой брат Никас? Мне кажется, он с интересом поглядывает на тебя. Да и сегодня в столовой... — незаконченно напомнила она о поцелуе Никаса.

Девушка взглянула на Аню с недоумением. На лице — дикая смесь замешательства и недоверия. Поэтому, закинув один крючок и убедившись, что наживка прочно заглотана бедной рыбкой, Аня перевела разговор на другое:

— Тебе нравится эта комната?

— Да, — всё ещё с осязательным недоумением сказала Онора.

— Тогда помоги мне и девочкам перенести сюда твои вещи. Ты будешь теперь жить на втором этаже — не на первом.

— Я сама! — вдруг поспешно сказала Онора и тут же умоляюще добавила: — Я сама перенесу свои вещи, Агни!

— У тебя их немного, — поняла Аня и кивнула. — Что ж, надеюсь, тебе понравится не только эта комната, но и вид из окна. Здесь такие... красивые... деревья.

Последние слова Аня произнесла медленно и с паузами, потому что встала со стула и подошла к окну. И, если поначалу она собиралась перечислить все красоты оконного вида, то теперь сама застыла, инстинктивно отшатнувшись к стене.

За окном в куще деревьев опять прятался Таеган!

Не знай она заранее, что он свободно и незаметно для других ходит по поместью днём, она бы ни за что не угадала, что тёмная фигура принадлежит ему. Но сейчас, помня о том, она наблюдала за ним, мгновенно определив по видимым очертаниям своего загадочного соседа.

Пристально вглядываясь в него, прячущегося в тени деревьев и кустов, она мучилась неразрешимой загадкой: что он здесь делает?!

Спросить его самого? Ночью... Нет, только не ночью. Ему интересно поговорить — ей интересно послушать. Значит...

Таеган вдруг отпрянул от дороги и полностью пропал в зелени.

Что случилось?

Знакомо запели ворота, которые из этого окна не видны.

Удивлённая Аня встала уже напрямую перед окном — и всмотрелась.

Сначала на дороге от ворот показалось ландо Никаса, да и он сам сидел, как обычно, вместо кучера. За ним последовала двойка прекрасных (Аня не разбиралась, но они были очень ухоженными!) лошадей, запряжённых в не менее прекрасную и изящную карету с откидным верхом.

— Онора, ты знаешь, кто это? — махом руки пригласив девушку к окну, спросила Аня. Та, прильнув ближе к стеклу, немедленно покачала головой. — Это точно не дайна Эннис? Я что-то не разгляжу, она ли.

— Нет, это не дайна Эннис, — пробормотала девушка. — Дайна Эннис — маг, а эта женщина — обычный человек. Но очень богатая.

Оба средства передвижения завернули за угол дома, и Аня, предложив Оноре вместе пойти посмотреть, что происходит внизу, вышла из комнаты.

Вовремя — навстречу по коридору бежал Никас.

— Дамы! — радостно завопил он. — Где ваши куклы?!

Ане захотелось завопить ещё громче!! Ура, клиентка приехала!!

— В моей комнате! — вместо этого закричала она и бросилась к себе, памятуя, что надо немедленно разбудить девочек.

Впрочем, счастливый вопль брата уже разбудил их, потому Кристал и не испугалась, что Аня не вошла в комнату, а ворвалась.

— Где наши куклы?!

— Не отдам! — ошарашенно пискнула Лисса, прижимая к себе Тили.

— И не надо! — на волне азарта крикнула смеясь Аня, распахивая дверцы своего шкафчика, где сидели куклы для продажи. — Кристал, помоги! Возьми пару, других я соберу и снесу вниз. Никас, откуда эта дама?

— Я отпросился с работы, потому что надо было подготовиться к вечеру — по этой причине меня отпустили сразу. Ну, как только я сказал, к кому меня пригласили. Я сбегал в обувную лавку и поехал домой. Доезжал к нашей дороге — и тут меня догнала карета этой дамы. Кучер спросил, не дин Никас ли я. Я сразу сообразил, в чём дело, и велел им ехать за мной.

— Сколько они берут?! — торопливо спросила Аня, выскакивая следом за ним в коридор и оглядываясь: Онора осталась сидеть рядом с Лиссой, а Кристал, вся светясь от радости, тоже несла кукол за старшими.

— Пять штук! Я сказал, что есть больше, и дама захотела посмотреть, каких ей захочется выбрать! Правда, я и не думал, что у нас их столько много! — признался Никас, оглядываясь на сестёр.

— Нашём ещё! — с ликованием отозвалась Аня. — Правда, Кристал?

— Конечно! Ведь теперь у нас есть Онора!

Никас опять оглянулся. Посмотреть на младшую сестру и довольно улыбнуться.

На первый этаж Никас посоветовал Ане не спускаться. Так что она оставила кукол ближе к лестнице, а брат собрал их в охапку и снёс вниз.

Спрятавшись сбоку за балюстрадой, Аня и Кристал, еле сдерживая упоительное хихиканье, наблюдали, как Никас усадил всех кукол на небольшом диванчике, как к ним подошла та самая представительная дама в богатом платье. Они разглядели и шёпотом обсудили её наряд, учитывая, что вечером Ане придётся одеваться в задуманные «шмотки».

Разглядели всё до мелочей: и перчатки, которые дама не сняла, и веер, сложенным висевший на кисти, и почти такое же болеро с полурукавом, которое Аня намеревалась надеть, и даже сумочку, свисавшую с тонкого ремешка вокруг тончайшей же талии. Какие у неё туфельки! — ахала про себя Аня и тут же гордилась, что у Агни не хуже. А Кристал вдруг прошептала:

— Агни, Агни, смотри! Ты тоже так можешь сделать со своими волосами!

Тут уж пришлось прикинуть к столбикам-балясинам балюстрады, чуть не высунувшись между ними, чтобы приглядеться к тому, что удивило и обрадовало Кристал. Ух ты... Дама явно скрутила хвост и закрепила его вроде как гребнем с какой-то безделушкой и с крохотной вуалькой сбоку. Или это не гребень, а что-то вроде большой шпильки? Но выглядело это хоть и небрежно, но со вкусом. Да, Аня могла повторить причёску дамы — и легко!

— Спасибо нашей гостье, да? — прошептала она, отползая от балюстрады в коридор.

Кристал осталась сидеть и следить за тем, как брат рассказывает о стареньких служанках, которые давно нашли для себя такое уникальное развлечение.

— Она спрашивает, все ли куклы такие — не похожие друг на друга? — жутким шёпотом передавала беседу внизу Кристал. — Представляешь, Агни, она не может выбрать! А вдруг она заберёт всех? Агни, хорошо бы, да?

— Очень хорошо, — согласилась та — и испугалась, когда девочка, снова было уставившись на сцену внизу, вдруг отшатнулась, отползла подальше, а потом то ли зашипела, то ли захрипела, сжимая кулачки. — Что?! Что, Кристал?!

— Она оставила одну!! Всего одну!!

Девочка прижала ладони ко рту, продолжая шипеть от восторга.

Аня не поверила — быстро подползла к балюстраде: Никас торжественно шёл за выходящей (кучер, бывший с ней, забрал часть кукол и открыл своей госпоже дверь) дамой, обнимая целую кучу кукол. Когда в холле-гостиной уже только один Никас приближался к открытой входной двери и дама не могла заметить посторонних, Аня стремительно поднялась и побежала по лестнице — посмотреть, какую именно куклу оставила приезжая дама. Кристал затопотала за неё следом.

Они не стали следить за тем, что уж там происходило возле крыльца. Им было больше интересно, какая кукла не привлекла внимания богатой покупательницы. И от удивления обе встали перед диванчиком, не веря своим глазам: это была самая красивая и богато одетая кукла! Но почему?!

— Простите, пожалуйста, — виновато и со слезами в голосе сказала с лестницы Онора. — Когда вы показали мне кукол, я нечаянно... Я правда нечаянно! Мне она так понравилась, что я... Я всего лишь представила, что это моя кукла. А потом забыла снять толику магии, из-за которой эта женщина не смогла забрать «мою» куклу. Простите меня!

После недолгого молчания Кристал неожиданно уважительно спросила:

— Ты такая сильная? В учебниках я читала, что многие маги могут одним взглядом что-то сделать, но не думала, что это получится у тебя!

Онора медленно сошла с лестницы.

— Так вы не будете ругаться? — жалко пролепетала она, подходя к диванчику. — Я сейчас сниму с неё магию — и она снова будет ничьей.

— Не надо, — остановила её Аня. — У всех наших девочек есть свои куклы. Ты же теперь тоже наша девочка! (Кристал захихикала.) Ну что, Онора, как ты назовёшь свою

куклу?

Девушка, беспомощно приоткрыв рот, посмотрела на Аню, на вздыхающую от избытка чувств Кристал, а потом, приблизившись к диванчику, осторожно взяла куклу и прижала её к себе. Аня только вздохнула.

Ответить, как её назовёт, Онора не успела.

Вернулся жутко важный Никас. Он вошёл с таким достоинством, словно выиграл главный приз. И вручил Ане тяжеленный кошель.

— Она сказала, что готова купить ещё парочку, — сообщил он.

Онора стиснула куклу так, как будто он намеревался немедленно отобрать её.

— Да не бойся ты, — с великодушием подростка скомандовала Кристал. — лучше пойдём в комнату Агни и посмотрим, какую следующую шить. И скажем Лиссе, что у наших кукол появилась новая подружка. Лисса тоже обрадуется!

Когда Никас и Аня остались одни, он отошёл ближе к входной двери и взглянул на лестницу. Потом вернулся к сестре.

— Я боялся, что Кристал будет подслушивать, — тихо объяснил он. — Агни, ты не возражаешь, если я на часть этих денег куплю помолвочное кольцо для Оноры?

— Нисколько, — ответила Аня, усмехаясь. — Как только что сказала Кристал, Онора теперь нам очень даже пригодится, потому что очень хорошо умеет шить!

До ужина Никас успел съездить за мальчиками и привезти их из лаборатории мага, у которого они работали, а потом распряг Смородину, чтобы отвести в стойло и обиходить её. Удивлённой Ане он объяснил, что приглашающая сторона сама предложила прислать средство передвижения, поэтому сегодня Смородинка может отдохнуть. И только за полчаса до приезда этого средства передвижения Аня спохватилась, купил ли Никас себе обувь. Никас показал, что он наденет на ноги, потом его заставили одеться полностью в парадный костюм и, критически разглядев его, одобрили всё. Как заметила Аня — особенно мальчики. Кажется, только после демонстрации Никасом новых ботинок, а потом тяжёлого кошелья в руках Ани они поняли, что вскоре и им можно будет закупить обнов и ходить в магическую школу одетыми как надо.

Улыбку Аня спрятала: последний вопрошающий взгляд Никас бросил на Онору, и та, зардевшись, тоже робко кивнула — со своим «одобрям-с!».

Затем Аня оделась сама и с трепетом вышла в гостиную нижнего этажа.

— Ну что? — спросила она с тревогой. — Так... хорошо будет?

— Хорошо, — ответил, явно нервничая, Никас.

Мужчина — что с него возьмёшь! Зато двойняшки рты пооткрывали, зато «девочки» разохались, и Аня успокоилась.

За пять минут до приезда соседской кареты они присели в кресла гостиной, потом Аня вспомнила кое-что и помчалась в свою комнату. И застыла на пороге: все три девицы, от большой до маленькой, сидели у столика возле окна и с бешеным любопытством изучали дамские журналы! Читала — и бегло — Онора, как самая грамотная. Остальные тыкали пальцами в картинки и азартно переговаривались. Причём комментировали тамошние статьи и картинки так, словно собирались сдавать экзамен по аналитике — или в журналы послать свою критику. Аня насмешливо покосилась на Кристал: «Вот тебе! Онора и здесь тебе пригодилась — весьма полезной, как я и говорила!»

На стук двери они подняли головы и неожиданно всполошились:

— Агни! Никасу в нагрудный карман нужно взять цветочек!

И Кристал бросилась к изумлённой Ане с раскрытым журналом, чтобы показать картинку с мужчиной, по-наполеоновски сложившим руки на груди и отставившим в сторону ногу. В кармашке сюртука у него и впрямь красовался малюсенький букетик. А потом девочка ринулась из комнаты — Аня за ней.

— Кристал, ты куда?!

— Клумбы около крыльца! Там есть такие цветочки, какие нужны Никасу!!

В результате ошеломлённый старший брат теперь тоже красовался с мелкой (видимо, одичавшей или сорт такой), но нежнейшей розой в кармашке своего сюртука. Аню же в очередной раз критически оглядели, оценили, как сидит на уложенных волосах шляпка, и милостиво пришли к выводу, что у неё всё идеально.

И улетучились снова на второй этаж, хихикая и перебрасываясь репликами, что бы ещё посмотреть в журналах, пока старшие будут отсутствовать. Никас только пожал плечами, улыбаясь Ане. А она покивала ему, вроде бы спокойная...

Брат вышел на крыльцо — дожидаться, пока подъедет припоздавшая карета от соседей. Аня перестала улыбаться. Роза. Картинка. Отражение силы человека. Отражение, которое

может добавить сил тому, кто попал в ловушку проклятия.

Она с сомнением посмотрела на махонькую белую сумочку в руках.

Попробовать? Если она с Таеганом останется наедине?

А такое положение может быть?

Она поймала мелькнувшуюся было мимо мысль и поняла: очень хочется положить в сумочку с кружевным платочком карандаш и, как минимум, один чистый лист картона. «Глупости, — растерянно сказала она себе без особого убеждения в мысленно произносимом. — Я помню по фильмам, что на таких вечерах все: и гости, и хозяева — постоянно на виду друг у друга! Нам с Таеганом не удастся уединиться, чтобы я попробовала нарисовать образ его силы! — И тут же прислушалась, будто услышав собственное возражение со стороны: — Как бы не так! И в фильмах, и в книгах, которые ты читала и смотрела, были эпизоды, когда главные герои уединялись либо в отдельных кабинетах, либо в каких-нибудь беседках!»

Она ещё криво улыбнулась: главные герои...

Едва Аня утешилась последней мыслью, как снова возникла мысль, на этот раз уколотившая страхом: «Но Агни рисовала силу Оноры, когда девушка ещё владела этой силой! — И снова послышался её же, но будто со стороны возражающий голос: — Но и Таеган пока не до конца лишён своей силы! Хоть капелька, но у него она сохранилась, пока он говорит! Правда, очень маленькая, потому он ничего предпринять и не может! Да и зависит ли возвращение сил от того, на кого я воздействую? На всё ещё владеющего ею или уже лишённого её?»

Когда во дворе дома запели ворота, Аня уже находилась в таком раздрае, что готова была плюнуть на все званые вечера и сломя голову мчаться в библиотеку — немедленно прочитать талмуд из записей дина Хармона, чтобы разыскать все ответы на любые маломальски важные вопросы, которые есть и которые возникнут. Останавливало от светски неприличного побега одно-единственное соображение: прямо сейчас там, в поместье дина Вилея, её ждёт Таеган.

Переключение на Таегана помогло унять желание проигнорировать вечер. Она даже польстила себе, представляя, как он нервно ходит по какому-то роскошному помещению, из угла в угол, то и дело замирая у громадного окна, чтобы взглянуться в очередную подъезжающую к крыльцу дома карету — в нетерпеливом ожидании поскорей увидеть именно её — Агни.

— Агни! — ворвались в её размышления взволнованные голоса Кегана и Греди. — Вам пора! Карета дина Вилея здесь!

Она поднялась с кресла и, поправив шляпку, еле прикрывавшую её собранные в изысканный пучок волосы, бросила взгляд на его сиденье. Сбоку от подлокотника там лежал карандаш, прихваченный из своей комнаты. Она рассеянно взяла его, когда взбудораженная Кристал помчалась в сад за розой.

Больше никаких колебаний! Будь, что будет, но на всякий случай Аня должна быть вооружена! И втиснула карандаш в свою крохотную сумочку, забыв о том, что неплохо бы к нему захватить и бумагу.

Никас, тоже нервничавший, правда, по другой причине, подал ей руку и быстро повёл на крыльцо. Уже перед тем как сесть в карету со спущенным верхом (Ане, ошалевшей от «сервиса», помогал войти в карету лакей в ливрее), Никас обернулся. И Аня, забыв о лакее, до глубины души позавидовала ему: тревога на его лице чуть улеглась — из-за приоткрытой

двери выглядывали не только мальчики, но и все три «девочки», и Аня нисколько не сомневалась, что успокоила его точно не Кристал.

... Судя по напряжённой позе Никаса, на мягком кожаном кресле сидевшего учеником, который ждёт строгого учителя, ему тоже было некомфортно в этой карете. Надо же... Прислали не только карету с кучером, но и лакея! Ане подумалось, что оба устроились на облучке, не просто следя за дорогой, но и втихаря обсуждая пассажиров. И вскинула голову: нашла из-за чего переживать! У неё цейтнот из-за вопросов жизни и смерти, а она будет переживать из-за каких-то сплетен?.. И она решительно прислонилась к мягкой спинке.

— Никас, — тихонько позвала она брата, сидевшего напротив. — От нас там не ждут хороших манер, но ведь мы с тобой хорошие люди?

Это она напомнила ему его же недавние слова.

Несколько секунд брат смотрел на неё, напряжённо размышляя над сказанным, а потом медленно откинулся на спинку своего кресла.

— Ты права.

Но рот Никаса всё ещё был сжат. Аня некоторое время раздумывала, стоит ли напоминать ему, что даже помощником писаря в суде он часто встречался с людьми из высшего общества — ничего, жив. И потом... Там же будет Таеган, который давно у него в друзьях, а главное — с которым Никас умеет говорить и без слов. Но решила, что это напоминание лишнее. В конце концов, не сожрут же их на этом званом вечере!..

И, успокоившись на этом соображении, она начала далее анализировать основную проблему, тревожившую её. А проблема эта — из всех самая-самая! Вопрос вот в чём: наполнить силой «раскраску» Агни она сумела. А сумеет ли нарисовать образ силы сама? Может, поэтому и понадобится карандаш, спрятанный в сумочке? На мгновения Аня ощутила себя подосланным в имение дина Вилея шпионом. «Ох! А бумага-то?! — спохватилась она. — Я не взяла с собой картонки! Использовать платочек из сумочки? А сможет ли рисовать по нему карандаш? — Вытащила краешек платочка и снова охнула: — Кружевной полностью! Какой уж тут карандаш! И мрачно решила: — Я же не буду силу Таегана полностью рисовать! Мне же только нужно узнать, сумею ли его силу отразить! Сойдёт у них там и стена!» Из-за настойчивых дум о пробном рисунке она даже рассердилась на себя: «Он придёт ночью — и мы договоримся пробный образ сделать завтра днём! Чего ты упёрлась именно сейчас? Делу — время!»

И хмуро уставилась на пейзажи, мимо которых проезжала карета. Те оказались хороши. Как будто едешь пустынной к вечеру просёлочной дорогой: встречаются то небольшие кущи деревьев и кустарников, то длинные, уходящие в горизонт луга; разок с правой стороны мелькнуло дальнее озеро, а может, то была река, прятая в зелени, золотистой от вечернего солнца.

Поместье дяди Таегана располагалось так, что нужно было сделать небольшой крюк вдоль берега «их» озера. Так что времени у Ани, чтобы прийти в себя, оказалось много... Никас вполголоса заметил:

— Ты быстро успокоилась.

— Там будет Таеган, — напомнила она. — Он знает наше положение и ситуацию. Он добрый наш знакомый. Поэтому я очень надеюсь — большую часть вечера он проведёт с нами. Вот это меня и успокаивает.

— Ты права, — с облегчением сказал брат, а помолчав, добавил: — Мне кажется, нас пригласили из-за тебя.

— Гадать не будем, — задумчиво сказала Аня. — Но в любом случае это хорошо.

Усадьба дяди Таегана, как и ожидалось, была гораздо больше, чем усадьба дна Хармона. От ворот, которые сторожили два дюжих молодца, ехать до самого дома пришлось довольно долго.

Когда из-за последнего поворота карета выехала из аллеи старых высоких деревьев и перед ними воздвигся дом, Аня не сумела сдержать невнятного восклицания. Лакей и кучер не услышали его только потому, что колёса кареты на мощённой булыжником дороге страшно грохотали. Никас — услышал. Он тут же обернулся — сидел-то спиной к лошадям. И расплылся в улыбке так, словно демонстрировал личную собственность.

— Впечатляет, да?

Домом обозвать Это было бы слишком самонадеянным. Зданием — легко обидеть хозяина. Будто взлетающая к небу громада с приближением к ней кареты солидно раздавалась в обе стороны. В каком-то смысле она была похожа на отнюдь не маленькую такую шестиступенчатую лестницу: первый этаж выдавался вперёд, а ведь к нему самому надо ещё пройти широченную лестницу. Второй этаж тоже выпирал вперёд — в сравнении с третьим. И так далее. Шестой маячил гордой башенкой.

«Как они здесь живут?! — ошеломлённо подумала Аня. — В этом доме заблудиться же можно!» Но упрямо выпятила надутые губы, потом заставила себя улыбнуться, сказав:

— Зато теперь понятно, почему с кучером прислали лакея!

— Почему? — по инерции спросил Никас.

— Чтобы не потерялись, — сумела выдавить из себя хихиканье Аня.

Брат немного склонился к ней, как качнулась и она к нему, сообразив, что он хочет сказать что-то, не предназначенное для чужих ушей.

— Я думал — ты испугаешься...

Она вспомнила новостройки, на которых работала, огромные городские районы с высотками и снисходительно хмыкнула:

— Красивый замок! Разве может красота испугать?..

Замок и вправду был замечательный. И не размерами, а многочисленными лестницами и балконами, при виде которых Аня начала вспоминать не только строительные бригады, но и группу по реставрации старинных зданий. Пока работала, элементы зданий были на слуху, так что сейчас она шутиливо воспользовалась своими знаниями, чтобы вдвоём насладиться видом поразительного замка.

— Никас, посмотри, какой эркер! Я сначала думала — это простой балкончик! Нет, чуть слева! Под декоративной лепниной крыши второго этажа! А рядом — на третьем этаже, посмотри, сколько галерей! И какие все разные, но так гармонично вписываются в полную картину, что кажутся одним узором! Чудесная архитектура!

Только лакей, который стоял рядом с застывшей в воздухе рукой, чтобы помочь даме сойти на землю, подсказал, что они доехали. Аня оперлась на его руку и сошла из кареты, продолжая любоваться — и плевать хотела на изумлённое лицо брата, а также на остолбеневшего важного мужчину, который стоял у дверей и ошарашенно слушал её.

— Какие колонны! — продолжала восхищаться она. — А какой совершенный аттик их венчает! Чудесный узор! Хотелось бы погулять по всем этим галереям — мне кажется, вид с них будет превосходный!

Судя по еле видневшемуся за спиной представительного мужчины Таегану, дин Вилей решил самолично встретить гостей. И — заслушался.

«Пошалили — и хватит!» — деловито решила Аня, кладя ладонь на подставленную руку Никаса. И улыбнулась дину Вилею.

— Не думал, что дайна может так хорошо разбираться в архитектуре, — басисто высказался дин Вилей.

Аня хотела было ответить: мол, ничего особенного — почитываю дамские журнальчики. Но мгновенно пронеслось соображение, что таким образом принижает себя («Я — что? Феминистка?» — удивилась она), а потому с достоинством ответила:

— Библиотека в доме дина Хармона богатейшая. Заядлый читатель всегда найдёт себе чтение по вкусу, а заодно узнает о мире больше.

«Почему не подходит Таеган?» — мелькнула суматошная мысль, пока Аня поглядывала за плечо дина Вилея, который рассыпался в комплиментах её ответу. Нет, Таеган не ушёл, но почему он остаётся в тени своего дяди? Только из-за дневного молчания? Но он же помнит, что Никас и Аня знают о его проклятии!

Позади дина Вилея, наверное, открыли дверь в светлое помещение, и в несколько секунд Аня сумела разглядеть лицо Таегана. Он смотрел прямо на неё, и лицо его было необычно растерянным. Почему? Свет померк — дверь за спинами дина Вилея и Таегана закрыли, и Ане показалось, что Таеган то ли чем-то недоволен, то ли... Ему не понравилось, как она выглядит не в штанах, а в платье?

Тем временем пришёл черёд светского знакомства. Сначала у Ани забрали зонтик, под которым она пряталась от солнца, пока ехала в карете. Затем вперёд выступил Никас, представился сам — представил сестру. Дин Вилей на её брата внимания почти не обратил, взял под руку Аню и повёл её в дом. Таеган быстро отступил к стене, пропуская пару мимо себя, и Аня успела быстро взглянуть на него и кивнуть, чуть приподняв брови: что, мол, случилось? Почему ты так?.. Он отвёл взгляд и вскоре пропал где-то позади.

Когда получилось бегло оглянуться, Аня выдохнула: Никас шёл рядом с ним и тихо говорил о чём-то. Почему тихо? Потому что оба невольно чуть склонились друг к другу. Совсем как заговорщики. А потом оглянулся дин Вилей, но не потому, что заметил оглядку Ани, а видимо, просто посмотреть, где Таеган, и удивлённо поднял брови, обнаружив племянника в компании с молодым человеком, ранее неизвестным.

Теперь дин Вилей посмотрел на Аню, которая слегка улыбалась. Внимательно посмотрел — и спросил:

— Мой племянник Таеган и ваш брат знакомы?

— Да, и очень коротко.

Мужчина внимательно присмотрелся к Ане — она поняла, почему: она ответила очень легко, а значит...

— Вы, похоже, тоже знакомы с Таеганом?

— Наше озеро... — начала Аня, уже открыто улыбаясь.

Она не думала, что раскрывает тайну Таегана. Надо было бы промолчать — он предупредил бы не говорить. Но сейчас он прямо-таки напрашивался на то, чтобы дядя узнал побольше о взаимоотношениях племянника с соседями.

Они шли по широкому ярко освещённому коридору, размерами больше похожему на вытянутую большую комнату, поднимались по широкой лестнице на второй этаж, и дин Вилей, то и дело вскидывая брови, переспрашивал или буквально требовал подробных объяснений по тому или иному случаю, о которых рассказывала Аня.

Перед широкими дверями, по сторонам от которых стояли слуги, дин Вилей

остановился и, встав перед Аней, признался:

— Когда мой племянник попросил пригласить на званый вечер не только всех наших знакомых, но и хозяйку соседнего поместья вместе с её братом, я был крайне удивлён. О вашем брате я ничего не знал. Но о вас слышал кое-что. Ведь вы в глазах всех наших соседёв являлись настоящей затворницей. И вдруг Таеган просит за вас?.. Я был не только удивлён, но и заинтригован. Простите ли вы, дайна Агни, мне моё любопытство, если я скажу, что именно данное чувство сподвигло меня пригласить вас?

— Легко, — улыбаясь, ответила Аня. — Ведь благодаря вашему любопытству, я посетила одно из примечательнейших зданий в нашем краю!

Дин Вилей расцвёл от этих слов и принялся за рассказ об истории своего замка, а Аня получила возможность снова выдохнуть с облегчением. Итак, здесь и сейчас ей не придётся встретиться с кем-то из знакомых Агни. У Никаса она побоялась спрашивать, кто из знакомых может быть на таком вечере. Потеря памяти — одно, но ведь она «узнала» даже старушек служанок! Как же не узнать великосветских знакомых?!

Но дин Хармон и в самом деле сделал Агни затворницей, справедливо опасаясь, что среди гостей того или иного праздника у соседёв может найтись сильный маг, который с одного взгляда узнает в Агни мастера образов. Поэтому Аня и почувствовала себя свободной, хотя до слов дин Вилей чуть тряслась от страха быть «узнанной».

Правда, оставался тот же вопрос, что мучил дин Хармона: а если кто-то из магов увидит в ней мастера образов?

И очень надеялась, что подаренные дином Хармоном украшения выполняют функцию магической завесы.

А потом широкие и высокие двери распахнулись — и на идущих хлынула волна оживлённых разговоров и струнной музыки!.. Впрочем, музыка резко смолкла, как будто дирижёр своей палочкой остановил её течение. Откуда-то сверху раздался звучный голос, который словно покрывалом обвеял громадную (с перепугу Ане показалось — безграничную) залу:

— Дайна Агни, вдова дин Хармона! С братом — дином Никасом!

В мгновения Ане захотелось сбежать. И сделала бы это, если бы не дин Вилей, который жёстко зажал её ладонь своим локтем, продолжая расспрашивать обо всём подряд: его интересовали строительно-архитектурные познания женщины, впервые попавшей на его вечер; сведения (именно так он выразился) о любимом племяннике, а также её воззрения на те или иные темы. Даже то, что Аня призналась: она не далее как пару недель подряд болела магической болезнью, а потому, возможно, не в курсе многого из того, что произошло в стране за это время, — не остановило его вопросов, а заодно и горделивой речи о своём доме.

Аня даже понадеялась, что, почти прикованная к дину Вилею, она не будет востребована для танцев. Дело в том, что она уже увидела: здесь, в этом громаднейшем зале, уже была отведена площадка для танцев — прямо перед самими музыкантами.

Но внезапно кто-то тронул её за плечо. Дин Вилей немедленно остановился, оглянувшись, и тут же самодовольно рассмеялся:

— Я чуть не увёл твою даму, милейший мой Таеган? Прости, давно не встречал настолько интересную дайну, как дайна Агни! Но сейчас готов смириться и передать её твоему попечению, Таеган!

И отпустил руку Ани. Рука затекла, слишком напряжённо зажатая дином Вилеем. Но

при хозяйине дома Аня побоялась признаться, что мышцы болят чуть ли не до судорог.

Тем временем Таеган учтиво склонил перед ней голову и чуть заметно кивнул на часть зала, отданную под танцы, где кружились всего две пары.

— Таеган, я не умею танцевать... — ужаснувшись (предатель!! И тут же виновато — невольный предатель!), прошептала Аня.

Он спокойно покачал головой и повлѣк её за собой. Аня лишь раз обернулась с беспокойством — уже за Никаса: каково ему среди незнакомцев? Но удивилась, заметив, что он с улыбкой и весьма активно беседует с двумя молодыми людьми. Ну ладно, брат пристроен — за него можно не волноваться, но что делать, если Таеган и впрямь вознамерился заставить её танцевать?!

А Таеган всё сделал просто: он встал с небольшой группкой зрителей, беседующих обо всѣм на свете, и почти незаметно кивнул Ане, вставшей рядом, на танцующих. Поняла без слов: «Посмотри, как они двигаются!»

Сначала от волнения она испугалась. Показалось — очень трудные движения. Но два-три такта музыки — и в танце она увидела те самые движения, которые ей показала Онора. Запомнила, какое за каким идёт. Ой, совсем легко!.. Забывшись, Аня чуть не облизала пересохшие от волнения губы и тихонечко подѣргала Таегана за руку, благо стояли так близко, что руки соприкасались.

— Пойдѣм?..

Он шагнул вперѣд и поклонился ей. И вывел на площадку.

Через минуту Аня сообразила: можно было и не трястись! Таеган вѣл её в танце так, что оставалось лишь перебирать ногами — и наслаждаться всем! И музыкой, которая звучала так изящно, словно её исполняли чуть ли не на цыпочках. И мягкими движениями в полуобъятиях Таегана. И его всё ещё удивлённым до упоения взглядом на неё... И не надо было решать проблему, нравится ли ему она в платье. Видно же! Очень нравится!

А потом как-то неожиданно Аня пришла в себя в каком-то странном месте — в другой зале (ей больше нравилось по старинке говорить — не зал, а зала). Здесь было полутемно, много штор на окнах. Часть залы освещали многочисленные свечи — и эта часть была чем-то вроде коридора, соединявшего праздничную залу и ту, которую Аня видела сейчас только мельком, да и то только догадывалась о ней — по яркому освещению.

В любом случае по освещѣнной части залы то и дело сновали парочки.

А они вдвоѣм стояли у шторы, закрывавшей чуть не всю стену.

Таеган чуть отвѣл край шторы. Заглянув ему под руку, Аня увидела небольшое помещение, из которого сквозило ветром.

— Это балкон?

Он кивнул, со странной насторожѣнностью глядя на неё.

Аня, пожав плечами, прошла в получившийся проѣм и вовремя подняла ногу, чтобы не споткнуться о низкий порожек. И правда — вышла на балкон. Узкий, но места на двоих хватало. Таеган встал рядом, всмотрелся вдаль. Она последовала его примеру. Второй этаж — помнила она. Но балкон построен каким-то таким образом, что небо, уже ночное, словно медленно падало на них всем своим необъятным звѣздным покрывалом...

Суховатые пальцы скользнули по её лицу.

— Здесь красиво, — прошептала она, глядя в его выжидające глаза.

Даже в ночной темноте она увидела, что он-то позволил себе — а может, и не заметил этого машинального движения: облизал губы, глядя на неё. И первой прильнула к нему, зная,

чего он ждёт. Они целовались на этом узком балконе так самозабвенно, так увлечённо... Но Аня постоянно помнила, что это балкон, что это Таеган, что это его сильные руки прижимают её к себе, что это его соскучившиеся, не дождавшись полуночи, губы заставляют её с мучительным восторгом охать и стонать, принимая его сладость и силу. И это постоянное напоминание заставляло даже в сумасшедших чувственных всплесках обрывками думать о странном романтическом свидании... И ещё что-то томительное было во взрывном чувстве Таегана. Чем больше и сладостней он её целовал, тем больше она начинала выходить из плена полуобморочного состояния блаженства... Что с ним? Он целуется не так, как на озере... Не так бережно, не так властно, но мягко...

Он отпрянул первым, когда она уже полностью пришла в себя и сама собиралась выбраться из его объятий. Отпрянуть отпрянул, но руки на её плечах оставил. Она плохо видела его глаза, а потому прошептала:

— Таеган, что случилось?

Только что он был сильным и настойчивым. И вдруг сник. Нет, он оставался неподвижен, но она прочувствовала, что он в смятении и явно в чём-то сомневается.

— Таеган...

Он убрал руки, постоял немного, и тогда она первой протянула руку, чтобы дотронуться до его лица. Как слепая. Лицо Таегана было скрыто тьмой, а в ней внезапно проснулось желание немедленно узнать, что он чувствует и почему так ведёт себя. Поэтому она легонько, кончиками пальцев, чтобы не обидеть его, коснулась щеки. Он отшатнулся от неожиданности — тоже не сразу разглядел в темноте её жеста.

— Таеган...

Он потрогал её опустившуюся руку и сжал пальцы. Отпустил.

Теперь Аня сама пришла в смятение.

Да что происходит?!

В щель между шторами плеснуло светом. Лицо Таегана так напряжено, что Аня разглядела, как на нём вздулись желваки.

Он взял её правую руку и стал что-то делать с её пальцами. Она прислушивалась к этим мелким движениям, ничего не понимая. А он взял и опустил свои руки.

Аня подняла руку. На безымянном пальце что-то осталось. Что? Нащупав кольцо, она удивилась. Но не тому, что Таеган надел ей это кольцо. Нет. Другому: он надел его не до конца. Замерев на минуту, она старалась понять, что он хотел сказать незавершённым движением кольца на её пальце. И почему он это сделал именно сейчас, когда безмолвен, а не ночью, когда может говорить. Когда он, по сути, беспомощен в некоторых ситуациях.

И поняла. Так полно, что чуть не задохнулась от восторга и ужаса одновременно!

Он предложил ей помолвку!

Он хочет её в жёны!

Но... момент истины. Он предлагает ей замужество, напоминая, что он вот-вот замолчит навсегда.

И даёт ей свободу выбора: захочет ли она выйти замуж за человека, который, как он сам считает, не совсем полноценный?

Она чуть не всхлипнула. «Мы знакомы всего неделю с небольшим, а он предлагает мне замужество! Почему? Он симпатичен, он благороден. Да, кажется, я люблю его, но... Почему я?!»

Но нашла в себе силы, чтобы успокоиться. И сама протянула руку, чтобы взять его

ослабевшую руку (делай со мной, что хочешь! — считала с него она) и положила его пальцы на кольцо, не до конца водвинутое на свой безымянный.

— Маленькое условие, — негромко сказала она и почувствовала, как отвердела его рука, но цапнула и удержала её на месте. — Нет, даже не условие. Мне хочется, чтобы ты пришёл сегодня, как обычно, на наше место. Ты... придёшь?

Он кивнул сразу.

Тогда она положила его пальцы на кольцо, заставила их сжаться на нём и довести его до основания безымянного. А потом он склонился к ней, чтобы продолжить самое замечательное дело на свете — целоваться.

... Карета мчалась в темноте, возвращая уставших брата и сестру домой. И на этот раз Аня и Никас сидели на одном месте, тихонько переговариваясь и делясь впечатлениями о прошедшем вечере... А когда устали говорить и до дома осталось немного, Аня вдруг подумала: почему Таеган именно сейчас сделал ей предложение? Сразу после ночи, в течение которой выяснил, что она, возможно, маг образов? Первое, что пришло на ум, было нехорошей мыслью: а если он, как дин Хармон, решил завладеть уникальным магом — взять её замуж, но в личную собственность?

И, только когда чужая карета уезжала, а Никас открыл ей дверь в дом, дошло: Таеган испугался за неё. Он примерно представлял, что может случиться, если вокруг узнают, что вдова дина Хармона обладает таким редким магическим даром. И предложил не столько замужество, сколько защиту.

Но в полночь выяснилась настоящая причина спешной и пока ещё тайной помолвки. Если точнее — выяснилась причина не самой помолвки, а её спешки.

... Вернулись домой поздно.

Перешагивая порог в гостиную собственного дома, небольшого в сравнении с замком дина Вилея, но уютного, Аня настраивалась на быстрое переодевание в удобную будничную одежду, на быструю проверку, всё ли в доме спокойно, и на подготовку ко сну, а потом — на побег через спящий дом к озеру. К Таегану.

Порог перешагнула. Машинально взглянула на напольные часы и убедилась, что на всё про всё у неё есть примерно час. Взглянула на гостиную в мягкой полутьме, в которой дремотно сияла единственная свеча, — и обомлела.

— Э-э... — растерянно пробормотал Никас, созерцая пять человек, которые, вообще-то, не должны были здесь находиться и которые, вообще-то, должны были крепко спать в постелях собственных комнат!

Но этих пятерых непреодолимый сон почему-то сморил прямо в гостиной.

На диванчике, который обычно вмещал двоих, сейчас прикорнули трое: полулежали Онора и Кристал, а на их коленях, придерживаемая их руками, сладко спала Лисса. В двух глубоких креслах дрыхли Греди и Кеган.

При виде этой самой картины Аня снова бросила взгляд на часы: успеет ли она к Таегану? Может опоздать, а в его ситуации её опоздание, несмотря на все весомые причины, особенно обидно. Но ведь...

Никас решил проблему легко. Он за плечи потряс сначала Кегана, потом — Греди. Когда те, встали, покачиваясь, на ноги, старший брат вполголоса скомандовал:

— Греди, Лиссу на руки — отнеси её в её комнату! Кеган, отведи Кристал к ней. И потом свободны. Живо!

Мальчики что-то промычали и двинулись к диванчику. Приблизившись к ним, Аня хмыкнула: на столике между диванчиком и креслами валялась куча журналов. Понятно, чем развлекались младшие в ожидании уехавших на вечер... Через минуту Никас со спящей Онорой на руках поднимался следом за двойняшками, шёпотом подгоняя их.

Аня забежала к себе только переобуться, чтобы не греметь по дому каблучками туфель, а потом, не переодеваясь, заторопилась по комнатам девочек (мальчики — заглянула в их комнаты — уже спали, натянув на себя одеяла), чтобы приготовить их ко сну. Не всё же поручать бедняге Никасу. И только улыбалась: в их доме привыкли ложиться спать ближе к десяти, когда ночь на подходе, а уже двенадцатый...

Последней она проверила комнату Оноры. Там сидел Никас.

Честно говоря, Аня побаивалась, что после общения с блестящими дамами в доме дина Вилея Никас откажется от мысли взять Онору в жёны. И теперь её сердце дрогнуло, когда она перехватила его взгляд на спящую девушку, прежде чем выйти из её комнаты. Взгляд принадлежал человеку, который принял решение и не собирается от него отступать. Взгляд оценивающий, но в то же время чуть отстранённый.

— Не жалеешь? — напрямую спросила она в коридоре и тут же пожалела сама, что задала вопрос, неправильно сформулированный.

Но Никас понял её недоговорённость.

— Среди тамошней молодёжи были дальние родственники Таегана. Он попросил их познакомить меня со всеми, — сказал Никас бесстрастно, а потом добавил, не меняя выражения отстранённости на лице: — Теперь все знают, что брат дайны Агни помолвлен. Нет, не жалею. Из магической школы, закончив её, Онора вернулась не тем забитым тощим подростком, каким она приезжала на зимние каникулы. Сначала я думал жениться на ней, потому что она и в самом деле, как ты сегодня пошутила, могла бы помочь Сайл и Бридин держать дом в чистоте и в порядке. Тем более у неё не было и намёка на то, что она сумеет сама справиться со своей судьбой. Но, пока я ухаживал за нею в подвале... Это ужасное слово — «ухаживал», когда его говорю я. Каюсь, я был брезглив порой и злился на Онору, что в подвале время от времени (очень редко, но ведь я мужчина!) приходилось мыть её, менять ей одежду... Но однажды Лисса незаметно прокралась в подвал следом за мной, а потом в разговоре с Кристал и при мне назвала Онору «страшной ведьмой». И я вдруг подумал, что Онора вынуждена быть... подавленной. А на самом деле у неё необычный, сильный характер. Вспоминаю, как, будучи привязанной, она рычала на меня, когда ей что-то не нравилось... Связанная, находившаяся в состоянии помрачения, она находила силы сопротивляться мне, хоть это и было бесполезно, если я хотел накормить её или переодеть... Я пробовал представить, какой она бы была, дай ей возможность быть самостоятельной в этой жизни. Мне кажется, она вовсе не мямля. Просто... просто это такие обстоятельства. Такая жизнь. И тогда я перестал играть с мыслью о женитьбе на ней. Но твёрдо решил это сделать. Она не виновата, что вокруг неё люди, которые не дают ей быть настоящей.

— И не виновата в том, что живёт в мире, который этого сделать не поможет, — задумчиво добавила Аня. В начале монолога Никаса она тоже злилась на него — из-за возможного опоздания к Таегану, но спустя пару его фраз поняла, что и это очень серьёзно и необходимо — выслушать Никаса. И улыбнулась брату. — Но теперь у неё появился ты. И у неё ещё есть время стать настоящей.

— Появился, — подтвердил Никас и оттолкнулся от стены, возле которой стоял, прислонясь. — Завтра куплю кольца для помолвки. Спокойной ночи, Агни.

— Спокойной ночи, Никас...

Пока не закрылась дверь в его комнату, она шла спокойно к своей. Но, услышав стук, стремительно бросилась к двери — и буквально ворвалась к себе. Минута на переодевание, минута — на то, чтобы развесить сброшенные вещи по спинкам двух стульев, схватила любимые кожаные тапочки — и, сбросив мягкие домашние туфли, помчалась босиком по коридору, а потом вмиг обулась, ожидая, пока откроется потайная дверца на террасу.

И, только когда бежала по тусклой тропке к ночному озеру, вспомнила, что бросила взгляд на коридорные настенные часы. И ничего из этого взгляда не отложилось в памяти, когда смотрела на них. А сейчас поняла, что у неё почти пятнадцать минут до встречи с Таеганом. Остановилась. Недоверчиво посмотрела на далёкие пока мостки. Пустые. И уже не спеша принялась спускаться дальше, к сонной чёрной воде.

... Привычно за минуты до того, как возвращалась способность говорить, Таеган переплыл озеро и, схватившись за край мостков, одним сильным рывком из воды сел на доски. Аня немедленно укрыла его плечи покрывалом, которое она специально для него прятала в купальной беседке последние несколько дней. Таеган снял рубаху и быстро обтёрся покрывалом.

Только потом он обнял Аню и ласково привлёк её к себе.

Ощущая, как его прохладное после заплыва тело быстро нагревается, Аня счастливо вздохнула. Столько проблем и сомнений сейчас и в будущем!.. Но эти драгоценные минуты на ночном озере восполняют всё!

Она слушала редкие ночью всплески на воде, слушала глубокий пульс то ли свой, то ли Таегана и даже жалела, что нельзя просто так сидеть с ним и долго молчать.

Пора заговорить. Сам он ни за что не начнёт беседу, то ли наивно, то ли суеверно считая, что начать говорить первым — показать слабину.

— И всё-таки — почему я? — спросила она, обнимая его за плечо и наслаждаясь запахами воды и привкусом озёрной тины, холодком обвевающими его разгорячённую кожу. — Я видела, какими глазами смотрят на тебя девушки в доме твоего дяди. Им же всё равно, молчишь ты или нет. Ты в их глазах завидный жених. Так... Почему?

— Много сплелось, — сказал он и со вздохом опустил подбородок на её голову. Она подвинулась ближе и чуть не рассмеялась, когда поняла, что ей хочется мурлыкать под этим жёстким подбородком, то и дело мягко ласкаясь-толкаясь в него, как истово бодается в подбородок и челюсть своего человека разнежившаяся кошка. А он мягко гладил её ладонь, и она чуть и впрямь не размурлыкалась, догадавшись, что он гладит не столько ладонь, сколько её палец с помолвочным кольцом

— Помнишь, во время танца я рассказала тебе об Оноре? Таеган, давай попробуем снять тебе проклятие того храма?

— Онора молода и неопытна.

— Но образы, которые я использовала, чтобы она «вернулась», сработали. Мы можем объединиться. Мы — ты, я и Онора. Она снимет твоё проклятие, а если оно перейдёт на неё, я помогу ей выбраться из магической ловушки. Есть вариант, когда может сработать и только моя магия образов. Таеган, приходи сегодня в обед на озеро. Пока девочки играют в воде, я нарисую образ твоей силы. Может, тогда вообще не понадобится магия Оноры?

— Кто был тот мужчина, которого ты встретила и проводила от ворот поместья? — внезапно спросил Таеган. И отстранился от неё.

До сих пор она прижималась щекой к его груди, слушая, как гулко стучит его сердце... Выпрямилась. Щеке стало холодно.

— Какой мужчина? — не сразу сообразила она. — Что — с воротами поместья?

Переход от деловых мыслей о магической помощи — к какому-то мужчине с воротами был слишком резок, и Аня смешалась, вопросительно глядя на Таегана. И чувствовала себя при этом дура душой.

Таеган не отодвинулся. Он просто как-то так легко снял руку с её плеча — и вот уже нет их двоих. А есть отдельный он и отдельная она. Глядя на чёрное озеро, мерцающее расплывающимися белыми звёздами, он терпеливо повторил:

— Ваши ворота просигналили, что кто-то прибыл, и ты вышла к гостю. Мне показалось, этот человек тебе давно и близко знаком. Вы коротко поговорили, и он спешно ушёл. Уехал.

Вот теперь Аня «въехала». Одновременно вспомнила его вчерашний неозвученный вопрос на озере: «Ты ждёшь гостя, который тебе дорог?» Но открыть рот не успела. Таеган продолжил:

— Для такого короткого разговора вы слишком хорошо друг друга понимали. И... твой муж умер год с лишним назад.

Аня сидела на мостках, слушала его негромкий голос и гадала о постороннем: его странная манера давать факты, чтобы собеседник сам сообразил, чего от него хотят —

появилась не из-за вынужденного ли молчания? И фыркнула: подать ему его же блюдо?

— Помнишь? У дина Хармона есть сестра — дайна Эннис, которая магически отравила меня месяц назад. А ещё у неё на посылках бегают лекарь.

Таеган уловил мысль сразу. И сразу проникся логикой, встревоженно спросив:

— Зачем он приезжал?

— Убедиться, что отравленная умерла, — равнодушно сказала Аня. Её саму до сих пор выворачивала наглость дайны Эннис, пославшей лекаря... А потом мысленно махнула рукой и упрекнула: — Если бы ты прятался в тех кустах, которые растут ближе к воротам, а не дальше, мы бы сейчас не тратили время на пустое выяснение всяких глупостей!

Выпала — и тут же испугалась: спрыгнет с мостков и уплывёт к себе. Чуть не заплакала от страха, что он так и сделает: «Зачем?! Зачем сказала лишнее?! У-у, зловредная баба! Обязательно поддеть надо! И вообще! Радоваться надо, что он ревнует на пустом месте!..» Но Таеган только вздохнул и вновь притянул её к себе. Аня не сразу, но согрелась, уже просто прижимаясь к нему в прохладной ночи.

— Убедиться, что ты умерла, — повторил он хмуро. Некоторое время молчал, и Аня понимала, что молчит он, о чём-то размышляя, а потому не заговаривала сама.

Где-то далеко, ближе к владениям его дяди, дина Вилея, вода громко плеснула. Оба резко посмотрели в ту сторону. Но тишина постепенно устоялась, и они успокоились.

— Времени мало, — негромко сказал он, и Аня сообразила, что он говорит о своём, ночном времени. — Поэтому... Завтра во всех утренних газетах будет отчёт о вечере в доме дяди. Ты, как таинственная отшельница до недавнего времени, будешь героиней этих газет. Будь осторожна. Да, я порой гуляю по твоему поместью, но не всегда могу успеть оказаться там, где тебе нужен.

— Что ты имеешь в виду? — забеспокоилась Аня.

— Лекарь сегодня приезжал узнать, умерла ли ты. Завтра дайна Эннис прочтёт о том, что ты была на вечере. Я не знаю её характера, хотя по попытке убить тебя ясно, что она может приехать в поместье и собственной персоной. И, если она такова, что её ничего не смущает, что она ничего и никого не боится, она может снова попытаться уничтожить тебя. Ещё раз — будь осторожна. Обещай мне.

— Хорошо, — от неожиданности послушно ответила она. — Я буду осторожной.

— Далее. — Он говорил, как полководец перед решительным боем, которого в душе боялся сам, но отступить уже не мог. — Завтра ты попробуешь нарисовать с меня образы. Правда, есть одно «но». Если ты неопытная, то дашь мне только силу. Временную. Что значит — имеющееся на мне проклятие чужого храма может позже прорваться снова. И снова заставить меня молчать.

— И что нужно сделать, чтобы полностью снять его с тебя?

— Онора, — последовал ответ. — Только ты снова должна нарисовать для неё то, что её спасёт от проклятия на мне. Розы.

— А как ты узнаешь, что проклятие может прорваться?

— Я не могу принести сюда зеркало — намочу его, пока переплываю озеро. Если будет возможность, принеси какое-нибудь с собой. Если твои образы дадут мне небольшой шанс хоть на секунды обрести свои силы, я увижу, спало ли с меня проклятие храма. Если проклятие останется, можно будет попросить Онору о помощи. А... пока-а...

Он не сразу понял, что снова заикается, но, сообразив, мгновенно замолчал.

Аня открыла было рот попросить, чтобы он просто посидел рядом с ней, но Таеган

вздыхнул и, поцеловав её, привычно скользнул с мостков в воду.

Она бездумно смотрела ему вслед, а потом тяжело поднялась и только сейчас прочувствовала, как устала. И криво усмехнулась, вспомнив, что хотела поговорить с Таеганом о прошедшем в доме его дяди вечере. И, чтобы убедиться: произошедшее не сон, — взглянула на кольцо, подаренное Таеганом. На месте. То самое кольцо, которое утверждает, что Таеган — её жених, а она — его невеста.

Странно. Он в последнем слове соединил всё то, что она предлагала, но сделал это упорядоченно, да ещё присовокупив зеркало к экспериментам с картинками образов... Он мыслил жёстче, чем она. Схематичней. Но именно это ей в нём и нравилось... Но главное всё же сделано! Он согласился!.. Нет, она представляла и очень хорошо: Таегану, военному, трудно смириться с тем, что приходится участвовать в деле, никем не испробованном. Но своим уменьшающимся временем на возможность речи он загнан в тупик. И этот предложенный Аней эксперимент для него единственный свет впереди.

Но сейчас её больше занимали мысли о другом.

Устала. Не от физической работы, как в своём мире. А от множества вопросов и проблем, которые приходится решать чуть ли не на бегу... Она снова работает изо всех сил. Снова на семью, в которой снова неродная — по духу, разве что по занятому телу... Но в этой семье она главная. Старшая. И здесь все зависят от неё. И она уже так привыкла к членам этой семьи, что уже и жизни себе не представляет без них...

Хватит впустую сидеть на месте...

Аня нехотя поднялась и побрела к тропинке, а потом — к дому.

... Она проснулась занемевшая от неудобной позы и, не увидев сразу, где спала, даже испугалась. Но со стоном разогнув руки, на которых тяжелела голова, разглядела, что сидит за столиком, прячущимся за стенами библиотечных стеллажей. А руки свои осторожно подняла от раскрытого рукописного фолианта дина Хармона.

Вздохнула и зевнула. Полночи читала, пытаясь воспринять информацию. Вроде получалось. Во всяком случае, Аня нашла ответы на парочку вопросов по своему дару. Первый ответ: дин Хармон был довольно зол, когда писал о том, что её дар мага образов и в самом деле неустойчив и, бывает, пропадает в самый неподходящий момент. Теперь стало ясно, почему картонка с первой розой, начертанной чёрным карандашом, не сразу обрела нужную силу-сияние. Второй: картинки с неприятным отсветом и в самом деле не должны находиться рядом, потому что в них иная сила. То есть должна быть определённая система расположения картинок. И видеть её может только опытный маг. Аня утешилась тем, что она хоть что-то видит, хоть и не сразу.

«Плохая же из меня студентка, — уныло подумала она, выходя из секретной комнатки, — если так плохо запоминаю данный мне материал. Или это потому, что раньше учиться не научилась? — И вздохнула, вспомнив, как резко отказали ей «родители», когда она вслух помечтала поступить в университет. Закрыла за собой библиотечную дверь и приободрилась: — Да ну!.. Скорей — ночь было трудная, а ещё — может, у меня память избирательная? Мне же сейчас нужно было узнать вот эти две информации — и вот их-то я и запомнила!»

Взгляд на часы — и Аня заторопилась в кухню. Но, преодолев половину гостиной, встала на месте, как вкопанная. Сайл и Бридин ещё спят — и будут спать, как минимум полчаса. Воровски оглядевшись, Аня с трудом подняла зеркало, высотой в полметра, солидно стоявшее до сих пор на одном из столов гостиной. В каменной оправе, оно было

очень громоздким и тяжёлым.

Через десять минут она пыхла, таща зеркало по тропке к купальной беседке. На полпути к ней Аня опять резко встала. Нельзя прятать зеркало именно в беседке! Она и Таеган хотят тайком провести первый эксперимент. А если Онора снова сядет у беседки? Тогда утаить задуманное не получится. Поставив зеркало у своих ног, Аня встревоженно осмотрелась. Ага! И снова потащила неудобный груз — уже к мосткам. Поставила его на середине досок, не очень плотно пригнанных друг к другу, и встала на колени, пытаясь рассмотреть в щель между ними, что там, внизу.

Спустя минуты Аня, отдуваясь от кратковременной, но значительной тяжести, уходила по тропке к дому. Зеркало было спрятано под первым слоем досок мостков.

После завтрака она, провожая Никаса и мальчиков на работу, спросила:

— Я читала в журналах статьи о богатых семьях. Но на вечере слышала, как люди говорят о том, что посетителей вечеров обычно перечисляют в светской хронике. Это так?

— Именно, — расплылся в улыбке Никас. — Я сегодня обязательно привезу из города все газеты, в которых будет написано о вечере у дна Вилея.

Он взглянул через плечо Ани и радостно улыбнулся. Не оборачиваясь, она поняла, что на крыльцо вышла Онора... Вскоре рядом с домом стало пусто... Аня медленно пошла к дому... Размышляла обо всём подряд, пока не поняла, что пришла пора жёстко действовать.

Говорите — ворота подчиняются дайне Эннис? Что она может легко пройти их, не прилагая усилий? Странно поступил дин Хармон, если вспомнить, что он не очень любил свою сестру... Аня нехотя ухмыльнулась: не потому ли он её недолюбливал, что видел в ней отражение собственной алчности и жадности?

— Ты глядишь так, будто тебе больно, — сочувственно сказала Кристал, стоявшая рядом с Онорой. — Тебе не понравилось на вечере?

— Нет, с вечером всё прошло хорошо, — отстранённо сказала Аня.

— Ты нам расскажешь, как всё было?

— Расскажу, но сначала, Кристал, ты покажешь мне, где можно взять большой и тяжёлый замок. С ключом, разумеется.

— Что? — удивилась девочка, и даже Онора подняла брови на неожиданную просьбу хозяйки поместья.

— Мне нужен самый большой замок, который только можно найти, — твёрдо сказала Аня и повернулась к конюшне. — Кристал, как ты думаешь, в конюшне такой найдётся?

И они с интересом бросились к конюшне, потому что Аня боялась опоздать, а «девочки» были здорово заинтригованы новой задумкой старшей сестры. Лисса, с крыльца заметив, что все бегут куда-то, с радостным писком бросилась следом.

Пока Кристал и Лисса увлечённо рылись в комнатухе, где были собраны всякие вещички для ремонта конюшни, Аня как бы случайно оказалась рядом с Онорой.

— Дайна Эннис знает о тебе? — вполголоса спросила она о том, что однажды спрашивала у старушек служанок.

Девушка аж подпрыгнула от неожиданности — так бесшумно приблизилась к ней Аня. Но, отдышавшись и прекратив разбирать кучу ременных упряжей и сёдел, Онора успокоила дыхание и тоже негромко ответила:

— Отец говорил — не знает. То есть... для неё — я ученица при нём. Помощница.

— Дайна Эннис, возможно, приедет сегодня, — предупредила Аня. — Когда услышишь сигнал ворот, не выходи из дома.

— П... почему?

— Она видит. Не знаю, почему, но мне не хотелось бы, чтобы она знала о тебе, как о мастере, снимающем проклятия.

Девушка порывисто вздохнула и чуть было не опустила руки, но спохватилась и снова начала искать то, что необходимо Ане. А Аня тронула её за плечо.

— Онора, я сумею тебя защитить, но не показывайся ей на глаза, — повторила она.

— Спасибо, — уже прошептала испуганная девушка.

Аня отошла от неё, но некоторое время приглядывалась к ней, гадая, стоит ли задавать ещё парочку вопросов, не испугает ли её этим. Не выдержала, подошла.

— Онора, а ты видишь? Пару раз ты вроде показала своё умение видеть, но...

— Что вы хотите узнать, дайна Агни?

— «Ты», Онора. Называй меня Агни — и на «ты», — улыбнулась Аня. — А спросить я хотела вот о чём. Видно ли издали, что я маг образов?

Девушка добросовестно осмотрела её и покачала головой.

— Ваши кольца и другие украшения скрадывают ваши знаки мага.

— Спасибо, Онора.

— Агни! Агни! — обрадованно закричала Кристал. — Посмотри, что мы нашли!

И в комнатухе загремело что-то металлическое и даже на звук очень и очень тяжёлое. Девушки мгновенно поднялись и побежали смотреть, что нашли младшие.

— Ух ты... — проговорила Аня, с трудом выволакивая из кучи металлолома впечатляющий своими размерами замок с тянущейся за ним увесистой цепью.

Через несколько минут все четыре «девочки» тащили к воротам этот жуткий замок. Как Аня, так и остальные отказались даже представить себе, от чего мог быть такой замок, да ещё с цепью. Зато поупражнялись в фантазии:

— Дин Хармон приковал к дому какого-то страшного великана! — таращила глаза, наверное видя всё в воображении, и не сомневалась Кристал.

— А если у него была лодка? — колебалась с задумками Онора. — И он её держал на этой цепи у купальной беседки?

— Такой цепью дракона ловили, — пыхтела Лисса, — я помню, что в сказках драконы были. А вдруг один такой тут жил? Его поймали — и он жил...

Малышка вдруг остановилась и удивлённо посмотрела на подвальную дверь, прятавшуюся в зелени, но с этого места едва-едва, но видную. Аня внутренне замерла и мысленно попросила Лиссу не вспоминать о «страшной ведьме». А если Онора поймёт, о ком речь? Как минимум — огорчится... И она громко сказала:

— Лисса — молодец! Я тоже думала про дракона! Его, видимо, держали недалеко от купальной беседки! Или где-нибудь в саду!

Дотавив замок с цепью до ворот, отпустили металлолом на землю, и Аня, вытерев пот с лица, злорадно сказала:

— Девочки, вы можете идти отдыхать! Я сама закрою ворота!

— Зачем?! — поразилась Кристал.

— Возможно, сегодня к нам с визитом явится дайна Эннис, — фыркнула Аня. — Я вчера отвергла её предложение прийти на её приём, зато побывала у дина Вилея.

— И ты... не боишься?! — с восторгом и ужасом спросила девочка.

Онора тоже со страхом смотрела на Аню.

— Чего бояться? — усмехнулась она, мысленно возблагодарившая свою память и дина

Хармона за оставленную им рукописную книгу. — Ворота заговорённые — меня защитят. Если я останусь с этой стороны. А дайна Эннис не сумеет открыть ворота, потому что они... на замке!

— Замечательно, — удивлённо сказала Онора. — Противостоять металлу она не умеет! Я помогу тебе, Агни!

Они потратили много времени на то, чтобы не только поднять замочище и просунуть его дуги за прутья двух створ, но и обмотать, насколько это возможно с их-то силёнками, цепь вокруг прутьев — уже понизу ворот.

Потом все «девочки» стояли перед воротами и, открыв рты (не хватало воздуха) и тяжело дыша, любовались на внушительную защиту из великанского замка и гигантской цепи — на последнюю Аня смотрела с недоверием: неужели они её не только поднимали, но и манипулировали ею?! Жуть жуткая...

Лисса заговорила первой — почтительно:

— Эта дайна похожа на дракона?

— Огнедышащего! — подтвердила Кристал.

— А как же Никас?! — испугалась малышка.

— Никас дракона не боится! — пренебрежительно отозвалась Аня. — И он посильней нас — эту цепь разматает легко.

Кристал взглянула на неё оценивающе: посмеивается? Аня покачала головой:

— Если что — рядом с Никасом будут мальчики. Это не наши дамские ручки! Ну, девочки, сил моих дамских больше нет! Пора идти отмываться от грязи, отдыхать и готовить обед. А если время останется, ещё и кукол пошить надо бы...

— А может, отдохнём, пока кукол шьём? — робко предложила Онора, с уважением глядя на Аню: кажется, она решила, что хозяйка поместья, возившаяся с цепью больше других, и устала больше, но не хочет говорить о том.

— Если захотите, я возражать не буду! — засмеялась Аня.

Пока подошли к крыльцу, её уговорили сбегать на озеро: зачем тратить воду в доме, когда есть возможность вымыться в своё удовольствие, да ещё и поплавать?

Идея оказалась замечательной. Аня тайком проверила, как «поживает» зеркало, припрятанное для Таегана под мостками, а заодно помечтала, что он, завидев их всех на озёрном берегу, появится и сам. После того, как они все отмоются от грязи пополам с ржавчиной, разумеется. Но Таеган, видимо, запомнил, что «девочки» в основном приходят ближе к обеду или сразу после, и так и не показался...

Они вернулись в дом, взбодрившиеся, и разбежались: Аня поспешила на кухню, а остальные — в её комнату. Проверяя сегодняшние кастрюли на состояние чистоты, Аня усмехнулась: а ведь неподалёку от комнаты Оноры пустует ещё несколько комнат. Может, ближайшую как раз и приспособить под кукольную мастерскую? Все вещи и предметы, включая орудия труда, можно перенести прямо сейчас, то есть после обеда. А что? Удобно. И девочкам понравится переезд — ещё одно махонькое, но приключение.

Погрузив все продукты в кастрюлю с водой, она уменьшила огонь под плитой, разворошив поленья и отодвинув те, которые только-только начинали тлеть огнём. Затем велела старушкам служанкам присмотреть, чтобы огонь не гас, а сама поспешила к себе.

Мелодия ворот, с диссонирующими нотками, поймала её в гостиной.

Застыв от неожиданности: ничего себе — как быстро сбылось их ожидание! — Аня оглянулась на лестницу. Привлечённые сигналом ворот, выскочили и девочки.

— Не выходите, — суховато напомнила она и твёрдым шагом направилась из дома.

Она шагала по дороге к воротам спокойно и даже слегка горделиво — так, как предполагала, должна ходить хозяйка такого большого поместья. И никто бы не сообразил, что внутренне она спорит сама с собой: а если не стоит выходить? Вот было бы здорово, если бы Таеган и сегодня гулял по её поместью! Услышал бы зов ворот — и прибежал бы — не помочь, так хоть сил придать!

«Что это ты? — презрительно спросила она себя. — Настолько боишься этой тётки, что ждёшь помощи со стороны? Справляйся сама! Ты ведь в этом мире тоже не последняя фигура, судя по твоему дару! Так соответствуй ему!»

Чем ближе подходила, тем отчётливей слышала, как вместе с дёрганой мелодией ворот раздаётся кошмарное гроыхание и лязганье. Уже не столько заведённая собственными мыслями, сколько заинтересованная, она прошагала ещё немного. И остановилась. И расхохоталась во весь голос!

Разгневанная (и в самом деле!) тётка — высокая сухопарая женщина, несмотря на палящее солнце одетая в чёрном платье, крепко схватившись за прутья ворот, трясла их изо всех сил, издавая при этом яростные, но невнятные вопли! Вокруг женщины бегал ошарашенный лекарь и, кажется, пытался успокоить её.

Аня спокойно подняла руки и сложила их на груди, насмешливо наблюдая за этой сценой. Вопли мгновенно стихли.

Аня шагнула ближе, на расстояние, когда её могли без усилий расслышать за воротами, и уже бесстрастно велела:

— Вон отсюда!

С самого начала жизни в этом мире Аня удивлялась, почему Никас не привлёк полицию или ещё какой-нибудь здешний оплот правопорядка к расследованию магического отравления Агни. В юриспруденции Аня не разбиралась, но сообразила, что дайна Эннис поступает как матерый уголовник: внаглую пытается убить человека, чтобы получить выгоду. В конце концов, это же уголовное преступление! Но сейчас, при взгляде на то, как беснуется за воротами дайна Эннис, Аню озарило: полицию привлекать к этому делу нельзя. Ни в коем случае. Если полицейские и занимаются расследованием таких преступлений, значит, в ней служат очень сильные маги. Они бы сразу увидели и оценили дар Агни. Потом обследовали бы дом дина Хармона и в подвале нашли бы Онору — начинающего мага, снимающего проклятия.

Нет, Никас, конечно, рисковал здоровьем Агни и Оноры, но, с другой стороны, старался сделать всё, чтобы обе девушки не стали заложниками государства. Или пленниками. Хотя и в комфортных условиях... Газеты в своём мире Аня редко, но читала. Фильмы тоже смотрела. Иногда в них мелькали истории о людях с необычными способностями, которых государства привлекали к себе на службу. Редко — чисто добровольно. Чаще — шантажом. И судьбе их точно завидовать не хотелось... А тут — женщина. Мало того — почти не жившая собственной жизнью девушка.

Женщина в чёрном, замолчавшая при виде Ани, медленно опустила руки. Но потом так жадно схватилась вновь за прутья ворот, так стремительно сунула нос в зазор между ними, словно хотела немедленно что-то выкрикнуть. Но, вместо крика, вперилась пронзительным взглядом в хозяйку поместья — и, изумлённая, Аня ощутила, что её чувствительно сносит с места. Нет, преувеличение, конечно, но что в грудь толкал словно бы ощутимый ветер — это она точно почувствовала.

А вот в следующее мгновение она безотчётно вскинула руки перед собой: дайна Эннис прижала своё лицо к прутьям так, что её щёки расплющило, и её большой рот, кривящийся со злости, всё-таки выплюнул скороговорку совершенно непонятных, таинственных слов. Громко и агрессивно.

Аня даже не успела подумать, что в этой ситуации ворота не сумеют её защитить от явного заклинания дайны Эннис. И даже смешно поднимать перед собой руки, приседая, чтобы... не попало.

На чистом инстинкте Аня решила, что это слова дайны Эннис полыхнули перед ней так огненно, что ослепили на мгновения...

Сначала Аня заслонила руками от страшных слов, летящих между прутьями ворот в её лицо. Потом чуть не шарахнулась в сторону от огромного огня, выросшего меду нею и воротами. Но инстинкты заставили лишь отшатнуться — всё с теми же наивно и глупо вздёрнутыми к лицу ладонями. Глупо, потому как пламя яростно гудело прямо перед ней — в шаг!

В пылу стремительно следующих друг за другом невероятных событий, в пылу слишком сильных впечатлений, когда думаешь... нет, думать Аня тоже не успевала. Она только и могла, что непроизвольно вскрикивать... И, лишь когда поняла, что огонь продолжал слепить её, но не обжигал, внезапно почувствовала, что левая рука постепенно отяжелела и продолжает тяжелеть далее, будто её пальцы кто-то ловкий, как фокусник, не сразу, но

равномерно унизывал гайками — или торговые гириками, которые когда-то использовали в её мире деревенские продавцы, взвешивая товар... Аня опасно, всё ещё не опуская рук, хоть и с трудом держа их на весу, выглянула посмотреть, что происходит.

Дядя Таегана — артефактор! Наверное, именно к нему обратился Таеган, когда искал или нашёл кольцо для помолвки!

Это оно тяжелело на её безымянном пальце, пригибая руку, вынуждая опустить её!.. Боковым зрением в просветах между ладонями Аня уловила, что вокруг неё, повсюду, продолжается безмятежный летний день. И только, даже сквозь закрытые веки видимый, продолжает гореть перед ней, не допуская к ней направленную силу злобных слов дайны Эннис, огненный щит.

... Потихоньку зрение приноровилось к ослепляющему кругу.

Полностью открыв глаза, Аня, всё ещё ошеломлённая мощью огня, бездумно следила, как щит постепенно становится прозрачным и уже не давит на глаза, зато словно тает в спокойном солнечном свете.

Уже сквозь призрачно-огненный щит Аня разглядела, что дайна Эннис всё ещё стоит за воротами — сейчас, правда, гораздо дальше, чем прежде. А лекарь в чёрном сюртуке вообще жмётся ближе к ландо, явно готовый в любой момент заскочить в средство передвижения и удрать подальше, изо всех сил нахлёстывая лошадей.

Когда огненный щит совсем пропал, Аня, оставаясь на месте, с трудом подняла поневоле опущенную руку, показывая кольцо, и сухо сказала:

— Я помолвлена. Мой будущий муж — сильный маг.

Очень надеялась, что для дайны Эннис последние слова прозвучат не столько намёком, сколько прямым предупреждением.

Но та оказалась то ли слишком самонадеянной, то ли настолько патологически жадной, что с ненавистью завизжала:

— До того как ты станешь его женой, есть ещё время!

«Ну и тётка! — в очередной раз изумилась Аня. — До неё даже не дошло, что несостоявшийся муж может отомстить?! Так зациклилась на моей смерти... Ну-ну...»

Подумав и «полюбовавшись» на продолжавшую бесноваться за воротами (к ним она уже не подходила) дайну Эннис, она решилась. Шагнула к воротам сама и вполголоса, чтобы слышала только «эта тётка», которая от её неожиданного приближения замолкла, произнесла (получилось мрачно и зловеще):

— Дайна Эннис. Вы же умный человек. Вы знаете, что ваш брат, дин Хармон, тоже был умным и... (чуть не сказала — тоже жадным) рачительным хозяином. Так вот. Вы хоть раз задумались о том, почему очень умный и рачительный дин Хармон вдруг решил жениться на нищей сиротке, у которой за душой гроша ломаного не было? Никогда не задумывались о том, почему в первую же встречу с ней он немедленно сделал сиротке предложение, боясь, что другие опередят его? А когда она отказала, добивался её до тех пор, пока она не согласилась? Вы умный человек, дайна Эннис, — повторяю. Вы же не поверите, что такой человек, как ваш брат, может полюбить, как обыкновенный человек. И повторяю в другом: вы никогда не задумывались над тем, кто я? Особенно в свете того, как легко я выжила после вашей магической отравы!

Дайна Эннис сузила глаза, быстро и пронзительно разглядывая Аню, чтобы определить её дар, а потом громко застонала от ненависти и досады: магические определяющие знаки Ани закрывала «ювелирка» дина Хармона! Стон оборвался хрипловатым шипением. Будто

крыса, только-только добравшаяся до вожделенного куска сыра, вдруг обнаружила, что тот лежит внутри металлического ящика!

Она попятилась — медленно, так напряжённо, словно готовясь вновь броситься на ворота, сегодня абсолютно недоступные для неё из-за какого-то ржавого замка великанских размеров! Пятилась ссутуленная, что ещё больше добавляло к впечатлению, что она отступает для разбега... И внезапно выпрямилась, размяла плечи и развернулась к своему ландо...

Лекарь суетливо подал дайне Эннис руку, чтобы помочь ей подняться в ландо и посадить на кресло внутри этого щеголеватого средства передвижения. Не глядя на него, но воспользовавшись его рукой, дайна Эннис свергнутой королевой взошла в ландо и уселась — спиной к поместью дина Хармона.

Ландо помчалось по дороге так, словно за ним гнались.

А Аня, чувствуя себя опустошённой, дышала ртом, не веря, что выстояла.

Наконец первая мысль пробилась в болезненно тяжёлой голове. Мысль словно изумлённая: «Я справилась?.. Я справилась! Я сумела сама ей противостоять!» Странно, но Аня почувствовала гордость, только когда соединила себя с Таеганом: «Я справилась! Я — будущая жена военного мага! Я тоже боевой маг! Видел бы Таеган!.. Как я ей...»

И хлопала глазами, посмеиваясь над собой: «Как я ей... Тоже мне — нашла чем хвастать! Но Таеган мной бы гордился! Придёт сегодня — я расскажу ему! Пусть... посмеётся! Ведь это смешно: столкнулись две курицы — и раскудахтались, кто сильнее и умней, да ещё пыли ногами друг на друга напылили... Вот я дура-то... — вдруг охнула она мысленно. — А если она в следующий раз привезёт с собой кого-нибудь, кто сумеет пробиться сквозь защиту дина Хармона, чтобы разглядеть, кто же я, если могу сопротивляться, да ещё и грозить?! Натравит на меня королевских стражников — или кто тут ещё... И тогда она легко получит свой дом и выкинет из него моих братьев и сестёр... Пусть только попробует! — обозлилась она, будучи на взводе. — В первый раз я в одиночку сразилась с ней! А во второй — со мной рядом будет Таеган!»

И медленно повернулась идти домой, внезапно озадаченная ещё одной мыслью: то, что маг образов работает с картинками, дающими силу, она уже знает. А есть ли у такого мага умение... с другой стороны? Ну, например, отнимать силу?

Всё ещё шагая, она сжала голову ладонями, стараясь упорядочить мысли, а заодно убрать тягучую боль, которая начала обхватывать голову. Шла по дороге и глядела на зелень, которая переливалась солнечными бликами и звонкими птичьими голосами, и думала о том, как быстро она приняла, что в мире может быть реальная магия. А раньше-то о магии если и думала, то лишь как о волшебстве или колдовстве.

Глупые суматошные мысли лезли одна за другой. «Я подумала — мои братья и сёстры? — снова недоумевала она. — Но Онора и Лисса... А чем они тебе не родные? Родные, конечно. Я для них старшая сестра — и точка!»

Чуть закончились кусты, закрывающие от неё крыльцо дома, приглядевшись, Аня заметила, что входная дверь в дом приоткрыта и что в щель виднеются чьи-то любопытные носы. А когда владельцы этих носов завидели хозяйку поместья, на крыльцо немедленно высыпали «девочки». У Ани дрогнуло сердце: Кристал и Лисса — держались за руки Оноры! Ну, ладно — Лисса. Но ведь Кристал в экстремальной ситуации тоже приняла Онору в качестве члена семьи! Аня чуть не расплакалась от умиления, готовая тут же расхохотаться от собственного порыва. «Хватит сентиментальничать! — велела она себе. — На плите

готовится обед — не забыли ли о нём мои бабульки?»

— Что она сказала?! — выпалила Кристал, а потом округлила глаза: — Она в тебя огнём ударила, да?! Ты сумела отбить? Как?!

— Огнём ударила я, — спокойно ответила Аня, хотя внутри всё тоже торжествовало. — Она пыталась в меня новым заклинанием бросить. Пришлось ответить!

— Агни! Ты такая сильная, — с уважением оценила Онора.

— Хватит бездельничать, девочки! — скомандовала Аня. — У нас есть лёгкая и приятная работа, в результате которой мы можем снова получить хорошие деньги! Бегите в мою комнату и работайте. Я проверю, как там, на кухне, и тоже прибегу. Сегодня мне никуда не надо, так что мы многое успеем сделать!

Галдя от возбуждения, девочки помчались на второй этаж.

А Аня и правда сбегала на кухню, определила, что варево на подходе, и начала готовить в столовой зале обеденный стол. Сайл бегала за ней, привычно шаркая ногами по полу, пока помогала оправлять скатерть на длинном столе, а Бридин осталась на кухне — резать испечённый вчера хлеб.

Наконец Аня уверилась, что к обеду всё готово, и поднялась на второй этаж.

Оглядев деловую суету, она спросила:

— Как вы думаете, это хорошая идея — сделать кукольную мастерскую в другой комнате? Мне кажется, в моей — места мало. И вообще... В отдельную комнату можно будет приглашать заказчиц, а у меня всё-таки... личных вещей здесь много. Что думаете?

— Ну-у, здесь уютно, — огорчённо пробурчала Кристал, оглядывая её комнату.

— Плохие же мы хозяйки, если в каждой комнате не сумеем создать уют! — засмеялась Аня. — А если в мастерской мы сделаем ещё более уютную... атмосферу? Что — не соберём нужных кресел и диванчиков? Не найдём столиков и красивых для них вещичек? Открытого шкафа с широкими полками, чтобы посадить на них наших красавиц? Мне кажется, можно придумать столько красоты для мастерской, что любой дамский журнал позавидует нашей комнате! А потом заказать нашим мальчикам нужные нам материалы и инструменты, благо теперь деньги появились!

И они пошли по пустым комнатам искать мастерскую. Удивлённая Кристал признала, что идея отличная — с новым помещением. А Онора шла за всеми с каким-то недоумением заглядывала в открываемые комнаты, но посматривала в основном на Аню. В какой-то момент она оказалась близко к Ане и быстро прошептала:

— Раньше я так боялась тебя... Но теперь... — И сжала ей ладонь.

«И что такого ты боялась в Агни? — задалась вопросом Аня, ободряюще улыбаясь ей. — Знать бы ещё, какой была Агни до отравления. Неужели гораздо... более иной, чем я сейчас? Но в каком смысле?» Любопытства не сдержала.

— Онора, я уже говорила — прошлое помню плохо. Чем я так пугала тебя?

— Ты... была очень строгая, — прошептала Онора и юркнула в комнату, которую обследовали младшие девочки.

«Что она имела в виду? — задумалась Аня, наблюдая, как все три девочки ходят по комнате и прикидывают, что и где можно поставить. — Неужели та Агни тоже обращалась с ней, как... с бастардом? — вспомнила она старинное название незаконнорожденных детей. — Если так и было, то жаль, что Агни была такой. Хотя...наверное, трудно пересилить в себе отношение к таким детям, если оно навязывается с детства. Но Никас-то сумел измениться... Впрочем, что сейчас рассуждать об этом?.. Надо жить дальше».

Она напомнила увлѣкшимся «девочкам», что пора обедать.

За обедом, во время которого бабульки сбежали в свою комнату, Аня спросила:

— Онора, тебе сегодня взять рубашку для купания? Или пока рано?

— Почему рано? — возмутилась Кристал. — Пусть не плавает, но на берегу мы сможем поиграть в догонялки!

«Хм, Кристал суток хватило, чтобы победить своё предубеждение...»

— На берегу — согласна, — сказала Аня. — Значит, рубашку берём, а ты, Онора, смотришь, как тебе будет легче, и отсюда решаешь, стоит ли заходить в воду.

— Агни, а как же братья? — вдруг вспомнила Кристал. — Они приедут, а ворота-то закрыты! Или мы до этого времени успеем убрать замок?

— Пусть сами снимают, — снисходительно сказала она. — Мужчины ведь. А заодно пусть подумают, что сделать, чтобы дайна Эннис не врывается к нам неожиданно.

— Дай мне лепёшку, — потребовала Лисса у Оноры, которая сидела напротив декоративной корзинки с хлебом.

Кристал что-то начала рассказывать о братьях, Аня рассеянно слушала, составляя в уме список дел на послеобеденное время. А потом забыла обо всём, перехватив взгляд Оноры на малышку. Девушка не умела прятать эмоций — тем более если увлекалась чем-то. Это Аня замечала уже не раз. Сейчас Онора сосредоточенно разглядывала Лиссу — так внимательно, что даже Кристал увидела и замолчала.

— Что ты видишь? — не выдержала Аня.

Онора вздрогнула и виновато посмотрела на хозяйку поместья.

— У этой девочки в ухе есть магическая... магический... Не знаю, как назвать! — чуть не с отчаянием выпалила она. — Но я вижу, как колышется магическая волна вокруг её ушка! Если бы можно было посмотреть...

— Так, сейчас дообедаем и сразу посмотришь, — распорядилась Аня. — Едим спокойно и не торопясь! — смеясь, велела она, когда Онора и Кристал накиннулись на содержимое своих тарелок.

Те только глянули исподлобья и рассмеялись тоже.

Ничего не понявшая Лисса уплетала обед просто с удовольствием.

Для похода на озеро собирались обычно в гостиной. Лиссе скомандовали сидеть в кресле и сторожить вещи, заранее приготовленные для игр на берегу. Когда удивлённая малышка спросила, от кого их надо сторожить, ей напомнили, что недавно приезжала злая тётя, от которой с трудом защитилась Аня.

А чтобы нестрашно было сидеть в гостиной, ей предложили в помощь Онору. Лиссе Онора всегда нравилась, так что малышка потеснилась в кресле, чтобы уместиться вместе с девушкой. Так Онора получила удобную возможность обследовать ушко Лиссы и уже через пять минут сообщить, как найти её родных.

— И как? — ахнула Кристал.

— У неё в ушке — точнее, за ним, — маленькая серёжка, а на ней — сторожевой знак дома, где она живёт. И где живут её родные. У этого знака отличительный рисунок. Я могу нарисовать его, а Никас попробовать найти нужный дом.

— Я тоже ничего не поняла, — призналась Аня в ответ на отчаянно вопрошающий взгляд Кристал.

— Многие дома на входной двери имеют собственный знак, — объяснила Онора. — Этот знак потом маги используют в артефактах, которые незаметно для маленьких детей

пристраивают где-нибудь у них на теле — там, куда малыш не дотянется, или делают так, что он просто не узнает, что у него что-то есть на теле.

«Странно, — усмехнулась Аня. — Похоже на чип из нашего мира».

Они договорились, что Онора, как только будет время, нарисует этот знак и отдаст Никасу. Тот ведь в городском суде работает, а там люди знающие.

Спускаясь по тропке к озеру, Кристал пожаловалась Ане:

— В последнее время столько дел! Мы ничего не успеваем!

— А так всегда бывает, когда начинаешь чем-то заниматься, — отозвалась Аня.

— Ты хочешь сказать, что мы начали шить кукол — и поэтому другие дела начались? — не поверила девочка.

— Говорят, когда ты начинаешь заниматься чем-то новым для себя, вокруг начинается движение и других дел.

— Да-а... — Кристал задумалась. — Тут и куклы, и Онора, и Лисса.

— А ещё деньги! — подхватила улыбающаяся Аня. — Вот купят братья себе костюмы, чтобы ходить в школу, как все. Будут там наравне со всеми. Тогда ещё другие дела начнутся — вот увидишь!

— А откуда ты это знаешь? — заинтересовалась девочка. — Неужели из дамских журналов? Никогда бы не поверила!

— И не верь, — спокойно сказала Аня. — Это знание я нашла в библиотеке дина Хармона. Там много книг. Скажу честно: я не все прочитала, потому что их много. Но кое-что читала-таки и запомнила. И там было именно это: одно новое дело тянет за собой десятки новых дел.

— Одно новое дело тянет... — прошептала Кристал, кажется собираясь запомнить необычную для себя максиму. — Агни, а мне можно будет пользоваться книгами этой библиотеки? А Оноре?

— Онора уже пользовалась, — вспомнив, как девушка попросила открыть ей библиотеку, чтобы взять какие-то книги для чтения, ответила Аня. — Но сначала пусть Онора научит тебя азам магии, пусть чуть позже ты узнаешь, какой дар в тебе скрывается, а уж потом будет магическая школа и библиотека.

Девочка только вздохнула от избытка чувств.

А Аня неожиданно для себя стала серьёзной.

Что-то она сейчас сказала важное. Но что?

Скрывающийся дар.

Магический дар...

Ужас...

Что сказал Никас, когда ему дали первые деньги на продукты? Он попросил прощения за то, что купил... Аня похолодела, не желая вспоминать далее. Он купил карандаши и бумагу, на которой здесь рисуют! И сказал... Сказал что-то вроде: «Помнишь — мы раньше, в детстве, рисовали?» Рисовали все дети семейства!

А Кристал сказала, что у неё дар неустойчивый.

Почему дин Хармон не проверил картинку остальных детей семейства?!

Аня со страхом посмотрела на тёмную макушку Кристал.

Неужели все дети — возможные маги образов?! Все?! И Кристал, и братья-двойняшки, и Никас?!

Но почему в магической школе в магической определяющей мальчиков никто не

разглядел этого дара? Всё дело в его неустойчивости?

Благо что шли рядышком, Аня старательно ровно спросила у Кристал:

— Напомни: какой дар у наших мальчиков?

— Определённого нет, — почти легкомысленно ответила девочка. — Есть универсальные задатки — их и развивают. Ничего особенного.

Ане захотелось вытереть пот со лба. Ой, ничего себе — «ничего особенного»! И что теперь делать с этим открытием? Сказать Никасу! Пусть она ошибётся, но ведь, как взрослый, Никас должен знать какие-то, скажем так, тесты, чтобы определить магический дар. Да, так будет лучше. Хотя бы в том, что это эгоистично. Пусть и старший брат помучается, раздумывая над озарением сестры! Не одной же ей сомневаться и страшиться за младших!

Машинальный взгляд на противоположный берег — и у Ани от счастья перехватило дыхание: тёмная фигура стояла в зелёных зарослях, и не собираясь прятаться.

— Там кто-то есть! — обеспокоенно воскликнула Онора, тоже вглядываясь на чужой берег.

— Не бойся, — снисходительно сказала Кристал. — Это дин Таеган, к которому вчера на вечер ездила Агни.

Аня хотела возразить, поправить: не к дину Таегану, а к его дяде! Но... Кристал неумышленно попала в точку, а потому Аня расцвела тихой улыбкой, стараясь спрятать её ото всех, отвернувшись. Тем более подошли к купальной беседке, и Лисса первой с радостным писком помчалась к знакомой дверце... Прежде чем Онора вошла в беседку переодеться, Кристал строго рассказала ей, как надо разговаривать с дином Таеганом, который пострадал от проклятия чужих земель, и Аня отметила заинтересованный взгляд девушки на подплывающего к берегу мужчину. Взгляд заинтересованного профессионала, который с трудом скрывает жажду посмотреть на то, что является для него материалом, весьма интригующим и требующим изучения. Что с неё возьмёшь — с мага, снимающего проклятия? Конечно, ей интересно.

Вскоре Таеган переплыл озеро. Аня по ночной привычке чуть было не подбежала к нему, но пришлось быть сдержанной. Зато и Таеган с досадой опустил глаза — и это его движение чуть-чуть, но успокоило Аню: он переживает то же самое!

Его познакомили с дайной Онорой (у девушки были огромные глаза, когда она слышала про дайну), потом Аня «милостиво» отпустила «девочек» поиграть возле прибрежных волн, а сама устроилась на мостках, куда затем присоединился и Таеган. С гостем-то обычно для беседы остаются старшие, вот Аня и воспользовалась правом посидеть с Таеганом отдельно.

— Таеган, я принесла зеркало, — негромко сказала Аня и посмотрела в расщелину между досками.

Таеган с любопытством глянул туда же и сдержанно усмехнулся: «Ловко ты придумала!» Но его лёгкая улыбка не обманула. Он был очень напряжён и часто поводил плечами, видимо стараясь успокоиться перед предстоящим экспериментом.

— Ну что? Начнём? — встревоженно сказала Аня. — Девочки будут долго носиться по берегу, нам не помешают. Только напоминаю, что у меня дар не всегда срабатывает сразу.

Таеган кивнул: «Помню».

Она отсела от него на полтора метра и положила перед собой разрезанный на несколько картонок лист, взятый из библиотеки. Видимо, дин Хармон покупал картон своей молодой

супруге в больших количествах, пока учил её. Сколько понадобится карточек — Аня не знала. Поэтому взяла пачку потолще. Рядом, чуть сбоку, Аня положила карандаши. Отдельно — чёрные, отдельно — цветные.

Таеган стукнул по доскам пальцем. Сначала Аня не поняла, что он хочет или о чём он спрашивает. Дошло: «А что делать мне? Как я должен сидеть?»

Вспомнив полуобморочную Онору, рядом с которой она заполняла чёрные линии роз, Аня предложила:

— Сиди и смотри на озеро.

Он кивнул и повернулся к воде. Слегка постукивал пятками о бревно мостков и задумчиво смотрел на поблёскивающую воду, время от времени всплёскивающую о дерево мостков.

Аня с трепетом взяла чёрный карандаш.

Первые линии заставили её выдохнуть так отчётливо, что Таеган обернулся. Она ответила ему растерянной улыбкой, и он снова застыл на краю мостков, то и дело поглядывая в сторону берега...

Первые линии не были похожи ни на что. Аня напрасно пыталась узнать, что именно рисует, но ничего не узнавала. Вспомнив фолиант «Агни», успокоилась, что иной раз под кончиком карандаша может выйти и какая-нибудь абстракция. Больше всего эти росчерки напоминали сильно графичные листья дерева — слегка вытянутые, с широким основанием, с острым верхом. И можно было бы и впрямь определить этот рисунок как листья, если б рядом с большим листом не появились листья поменьше. Когда чёрный карандаш «закончил своё дело», на карточке остался большой лист и два маленьких, причём у одного из них верх был раздвоен.

Образ Таегановой силы объяснился, когда Аня, не глядя, бросила чёрный карандаш и потянулась за цветным. Оранжевый. По-детски рисованное, на карточке вспыхнуло пламя (Аня ещё слабо усмехнулась: второй раз за день!).

И узанный на рисунке предмет странно подействовал на Аню. Она больше не осторожничала, выписывая следующие линии. Карандаш над следующей карточкой летал так, что она только и успевала следить за появлением возникающих линий.

Таеган обернулся только раз. Побледневший, он попытался что-то сказать, но только исступленно скривился, когда застывшие губы привычно не повиновались ему... И снова уставился на воду у ног, будто своим взглядом боясь сглазить магию Ани.

Тридцать шесть картинок с огнём.

Аня чувствовала, что теперь лихорадочно втягивает воздух не только Таеган.

— Сядь боком! — хрипло от перенесённого напряжения велела она.

А когда он сел полубоком, она разложила перед ним и немного за его спиной карточки с рисованным огнём, стараясь не глядеть на него, осунувшегося от ожидания. Сама всмотрелась в карточки. Только две из них оказались не на месте, «ругаясь» между собой. Аня быстро нашла для них идеальное совмещение и отошла к берегу, приглядываясь к тому, что должно случиться.

Краем глаза отметила, что Кристал учит Лиссу плавать, а Онора встала на берегу, наблюдая за ними, но в то же время часто оглядываясь (и довольно беспокойно) на мостки. Вот замерла, глядя на одинокую фигуру мужчины...

Аня тоже взглянула — и чуть не задохнулась.

Таеган едва виднелся в огненном стакане, в который его погрузили огненно-оранжевые

магические линии, потянувшиеся с картинок Ани. Оглядка на Онору: та сначала оцепенела на месте, а потом медленно, словно заколдованная происходящим и не осознавая собственного движения, побрела к мосткам. Неудивительно — решила Аня мельком. Всё-таки выпускница магической школы... Видит...

Огненный вихрь вокруг Таегана в секунды упорядочился, оторвавшись от карточек с рисованным пламенем. А потом опал.

Таеган сидел, не шевелясь. Потом вспомнил и резко нагнулся над мостками.

Аня бросилась к нему.

— Что ты видишь?! — вскрикнула она, забыв обо всём.

— Я вижу... — начал он машинально — и ахнул сам: — Я говорю!

Онора бежала к ним так быстро, что Аня начала сердиться. Зачем?! Зачем она бежит к ним, если поняла, что происходит?!

— Линии проклятия... — с отчаянием процедил сквозь зубы Таеган, всматриваясь в зеркало, спрятанное под досками мостков. — Они есть! Твои картинки...

Прогрохотали доски под ногами Оноры. Она, не стесняясь, подскочила к ним двоим, заставляя обращать на себя внимание, хотя сама на них вроде как и не смотрела. Она чуть не упала на колени перед карандашами, схватила одну из чистых карточек...

Таеган зарычал раненым тигром, сжимая кулаки...

Остатки магического огня вокруг него опали.

Аня быстро подобрала одну из рисованных картинок. Только чёрные карандашные линии. Оранжевый цвет исчез.

Но что делает Онора? Что она делает с карточками?

Шагнув к девушке (Кристал и Лисса застыли на берегу, с изумлением глядя на взрослых), Аня склонилась над ней. По инерции она думала, что Онора тоже что-то рисует. Но девушка лихорадочно заполняла уже вторую карточку неизвестными знаками, в которых с трудом угадывались порой очертания непонятных букв и символов. То и дело взглядывая на мрачно умолкшего Таегана, Онора то ли писала, то ли рисовала... Потом обмякла, пристально вгляделась в полученную запись.

— Я могу найти формулу для снятия проклятия, Агни. Только мне нужна библиотека дина Хармона и твои силы для дина Таегана. Твои образы его силы, — поправила она.

Таеган будто не сразу, но всё же очнулся от тяжёлого сна. Он глубоко вздохнул и, дотянувшись, взял с мостков чистую карточку и один из чёрных карандашей. Запись он отдал Ане так, чтобы видела и Онора: «Это надолго?»

Смотрел он тоже на Онору, так что девушка, сообразив, о чём он спрашивает, помялась и виновато сказала:

— Я закончила обычную школу магии с академическим уклоном, но дин Хармон занимался со мной отдельно несколько лет, как только дар устоялся. Мне понадобятся день или два в библиотеке, чтобы разобраться с линиями этого заклинания, а потом — ещё день, чтобы продумать ритуал снятия вашего проклятия.

«Я вам нужен?»

— Нет, — снова ответила Онора, перед тем вопросительно взглянув на Аню и выждав, не скажет ли она чего. — Я списала с вас всю формулу проклятия. Она довольно сложная, но дин Хармон решал со мной магические задачи и потрудней.

«Благодарю вас, дамы!»

Бесстрастный Таеган безукоризненно вежливо кивнул обеим (неуловимый взгляд на Аню — и она считала в нём сожаление, что оставляет её) и с мостков погрузился в воду.

— А как же мы ему сообщим, когда создадим ритуал? — искренне огорчилась Онора, глядя ему вслед и невольно восхищаясь, как быстро он плывёт.

— Он несколько месяцев под этим проклятием, — напомнила Аня. — Не удивлюсь, если он будет появляться здесь, стоит только нам прийти на озёрный берег. Онора, ты так уверена в том, что сумеешь снять это проклятие? Ты — всего лишь выпускница магической школы. Прости, не хотела тебя обидеть, но... Дина Таегана пытались освободить от этого проклятия лучшие маги королевства.

— Дин Хармон учил меня собственной методике. Он разработал для неё несколько формул. Мне надо будет только подставить в эти формулы знаки дина Таегана и проверить, будут ли работать эти формулы.

— Но ведь и сам дин Хармон не сумел... — напомнила Аня о гибели «мужа». — Да и ты со снятием моей отравы ие... не преуспела.

— Дин Хармон был слишком самоуверен, — ответила Онора, глядя на сияющее мягкой, солнечной синевой озеро. — В последнее время он не сталкивался с изощрёнными проклятиями и тщательно не проверил то, с которым ему пришлось работать, хотя его предупредили, что оно сложное. А потому отнёсся к нему легкомысленно. За что и... — Девушка вдруг густо покраснела и потупилась. — Простите... Прости, Агни, что я так говорю о своём отце и твоём муже.

— Ничего, — вздохнула она и туманно добавила: — Всё это я уже всё пережила. Так что там со мной? Ты знаешь, в чём была твоя ошибка, когда ты снимала с меня колдовскую отраву дайны Эннис?

— Я не думаю, что была ошибка, — твёрдо сказала Онора. — Если меня вернуть в то время, я бы сделала то же самое. Дайна Эннис использует стандартные заклинания, хоть и наполненные громадной силой. И я не понимаю, почему с тобой и со мной случилась... эта странность.

Аня не нашлась, что ответить на такое твёрдое убеждение. Получается... судьба? Или

Агни была... Аня вспомнила слабость, которая так мешала ей в первые дни в теле Агни — до непреодолимой дрожи. Это сейчас она более или менее чувствует себя здоровой, но ведь порой тоже ощущает усталость там, где раньше, привычная к работе, даже не думала, что может устать...

Может, Агни физически была слишком слаба для колдовской отравы дайны Эннис? И потому дайна Эннис абсолютно не сомневалась, что Агни умрёт. Поэтому обозлилась после слов своего лекаря, а потом и при виде совершенно здоровой и даже окрепшей «Агни». Но вместо Агни появилась Аня... Наверное, чтобы Аня появилась на её месте, нужна была огромная магическая сила, о чём Онора не подумала, считая, что заклинание простенькое... Возможно, именно поэтому часть отравы перешла на Онору?..

Тоже вывод, сделанный по верхам. Спросить не у кого. Себя афишировать не хочется. «Значит — судьба, — спокойно подумала Аня. — И потому — хорош думать о том, чего сейчас не исправить, да и надо ли? Агни жаль, но что могу сделать я? И не уверена, что что-то сумеет сделать Онора, чтобы её вернуть — её специфика иная. Да и есть ли в этом мире маги, умеющие возвращать?.. Так что надо продолжать жить».

Они собрали в корзинку Ани карандаши и картонки, разделив последние на рисованные и на чистые, и вернулись на берег. Аня еле плелась, чувствуя себя усталой — нет, разбитой, словно, как когда-то, слишком уж много по этажам переносила вёдер с краской или побелкой. Онора тоже на ходу спотыкалась — и порой очень опасно, чуть не падая. Но у неё причина в другом: девушка прямо-таки носом водила по двум карточкам, которые она сама исписала заклинательными знаками, увиденными вокруг Таегана. Изучала, анализировала, вдумывалась — всё прямо на лице написано...

К ним подбежала испуганная Кристал, за собой таща за руку Лиссу, которая ворчала, что игра закончилась слишком рано.

— Что случилось?! — выпалила Кристал, таращась на тот берег, в прибрежной зелени которого только что скрылся Таеган. — Почему дин Таеган так быстро ушёл?

— Он вспомнил, что обещал дяде быть дома именно в этот час, — легко соврала Аня.

Посмотрев на девочку, она вздохнула: четырнадцать лет в большинстве стран любого мира — это довольно взрослый человек. А уж в магическом (в виски снова ударило: дар неустойчивый!) тем более. За всеми этими раздумьями Аня пришла к главному для себя выводу, потому и спросила:

— Раньше — ты бывала в библиотеке дина Хармона?

«Раньше» — значит, до болезни Агни. Поймёт ли Кристал?

— Нет, не бывала, — удивлённая неожиданным вопросом на свой вопрос, ответила девочка. — Ты же не пускала. А что?

Аня невольно улыбнулась: любимый вопрос детишек в её собственном мире.

— Надо бы начинать туда наведываться, — снова туманно отозвалась она, припоминая утверждение, найденное среди записей дина Хармона: библиотека — это замкнутое пространство, наполненное витающей в нём магией. Её источают собранные книги, и, следовательно, слабые магические способности могут раскрыться, если человек часто заходит в помещение с книгами.

Мысленно Аня схватилась за голову: «Вот кошмар-то! С одной стороны, теперь с помощью фолианта дина Хармона я могу помочь Кристал и двойняшкам развить у них дар образов. Хотя какой из меня учитель... С другой — стоит ли начинать? Нет. Дождусь Никаса и всё ему расскажу. Он старше — пусть тоже решает, как быть! Младшие-то — дети. Захотят

кому-нибудь из друзей помочь — и плакала наша тайна, а вместе с ней и свобода, какая бывает у обычного мага...»

А вслух сказала:

— Кристал, я бы оставила тебя с Лиссой на озере, но побаиваюсь. А у меня голова болит. Боюсь, солнцем напекло...

Договорила — и растерялась, заметив, что девочки сникли: с одной стороны — надо бы быстрее бежать в библиотеку; с другой — дети же! Даже несмотря на четырнадцать лет Кристал! Они настроились на долгие игры на воде, а старшая сестра пришла и велела сворачиваться... Обидно. Дома-то работа пусть лёгкая, но временами надоедливая. А тут и побегать, и поплавать, и побрызгаться можно!

Но тут же сообразила: библиотека пока нужна только Оноре. Поэтому Аня быстро собралась с мыслями и кивнула:

— Ты сумеешь посидеть на берегу с Лиссой, пока я сбегаю домой и обратно?

— Конечно! — обрадовалась Кристал, только было понурившаяся. — Мы же с собой взяли тряпочки для кукольной работы! Ты ведь быстро вернёшься?

— Быстро-быстро! — заверила её Аня и побежала к тропке, ведущей к дому.

Онора кинулась за ней. Впрочем, кинулась — это не о ней. Уже через несколько шагов девушка безнадежно отстала: и устала, до сих пор слабенькая, — в горку-то идти, хоть и небольшую, и карточки с символами Таеганова заклинания не отпускали, требуя её внимания. Так что поневоле пришлось притормозить и Ане. Она дождалась, пока Онора нагонит её, подхватила под руку, чтобы та не упала, глядя в свои карточки, и они дружно потопали к дому.

— Ты сказала — сбегаешь домой и обратно, — несмело сказала Онора, очнувшись от погружения в изучение карточек. — Это значит — ты оставишь меня в библиотеке одну?

— Да, это так, — откликнулась Аня и поинтересовалась: — А раньше я тебя не оставляла?

— Нет. Ты говорила — боишься, что приедет дайна Эннис и что я не сумею воспротивиться её желанию войти в библиотеку.

— А дайна Эннис может зайти в библиотеку? Без моего разрешения? — И, заметив удивлённый взгляд Оноры, сообразила, что это вопрос о прошлом. Мгновенно нашлась с привычным объяснением: — Не забудь, что я тоже месяц пробыла в кошмарном сне, который... стёр из моей памяти многое.

— Ей войти трудно, потому что она не знает сторожевого заклинания, но она может прорваться туда, — вздохнула Онора. — Ведь там собраны такие книги!.. — И слабо и мечтательно улыбнулась, словно вспомнив, какие именно книги там, в библиотеке дина Хармона, находятся.

Сердце Ани стукнуло. Как сказала Онора? «Прорваться»? То есть... Дайну Эннис интересует не дом, о чём она всем заявляет, а библиотека?..

В молчании пройдя несколько шагов и посомневавшись, сумеет ли Онора ответить её на следующий вопрос (девушка вряд ли хорошо знает всё, что касается денег, живя на всём готовом из милости у отца), Аня всё же решилась. Покосившись на неё, с трудом принаравливавшую свой шаг к шагу хозяйки поместья, ощутимо с трудом дышавшую, Аня достаточно ровно, чтобы та ничего не заподозрила, спросила:

— Библиотека содержит много ценных книг?

— Очень много! — с искренним восторгом отозвалась Онора.

Любопытно. Значит ли это, что настоящая цель дайны Эннис отнюдь не дом, а именно книги? Даже в мире Ани порой бывало так, что недвижимость может стоить гораздо дешевле, чем собранные в ней предметы. А уж если это раритетные книги...

Голова постепенно пухла от загадок, разгадок и появления новых проблем. Кажется, Аня сказала Кристал правду о головной боли.

Когда обе добрались до дома и вошли через потайную дверь в гостиную (Аня ещё запомнила, что у Оноры свой тайный знак, которым она открывает дверь), встали у библиотечной двери.

— Если я покажу тебе, как я открываю дверь, ты запомнишь? Сумеешь повторить?

Онора отрицательно покачала головой.

— Это другое, — объяснила она. — Магия основана на твоих украшениях-артефактах. У меня таких нет — я помню, что твой сделал тебе дин Хармон.

— А если я оставлю дверь открытой, ты сумеешь беспрепятственно выйти, а потом войти в библиотеку?

— Не знаю, — озадаченно сказала Онора. — Можно попробовать...

И они попробовали. Увы. Дверь пропустила Онору, когда её ввела в библиотеку Аня. Но самостоятельно выйти девушка не сумела.

— А если дайна Эннис ворвётся в дом, она сумеет преодолеть открытый дверной проём? — задумчиво спросила Аня, разглядывая дверной косяк. — То есть скорее... Будет ли ей легче пройти открытую дверь?

Онора встала рядом с ней и скептически осмотрела тот же косяк.

— Нет. Сила вложена так, что нет разницы между открытой и закрытой дверью.

— Хорошо. Как ты предпочтёшь заниматься — с закрытой или открытой дверью?

— С закрытой. Чтобы не отвлекаться.

— Ты точно найдёшь те книги и тетради, которые для тебя оставил дин Хармон?

— Третье окно слева, — сказала девушка и обошла угол, созданный тесно сдвинутыми стеллажами. — Под ним — мой столик с моими книгами и записями отца для меня. Именно в них и хранятся формулы снятия заклинаний.

Аня до сих пор не обследовала полностью помещение библиотеки. А потому прошла за Онорой и убедилась, что та говорит правду: возле третьего окна от входной двери и в самом деле стоял довольно большой низкий столик, чьи узоры из аккуратных интарсий разных оттенков светло-коричневого цвета скрывались под стопками тетрадей и отдельных листов, а также под книгами. И естественным приложением под столиком скрывался тоже не слишком высокий табурет.

При виде своего рабочего места Онора словно забыла об Ане, немедленно усевшись за столик и начав деловито перебирать бумаги, явно разыскивая нужные.

Сообразив, что девушке теперь не до неё, Аня осторожно удалилась из библиотеки. Корзину с карточками она сунула в одни из пустых шкафчиков нижней гостиной (потом успеет восстановить отражённую силу Таегана) и побежала к озёрному берегу... Теперь всё зависело только от Оноры.

Кристал, ждавшая, сидя на берегу, обрадовалась появлению Ани и тут же побежала к воде. Лисса с радостным визгом — за ней.

Аня рассеянно забрала корзину с тряпьем для создания кукол Тильда, нашла подушечку с иглами и мешочек с нитками и принялась за шитьё. Одновременно она следила за бегущими по волнам девочками и пыталась систематизировать всё, что надо сделать.

Получалось плохо, потому что при решении многих вопросов необходимо было посоветоваться с Никасом. Поэтому она сейчас даже сердилась на старшего брата, что приходится слишком долго ждать его с работы.

Кроме всего прочего, путало деловые мысли видение уходящего Таегана. Когда он спрыгивал в воду, мокрая рубашка натянулась на его плечах, спина напряглась... Даже сейчас Аня глубоко вдохнула, переживая мгновения желанного, но несделанного: не будь рядом детей и Оноры, она бы, не задумываясь, прильнула к сидящему Таегану, к его спине, чтобы, обнимая его за жёсткие плечи, прочувствовать переход от прохладной мокрой ткани к его теплу, которое словно пробивалось к ней сквозь тонкую преграду... Тепло сильного человека, попавшего в магическую ловушку...

Как он поразился, нечаянно обнаружив, что магия Ани позволила ему заговорить — всего лишь на махонькие крохи времени... Как отчаянно он рычал, вновь потеряв эту способность... Однажды, на одном из свиданий, он сказал, что был бы готов смириться с потерей речи, если бы не... Если бы не служба. Он так хотел вернуться туда, где нужен... Но вместе с речью он потерял и способность видеть вражеские ритуальные заклинания, которые лучше всех умел распутывать, которые необходимо было распутывать, чтобы не погибли люди, не видящие их.

Аня опустила руки, бездумно глядя на радостно бегающих по прибрежным волнам девочек. Потом сунула руку в карман любимой жилетки. На свет появилась единственная захваченная с собой карточка с огнём — отражением силы Таегана. Он сам как огонь. Порывистый, но умеющий эту порывистость сдерживать.

Чёрный карандаш... Аня до сих пор удивлялась тому, что для неё представляла магия. Всего лишь заполнить границы, выполненные чёрным карандашом, оранжевым цветом, чтобы Таеган получил силы, которые на краткое время выдрали его из паутины чужих заклинаний!.. Нет, Аня видела свою силу, но ей до сих пор сложно было поверить, что призрачный свет, окутывающий её руки и переходящий в рисунок, может оказывать такое действие на человека. Точней — на то, что сковывает его.

Подбежала Кристал, свалилась рядом, на кустики травы, и принялась отжимать мокрые волосы от воды, продолжая следить за Лиссой. Малышка разыгралась возле берега настолько, что ей хватало играть и в одиночестве.

— Агни, — тяжело дыша, позвала Кристал. — Тебе не жалко будет, если Никас найдёт её родителей? Не жалко отдать её?

— Нет, отдать не жалко, — сразу сказала Аня. А отметив какое-то разочарование на лице девочки, объяснила: — Ты думаешь о себе. Попробуй подумать о родителях Лиссы. Представь сразу двоих людей — родителей, которые каждый день думают о том, что навеки потеряли своего ребёнка. Это я беру самый... идеальный вариант того, что с Лиссой произошло. Ну, если она потерялась.

— А если не идеальный? — оживилась Кристал.

— Мы посмотрим, — пообещала Аня. — Думаю, Никас сначала узнает, что произошло в семье Лиссы, почему малышка оказалась на улице, а уж потом мы подумаем, стоит ли её вообще отдавать. Но, Кристал... Лисса ведь очень маленькая. Ты почти взрослая, скоро начнёшь учиться у Оноры. Что тогда будет с малышкой? Ей ведь хочется внимания. Хочется, чтобы с ней играли. А если у тебя не будет времени на неё?

Девочка, прикусив губу, посмотрела на берег, по которому бегала Лисса, с воинственным визгом таща за собой какую-то корягу с повисшими на ней водорослями.

Потом надула губы — привычка такая, если чем-то озадачена, и глубокомысленно вздохнула. Судя по всему, говорить на эту тему, как и думать о будущем ей не хотелось. Поэтому, явно стараясь схитрить, наивно перевела разговор на другое:

— Ты думаешь, Онора поможет дину Таегану?

— Думаю — да. Мне же помогла.

— Помогла! — пренебрежительно передразнила девочка. — Так помогла, что ты чуть с ума не сошла, да и она сама стала как помешанная!

— Кристал, помнишь, каким был твой огород, когда ты мне его показала? — улыбнулась Аня. — Если б я не видела, как ты за ним ухаживала, я бы тоже над ним посмеялась. Так что... Это нехорошо — плохо отзываться о работе, трудностей которой ты не понимаешь.

— И это нехорошо, и то плохо, — обиженно пробурчала Кристал, отвернувшись от Ани.

— Согласна. Не о том мы говорим. И вообще — зачем говорить, когда рядом озеро? — весело напомнила Аня. — Бежим? Обрызгаем Лиссу веерами воды? А потом я сбегать проверить, как там Онора.

И они сорвались с места, и вскоре над озёрной гладью взметнулся писклявый визг, задорные крики, смех и всплески.

Мельком Аня подумала: хорошо, что Таеган ушёл! Он бы, наверное, обиделся, завидев, как они веселятся в воде. Ведь ему-то плохо: счастье вспыхнуло перед ним многообещающим салютом — и померкло в секунды. А они... Чему они радуются?

Накупавшись и набегавшись до гудящих ног и рук, они собрали свои вещи и, пыхтя, поднялись к дому. Кристал не пошла в дом, свернула по дороге, объяснив, что хочет посмотреть грядки, не заросли ли сорняками. Так что Аня вернулась с падающей от усталости Лиссой и тут же, заставив малышку умыться, уложила её подремать. А сама побежала на кухню. Накупленные Никасом хорошие продукты она побаивалась отдавать в руки Сайл и Бридин — приходилось готовить самой, оставив для старушек лишь мытьё фруктов и овощей да нарезку тех из них, которые не пострадают от варварского отношения к ним.

Через час она оставила на плите томиться ужин и побежала посмотреть, что делается в доме. В доме ничего не делалось. Было тихо. Аня ещё удивилась: ну ладно — от усталости крепко спит Лисса. Но где Кристал?

Снова пройдя мимо библиотеки, она вернулась и присмотрелась к Оноре. Девушка сидела за своим столиком и энергично что-то писала на отдельных листах. Затаив дыхание, Аня отошла, чтобы не мешать её, не сбивать с делового настроения.

Кристал она нашла в гостиной первого этажа. Девочка так скорчилась в одном из кресел, укрывшись кресельной накидкой, что Аня просто-напросто прошла мимо.

А сейчас она встала возле кресла, размышляя, будить — нет ли. А мысли скакнули на другое... Кристал сказала, что Агни не пускала её в библиотеку. Почему? Это же нормально для старшей сестры — попытаться развить магический дар младших.

От неожиданного наития даже ноги ослабли. Ане пришлось сесть на подлокотник соседнего кресла. А если Агни подозревала, что у всех братьев и сестрёнки есть дар мага образов? А потому она страшилась его раскрывать? Ведь в этом случае они становятся незащищёнными перед теми, кто захочет этот дар использовать. Поэтому она ревностно не допускала никого из них в библиотеку, в которой даже стены... нет, собранные книги могли помочь дару прорваться. Что подсказало Агни, что вся её семья — это маги, владеющие

необычной магией, о которой сейчас только рассказывают, потому что думают, что сейчас таких людей нет? Неожиданный интерес к её рисункам? А когда дин Хармон прояснил ситуацию, сказала ли она мужу о том, что в семье рисовала не только она? Или опять-таки... побоялась? Как обращался дин Хармон с женой, владеющей редким даром? Наверное, как-то спугнул, мягко говоря. А то бы она наверняка рассказала бы ему, что она не единственная в своём роде...

Не семья, а неогранённый алмаз, который не подозревает о своей стоимости...

Пока обо всём знает только Таеган. Но Ане казалось, он не захочет искать выгоды в её даре... Знала и Онора. Но девушка не понимала, что это за магия... Вряд ли дин Хармон поделился с дочерью этой тайной.

— Агни, ты уже закончила с кухней? — сонно спросила Кристал, спуская ноги с кресла и откидывая покрывало.

— Закончила, Кристал, — мягко улыбнулась ей Аня. — До приезда братьев — полчаса.

— Ух ты! — оживилась девочка и вскочила на ноги. — Вот они, наверное, удивятся, когда увидят наши ворота!

— Ещё бы, — пробормотала Аня, с трудом удерживаясь от смеха и представляя лица Никаса и двойняшек при виде громадного ржавого замка с толстенной цепью на воротах. — Кристал, а давай устроим засаду и посмеёмся над ними?

— Засада — это как?

— Спрячемся в кустах и будем следить, что они скажут, когда подъедут к воротам!

— Спрячемся! — обрадовалась Кристал. — Лиссу с собой берём?

— Берём, — подтвердила Аня. — Только Онору оставим в библиотеке.

Лиссу разбудили, сообщили, какое невероятно любопытное зрелище её вот-вот ожидает. Помогли прийти в себя и помчались устраивать засаду.

Странно, но Аня даже не предполагала, что такая смешная авантюра, как прятки в кустах, может не просто расшевелить, но и успокоить. Во-первых, раздумывала она, прятки показывают, что необычный дар ещё долго может оставаться скрытым от посторонних людей, именно благодаря этим воротам. Во-вторых, она сегодня же поговорит с Никасом. Вполне возможно, что он уже знает о магии образов, но Аня сомневалась. В любом случае, если он скажет, что она уже говорила с ним на тему магического дара, она может напомнить, что сама-то ничего не помнит. Примитивный аргумент, но пока работает. И, пока Онора занимается поиском нужной формулы, в которую вставит личные символы и знаки Таегана, можно будет вместе с Никасом продумать стратегию на будущее, чтобы и научиться владеть этой магией (а Аня может использовать для этого рукописный фолиант дин Хармона «Агни»), и научиться прятать его от нехороших личностей.

А Никаса что-то долго нет. Сначала Аня даже встревожилась, но, видя её беспокойство, Кристал простодушно напомнила, что, наверное, братья заехали в лавку, чтобы купить себе костюмы для работы и учёбы. Аня выдохнула. Ведь, пока думала, успела так накрутить себя, что уже сумела в мыслях представить, как некие фэбээровцы или фээсбэшники здешнего разлива подкараулили братьев в дороге и похитили их, чтобы держать взаперти и использовать их магический талант на благо... королевству.

И они снова принялись ждать, вслух рассказывая, какими видят ошарашенных братьев и то, что они скажут при виде замочища.

Мда... Если «девочки» ожидали, что у братьев будут обалдевшие лица, то просчитались по-крупному. Таким перепуганным Никаса они никогда не видели! Он слетел с облучка, на

котором сидел, правя лошадью, и сразу прыгнул к воротам, чтобы схватить этот замок и всмотреться в него! Почти сразу следом из ландо попрыгали встревоженные двойняшки, причём встали так, чтобы загородить старшего брата от любых взглядов с улицы!

Но первым делом «девочки» переглянулись и снова, уже уважительно уставились на старшего брата. Ничего себе — так легко поднять чудовищных размеров, да ещё на цепи замок, который они компанией тащили!

— Вылезаете? — тихонько предложила Аня.

— Может, ещё посидим? — вздохнула от наплыва чувств Кристал. — Пусть ещё немного поволнуются!

— А мне их жа-алко-о, — протянула Лисса.

— Ладно, выходим, — согласилась Кристал и первой полезла из кустов.

Из-за треска ветвей и слишком громкого шелеста листьев братья оцепенели. Замок с грохотом и мрачным звоном цепи выпал из рук Никаса, который те же руки немедленно сжал в кулаки.

Аня уже пожалела, что спрятались, выжидая братьев. Но делать нечего. Впрочем, у них причина ну очень уважительная для прятков.

— Никас, мы здесь! — воскликнула она, поддерживая ветку над выползающей Лиссой. — Сейчас подойдём!

— Что случилось? Почему ворота закрыты так странно?! — Никас даже побледнел — настолько, что видно было в свете солнечного вечера.

— Ничего особенного! — откликнулась Кристал, первой добежавшая до ворот. — Мы подумали: а вдруг приедет дайна Эннис? Магические ворота она открыть может. А вот просто закрытые — нет.

— И поэтому...

Аня вдруг подумала, что Никасу, судя по всему, очень хочется схватиться за сердце. Поэтому быстро объяснила всё сразу:

— Мы нашли этот замок с цепью в конюшне и закрыли ворота. И, представляешь, она и в самом деле заявила к нам! Но ворота открыть не сумела.

— Уехала? — на глазах обмякая, спросил Никас.

— Уехала, но перед этим плюнула на нас, то есть на Агни, проклятием! — зашепила рассказать Кристал. — А у Агни один из артефактов дина Хармона сработал! Знаешь, какая иллюминация была! Ух, какой огонь!

— Давайте-ка обо всём поговорим позже, — предложила Аня. — Мы сейчас попробуем распутать цепь и снять замок, вы въедете, придёте в себя, поужинаете, и тогда, Никас, нам надо будет поговорить.

— А где Онора? — с ожидаемым беспокойством спросил старший брат.

— Она в библиотеке, — доложила Кристал. — Кажется, она может снять проклятие с дина Таегана! Он сегодня приплывал, но потом уплыл.

Никас чуть поморщился и всё-таки взялся за голову.

Аня даже с каким-то злорадством усмехнулась: «Не одной мне с головной болью бегать из-за вашего семейства... Ой, из-за нашего!»

То ли устали за день, то ли что ещё, но распутать цепь не получалось. Братья поприглядывались-поприглядывались к попыткам слабой половины своего семейства сделать хоть что-то, а потом посоветались. Решив, что действия сквозь прутья ворот к нужному результату тоже не приведут, Кегана оставили сторожить лошадь, а Никас с Греди

побежали вокруг дома и прилегающих «угодий», переплыли часть озера и добрались до ворот с внутренней стороны поместья. «Девочки» немедленно отступили, предоставив мужчинам полную свободу действий. Буквально через пять минут цепь была распутана, а замок отделён от ворот.

Мужчины семейства с триумфом вошли в гостиную, а потом побежали наверх, чтобы переодеться в сухую одежду в своих комнатах.

За ужином, на который Ане пришлось выдирать из библиотеки Онору, погружённую в вычисления до такой степени, что она вообще забыла о еде, говорили только о цепи и замке. Кристал и Лисса с жаром рассказывали, как искали замок в конюшне, а потом тащили его к воротам. Аня в красках описала, как орала и трясла ворота дайна Эннис, как просунула между металлическими прутьями рот, чтобы ворота не погасили проклятие, и как её слова столкнулись с защитой (она промолчала про помолвочное кольцо Таегана).

Мальчики слушали, открыв рот. Никас помалкивал, время от времени бросая короткие взгляды на ушедшую в себя Онору...

Когда Аня и Кристал принесли чай, Никас вдруг встал за столом и негромко сказал:

— Милая дайна Онора...

Девушка так вздрогнула от неожиданности, что чуть не сбила со стола чашку с чаем. Никас же вышел из-за стола и подошёл к ней, сидевшей рядом с Аней. Онора невольно тоже встала, потому что даже она поняла, что Никас ждёт этого.

— Милая дайна Онора, — повторил Никас, — я прошу вас стать моей женой.

Девушка испуганно оглянулась на Аню. Та подбадривающе улыбалась, в то время как братья-двойняшки и Кристал замерли, явно смутившись из-за слов старшего брата.

Призрачный шёпот Оноры слышали все:

— Я... не знаю...

— Зато знаю я, — спокойно заметил Никас и, подняв её руку, надел на палец кольцо. — У нас с вами, дайна Онора, помолвка. Так что у вас есть время подумать.

То единственное, что пришло в голову, Аня выразила так: «Фух! Хоть одна пристроена!»

Пока все, открыв рты, остолбенело наблюдали невероятную сцену, Никас молча взял со стола чайный прибор Оноры и отнёс его к своему месту, после чего выждал, пока до девушки дойдёт смысл его поступка. Онора, словно заморожённая этим его действием, не пошла, а будто потянулась за ним следом. Когда она оказалась рядом, он отодвинул стул от стола, без слов предлагая сесть. И лишь затем сел сам.

Вот после этого жеста старшего брата Аня спокойно улыбнулась, хотя на неё никто не смотрел, и предложила:

— Допиваем чай. Нам сегодня ещё кое-что сделать надо.

Это «кое-что», вообще-то, делали каждый вечер.

Двойняшки, например, каждый в своей комнате, сидели за уроками, выполняя домашние задания. Кристал с Лиссой уже привычно бежали в Анину комнату — или поиграть с Тильдами, или закончить ещё одну куклу. Никас, как правило, шёл в конюшню: ландо, единственное на колёсах, было стареньким, и в дороге из дома или домой брат частенько слышал подозрительные звуки, причину которых после ужина и устранял. Аня же мыла посуду и готовила полуфабрикаты на завтрак, благо подвальный ледник на кухне безупречно позволял хранить их всю ночь.

Но сейчас на последних своих словах она взглянула на Никаса. Тот коротко кивнул, догадавшись, что сестра хочет поговорить с ним наедине.

Как и предполагалось, в столовой после ужина никто не остался. Все разбежались по делам. Аня ввела слегка ошеломлённую поразительным событием в личной жизни, но всё ещё целеустремлённую Онору в библиотеку. Вернувшись в столовую, увидела Никаса, сидевшего за столом и крутившего пустую чашку, разглядывая её со всех сторон будто с целью найти дефект. Заметив её, он чуть набычился, словно собираясь с места в карьер ругаться, защищая Онору и себя.

Аня села напротив и протянула ему карточку.

— Этот магический охранный знак Онора нашла в артефакте, который прятался за ухом Лиссы.

Никас забрал карточку и всмотрелся в знак. Поднял глаза, хмыкнул:

— Я думал — ты будешь ругаться из-за Оноры.

— Не буду, — сухо сказала Аня, изо всех сил пряча радость при виде его решимости. — Ты взрослый человек и сам отвечаешь за собственные поступки.

— Ладно. Так. О карточке. Знаки такого рода обычно ставят в домах с достатком. А они все зарегистрированы за подписью судейских. Завтра спрошу на работе магов по учёту, кому может принадлежать этот дом.

— Никас, ты поминаешь, будто нужно быть осторожным? Ведь неизвестно, как девочка из такого дома попала на улицу. Лисса не говорит о доме и не... изъясляет желания вернуться в настоящую семью. Если что — наверное, придётся её...

Аня замаялась. Вполне возможно, то, о чём она думает, противозаконно. Но ведь другой мир! А вдруг получится!.. Она вспомнила своё детство и внутренне содрогнулась. Не хотелось бы для малышки Лиссы судьбы не любимого в семье ребёнка.

— Я понял, — сказал Никас и озорно улыбнулся. — Ты хочешь её удочерить!

— Теперь ты постоянно будешь напоминать мне об этом? — насмешливо откликнулась

Аня.

— Буду! Ты чуть не лишила меня желанной девушки и будущей жены... И вообще, это напоминание — отличная семейная шутка, — хмыкнул брат. И тут же стал серьёзным. — Что ещё? Когда мы ужинали, ты часто и глубоко задумывалась. Произошло что-то, что тебя гнетёт? Ну, кроме визита дайны Эннис? Ты расскажешь мне? Или хотела поговорить только о Лиссе?

— Никас, боюсь, у меня для тебя много... (она хотела сказать — различной информации, но запнулась) много новостей. Как и проблем. Наверное, тебе бы хотелось узнать, что делает Онора в библиотеке? — И Аня медленно, стараясь подобрать нужные слова, рассказала о Таегане и об Оноре, которая думает, что может снять с него проклятие вражеского храма. — Ты знал, что Онора — снимающая проклятия?

— Конечно, знал. Без своего разрешения я не позволил бы вам обоим снимать колдовскую отраву с тебя. Но я думал, что у неё не очень получается.

— Онора сделала всё правильно, но не учла громадной силы, использованной в отраве дайной Эннис, — объяснила Аня. — Поэтому и мне было плохо, и Онора поневоле взяла на себя часть моей отравы.

— Я думал, она навсегда останется такой, какой ты видела её в подвале, — прошептал Никас. — Но нам повезло, что эта часть отравы всё же оставила её в покое.

— Не совсем так, — заметила Аня, — и, боюсь, это следующая наша — уже всей нашей семьи — проблема.

Она оценивающе посмотрела на брата, потом на входную дверь в столовую залу — села-то специально так, чтобы держать её под контролем. Затем подвинула стул к столу и положила руки на столешницу, чтобы было удобно чуть склониться к брату. Тот сообразил, что проблема, волнующая сестру, довольно... конфиденциального характера, и тоже, насколько сумел, приблизил стул к столу. Поэтому Аня заговорила вполголоса, время от времени поглядывая на дверь:

— Никас, до болезни я не говорила тебе, почему дин Хармон женился на мне?

— Нет. Я знаю лишь, почему ты вышла за него замуж, — с теплотой отозвался брат. — Из-за нас и нашего нищенского положения.

— А... я хоть раз предлагала тебе и братишкам или Кристал провести вас в библиотеку моего мужа?

На этот вопрос брат, как ни странно, помолчал немного, глядя на стол и не видя его — видимо вспоминая, а потом ответил, качая головой:

— Ты несколько раз вроде и предлагала ознакомиться с этим помещением, но каждый раз почему-то то ли не решалась показать нам его, то ли забывала о своём предложении. Поэтому я решил, что это место для тебя дорого именно тем, что его создал для тебя дин Хармон.

В задумчивости Аня закрутила на палец прядку у виска: слишком уж нервно чувствовала кожа на лице эти выбившиеся из причёски волосы. Ага. Вот как, значит. Агни хотела всё рассказать семье, но сомневалась. Боялась. Но ведь когда-то надо было это сделать! А если магия образов прорвётся у братьев и сестры в не подходящий для этого момент? Аня легко могла себе представить, как Кеган сидит на уроке и от нечего делать (например, быстро сделал предложенное задание) начинает рисовать, поглядывая на... скажем, симпатичную ему девочку-одноклассницу. И вдруг... Глупо, конечно, переносить реалии того мира на этот. Всё-таки разные школы, разные учителя...

Нет. Их надо, как минимум, предупредить.

Она подняла глаза на Никаса. Тот терпеливо ждал.

— Никас, ты что-нибудь знаешь о магии образов? — осторожно спросила Аня.

— Слышал что-то... мельком, — тоже осторожно откликнулся тот. Помявшись, спросил: — Ты обладаешь этой магией?

Решиться на важный шаг трудно, даже если готовилась к нему довольно долго.

— Никас, — выдохнула она, — скажи мне: видел ли дин Хармон рисунки — твои, мальчиков и Кристал?

Брат нахмурился, вспоминая. Покачал головой.

— Скорее всего, нет. Он пришёл, потому что ты позвала его — посмотреть, нет ли над нашей семьёй проклятия. И разговаривала с ним только ты. Помнишь? Он обошёл наш съёмный дом. А потом — объяснить, что нет никаких проклятий, вошёл к тебе. И после этого начал буквально умолять тебя выйти замуж за него.

— Никас, у меня подозрение, что мы все — маги образов! — выпалила Аня. — Все! И ты, и мальчики, и Кристал!

— Это... хорошо? — спросил Никас, словно прислушиваясь к чему-то.

— Не знаю, — в отчаянии сказала Аня. Просто сидеть было трудно, и она встала, прошлась вдоль стола. — Я уже столько всего передумала! И мне всё кажется, если кто-то о нас узнает... Нет, не скажу. Никас, ты старше, больше знаешь жизнь. Что будет, если люди узнают про нашу семью?

— Но ты уверена, что все мы?..

— Не совсем, — призналась Аня. — Мне очень хочется проверить всех, но я ведь должна буду им сказать, зачем я устраиваю эту проверку.

— А ты знаешь, как проверить?

— Знаю. Это-то я знаю.

— Откуда?

— Дар у меня, как и у всех вас, был неустойчивым. Да и сейчас порой пропадает. Дин Хармон придумал целую систему, как закрепить этот дар, сделать его постоянным. Он написал для меня книгу с упражнениями по развитию моей магии. Возможно, его библиотека собиралась давно, и его предки покупали новые книги по разным видам магии и передавали их от поколения к поколению. И, когда дин Хармон увидел мои рисунки...

— Рисунки... — прошептал Никас.

И она рассказала ему всё.

Про свидания с дином Таеганом, который не мог говорить днём, зато говорил ночью, но в доме дяди не было хороших собеседников, поскольку дядя по ночам спал, а его слуги не подходили для компании: им неинтересны были рассказы бывшего военного, да и с кем говорить? Многие из них тоже спали ночью, поскольку работали днём.

Про Онору, которая «откликнулась» на рисунки с розами.

О предположении дина Таегана, что Агни обладает магией образов.

И даже показала Никасу своё помолвочное кольцо, которому он поначалу недоверчиво улыбнулся... И лишь затем она спросила:

— Никас, так что же ждёт нашу семью в том случае, если люди узнают о нашем даре? Ты больше общается с людьми, бываешь в обществе. Я же редко выхожу. Мне кажется, ты должен знать...

— Сначала надо увериться, что дар действительно есть у всех у нас. Почему ты решила,

что он существует, хоть и неустойчивый?

— До болезни я видела, — напомнила Аня. — Теперь тоже, но не всегда чётко.

— Так. Значит, завтра, кроме дела с Лиссой, я поищу в архивах суда бумаги о том, как разрешались прецеденты с редким даром магов, — решил Никас.

— Попробуй разыскать бумаги о том, что было с семьями, в которых появились дети с магическим даром снимающих проклятия, — неуверенно предложила Аня.

Никас даже оглянулся на дверь, словно за нею могла стоять Онора. Потом покачал головой, слабо улыбаясь, и уточнил:

— Итак, знак Лиссы и бумаги о семьях с одарёнными.

— Не просто о семьях, но о судьбе этих детей, — напомнила она.

— Хорошо. Но тогда у меня ещё несколько вопросов... — Никас задумался, а потом, смущённо смеясь, попросил: — Проверь меня на магию образов. Мне не терпится узнать о себе прямо сейчас.

— Ты купил для всех карандаши и бумагу. Для себя тоже взял?

— Взял, — вздохнул он.

— Прекрасно. Идём к тебе в комнату. — Вздёрнутые брови Никаса подсказали, что он не совсем понял, почему именно в его комнату, а не в какую-нибудь другую. Пришлось объяснять: — Обычно ты мало сидишь в ней — и дети привыкли, что тебя в доме почти не бывает. Надеюсь, никто не зайдёт. Моя, как ты знаешь, занята. И ещё. Захвати зеркало (она вспомнила о зеркале, оставшемся под мостками, и усмехнулась), которое стоят на тумбе за дверью в столовую залу.

— Зачем? — с любопытством спросил брат.

— В комнате объясню.

Они чуть ли не на цыпочках прошли гостиную нижнего этажа, а потом Аня обогнала Никаса, чтобы подняться по лестнице и убедиться, что в коридоре второго этажа никого из детей нет, и помахала ему с лестницы рукой. Сразу брат не заметил её жеста, потому что стоял у двери в библиотеку и с надеждой заглядывал внутрь помещения. «Да что ж такое!.. — вздохнула Аня. — Знает ведь, что Оноре пока не до него!»

Наконец Никас поднял голову и поспешил к лестнице.

Они тихонько прошли мимо дверей, за которыми звонко смеялись девочки или бубнили деловые голоса мальчиков, и буквально прошмыгнули в комнату Никаса.

Он водрузил зеркало на стол возле окна и вопросительно взглянул на Аню. Затем перевёл взгляд на дверь, покачал головой и встал, чтобы закинуть крючок в металлическое кольцо.

— Не хочу неожиданностей, — спокойно пояснил он своё действие. — С чего начнём?

— Садись перед зеркалом и рисуй всё, что придёт в голову, глядя на себя, — предложила Аня, разглядывая разбросанные по столу карандаши и бумаги с набросками сада за окном его комнаты. Она даже удивилась: до сих пор думала, что рисунки у всех ребяческие — типа, почеркушки. А здесь... Она не профессионал, но Никас сумел передать мягкую золотистую зелень деревьев и холодновато-синеватые травы в тени под ними.

— А почему не на тебя? — спросил Никас, чуть с недоумением глядя на себя в зеркало.

— Я пока ещё только учусь, — напомнила Аня. — И не знаю, что произойдёт, если ты попробуешь написать мою силу. Да ещё потом использовать её.

— Знать бы ещё, как использовать, — пробормотал брат, продолжая опасно коситься на зеркало, но не решаясь-таки коснуться бумаги кончиком карандаша. — Нет, Агни, я не

понимаю, что именно нужно сделать.

— Ну, попробуй нарисовать что-то любимое, но глядя на себя.

Сказала и сама затаила дыхание, когда карандаш наконец дотронулся до бумаги.

Она не предложила Никасу резать карточки. Всё-таки они пока проводят эксперимент. Пробный рисунок... Услышала, как он снова что-то бормочет, и осторожно встала у него за спиной, стараясь не отражаться в зеркале перед ним.

— Любимое... Что у меня любимое-то есть?..

Аня улыбнулась и отошла. А что любимое есть у неё? Её комната? Многовато и расплывчато. Нужен какой-то конкретный предмет, вещь. Ювелирка, подаренная Агни дином Хармоном? Она взглянула на кольца и браслеты. Нет... Простенькое колечко, подаренное Таеганом, уже проявившее себя довольно воинственным защитником? Она ещё не успела привыкнуть к нему, чтобы назвать любимым... И чуть не засмеялась. Мостки! Вот её самый любимый предмет в этом мире! Мостки, на которых можно сидеть вдвоём, прижимаясь друг к другу и глядя на ночное озеро, побликивающее мягко раздробленным по мелким волнам светом луны или месяца. Мостки, на которые Таеган её приводит, обнимая за плечи. Мостки, на которых так удобно говорить вполголоса, обозначая тем самым личные границы их двоих...

Никас расправил плечи и склонился над бумагой.

Глуша в себе естественное любопытство: что он там начал рисовать? — Аня замерла у окна, боясь даже движением помешать его сосредоточенности. Потом спохватилась и бесшумно полуразвернулась к окну. А вдруг она увидит Таегана, втихаря гуляющего по её поместью? Пусть окно в комнате Никаса выходит на другую часть поместья, на сад, но мало ли... Увы, ожидания не оправдались, хотя она сумела улыбнуться, напоминая себе, что слишком мало простояла. Но, обернувшись к Никасу, обнаружила, что он работает быстро и, пожалуй, даже увлечённо. Шагнув в сторону, она с беспокойством заметила, что он рисует несколько странно — точнее выглядит при этом странно: лицо расслабленно спокойное, глаза даже полуприкрыты, будто он вот-вот задремлет, но карандаш в его руках движется так быстро, что Аня заподозрила: а если и впрямь почеркушки?

Ожидалось, что «художник» довольно быстро закончит рисунок. Но Никас внезапно ещё больше ссутулился над бумагой, больше не обращая внимания на зеркало, на которое до сих пор мельком, но поглядывал. Аня даже испугалась, а может — просто встревожилась: такого она не ожидала.

— Всё...

От слова, сказанного шёпотом, мороз по спине.

Что значит — «всё»?

Аня взглянула на брата, откинувшегося к спинке стула, и решила считать, что ничего экстраординарного не произошло. Подошла к столу и только хотела было взяться за лист, чтобы поближе рассмотреть рисунок, как застыла на месте: рисунок то прятался за прозрачно-зеленоватым маревом, которое настойчиво тянулось к голове брата, то снова появлялся, но не очень разборчиво: какие-то корявые линии собирались в нечто единое.

Заглянув в лицо Никаса в страхе, что с ним происходит нечто такое, что не поддастся, если придётся его выводить из этого состояния, она нахмурилась.

Никас всё так же расслабленно смотрел на бумагу, словно не замечая, как зеленоватое марево поднимается над его головой, чтобы потом погрузить его в себя, омывая магической волной.

Пришлось откашляться, чтобы негромко, не пугая его в этом, кажется, медитативном состоянии, произнести:

— Что ты видишь, Никас?

— Листья, — с какими-то полусонными интонациями откликнулся брат. — Они... глядят меня по лицу. Мягко-мягко...

Остатки марева вознеслись к голове Никаса и теперь постепенно испарялись, опадая вокруг него... Аня с трепетом взглянула на лист с рисунком. И даже улыбнулась: Дерево! Пусть и изображённое графически и даже без листьев. И чисто символически закрашенное зелёным цветом между чёрными линиями. Даже ствол зеленел.

— Я вижу магический отсвет, — с новым недоумением сказал Никас. — Так отчётливо, как никогда.

Аня молчала. Пальцы дрожали — так хотелось испробовать то же самое. Если бы не страх: а вдруг она вернётся в свой мир? А в тело Агни вернётся настоящая хозяйка? Стыдно... Но так не хотелось этого возвращения и... воскрешения настоящей хозяйки поместья... До слёз, потому что почувствовала себя моральным уродом!.. И, вместо радости за Никаса, поклялась себе: как только всё в семье будет хорошо, она сядет перед зеркалом и возьмёт карандаши и нарезанную на карточки бумагу. И... И ничьи ласковые руки её не остановят! Ничьи внимательные глаза не сумеют удержать её от этого нового опыта в собственной судьбе! И никакой Таеган её не остановит от желания доказать всем, что она не бессовестная! И пусть она вернётся в свой мир, но чужое место занимать не собирается... Если есть шанс для Агни.

— Ты плачешь? — обернулся к ней Никас, сияя от восторга. — Ты рада за меня? Агни, я никогда так отчётливо не видел магических линий, как сейчас! Я вижу даже те, которые излучают магию из твоих украшений! — И даже шутливо попенял: — Тебе надо было раньше устроить этот незабываемый опыт, Агни!

— Я боялась, — виновато призналась она, очень хорошо понимая бывшую хозяйку поместья. — Сам понимаешь — чтобы проверить дар образов, надо объяснить... Впрочем, это я уже говорила тебе.

— Что дальше? — энергично спросил Никас, глядя в зеркало. — Ведь это не всё?

— Нет, не всё. Помнишь — я говорила тебе о том, что нужно рисовать на отдельных карточках? Потом надо научиться раскладывать их так, чтобы они не «ругались» между собой. И тогда сила рисунка возрастет намного. Никас, мы предложим младшим этот опыт? Или повременим?

— Нас с тобой уже двое, — покачал головой Никас. — Этого достаточно для прецедента. Пока не будем. Мало ли что мальчишки в школе натворят с этим даром.

— Согласна, — вздохнула Аня. — Пойду, посмотрю, не устала ли Онора. Она слишком много сидит в библиотеке...

— С этим я тоже согласен, — с намёком отозвался Никас. — Думаю, мне надо лучше узнать свою невесту и будущую жену. Если ты сочтёшь, что она устала, я могу погулять с ней по саду. Идём?

Они спустились на первый этаж, и Никас снова отказался от предложения Ани провести его в библиотеку. Объяснил это тем, что магический вход, как правило, достаточно длителен, а он сейчас не хочет терять время на не самое необходимое в жизни.

Так что Аня вошла в библиотеку одна и постояла немного за спиной Оноры, откровенно завидуя ей: взаимная симпатия с Никасом у неё уже есть, и нет никаких мучительных

размышлений, чьё место в жизни она занимает.

Девушка сидела за столом так напряжённо, что Аня даже испугалась, каково ей потом будет разминать мышцы. Поэтому отошла к двери и подошла, уже громко топая ногами. Онора медленно разогнулась от стола, заваленного листами бумаги и книгами.

— Я сегодня не успею, — чуть ли не покаянно повинилась она. — Слишком затейливая формула у этого проклятия. Не все знаки дина Таегана в неё вставляются.

Учительским тоном Аня скомандовала:

— Выйди из библиотеки! Если будешь сидеть, напрягая глаза над этими формулами, можешь испортить то, что уже сделала.

— Но я... — залепетала было девушка, снова поворачиваясь к столу.

— Никаких «но»! Тем более за дверью библиотеки тебя ждёт твой жених, который мечтает познакомиться с тобой поближе.

— Жених?.. — пискнула Онора, распахивая густые ресницы, и быстро посмотрела на свою руку. На кольцо.

— Жених, — подтвердила Аня, подхватывая её под руку и чуть не силой отводя к библиотечной двери. — Сделаешь перерыв, а там уже сама посмотришь — отдохнула, нет ли для продолжения работы. Не забывай: если захочется снова поработать, я сразу отведу тебя в библиотеку.

— Спасибо.

Щёки Оноры вспыхнули румянцем, едва она только взглянула в сторону двери. Но Аня крепко держала её за локоть и направляла в нужную сторону. И Онора смирилась, и Аня благополучно передала её в надёжные руки Никаса.

С минуту она стояла на террасе, наблюдая, как пара уходит не на озеро, а в сторону сада. И ругалась про себя, забыв о своих недавних горестных раздумьях: «Чёрт бы подрал, Таеган, твой чёртов перфекционизм! Тоже мне — говорить он днём не может! Стесняется он этого молчания — видите ли! Я твоя невеста! Это ты меня должен выгуливать, а я уж за обоих нас болтать постараюсь!.. Ну и муж у меня будет...» И сквозь слёзы улыбнулась. Судя по душевным разговорам по ночам, муж у неё будет умный, сильный и добрый. А главное — любимый.

— Агни-и! — раздался приглушённый зов Кристал.

— Агни! — поддержал его писклявый, но пронзительный зов Лиссы.

Пришлось открыть потайную дверцу и войти в гостиную.

— Что случилось? — громко спросила Аня, улыбаясь бегущим к ней девочкам.

— Мы закончили ещё одну куклу! — завопила Лисса.

Угу. Закончили. Аня переиграла в уме варианты, какие там могут быть швы: в последнее время девочки с шитьём слишком уж спешат, — и сколько придётся швов распарывать, чтобы прошить кукольные детали более ровно. И утешила себя: если вдруг и придут потенциальные заказчики за товаром, у них в запасе хватает готовых кукол.

Так что она согласилась с девочками, что неплохо бы посетить мальчиков и заставить их показать свои покупки, в которых они на завтра собираются идти в школу по универсальной магии. Как выяснилось, они вовремя сообразили потребовать от Кегана и Греди показа своей одежды. Те как раз сидели в своих комнатах и корпели с непривычными для них иголками и нитками. У Греди от камзолчика оторвались две плохо пришитые пуговицы. А у Кегана рукав пошёл-разъехался по шву — нить оказалась так себе, рвалась — едва потянешь.

Кристал даже рассердилась.

— Что ж вы так плохо смотрели в лавках! — возмущённо выговаривала она братьям. — Разве так можно покупать, не глядя?! И почему Никас не присмотрел за вами?! — это уже был вопль души, когда братья пробурчали, что старший брат разрешил им самим выбирать то, что хочется надеть на занятия.

Зато Аня обрадовалась делу: так хотелось избавиться от дум о Таегане! А тут как раз и хозяйственные дела подоспели! И ничего, что дело к сумеркам. Не столь страшная штюпка предстояла. Можно было обойтись и без свечи. Зато спустя полчаса мальчики красовались перед сёстрами в новёхоньких костюмах. Те всплёскивали руками, восхищённо ахали и умилялись, как элегантно оба выглядят. Гордые ученики магической школы, пощеголяв в обновках, сурово заявили, что им пора готовиться к урокам, и с достоинством утопали по своим комнатам.

— А мы? — спросила Кристал. — Что сейчас будем делать?

— Польём огород, потом я сбегаю в кухню посмотреть, что придумать на завтрак. А потом... По-моему, Кристал, пора тебе начать читать дамские журналы. И начнём сегодня — будем читать по очереди самое интересное. Как? Согласна?

— Я с кувшинчиком в огород пойду! — обрадовалась Лисса. — И свою Тили возьму! Она будет сидеть на ветках и смотреть, как мы поливаем грядки! Подождите меня! Я быстро сбегаю за ней!

Когда малышка, пыхтя, одолела лестницу на второй этаж и скрылась с глаз, Кристал, явно стараясь говорить безразлично, спросила:

— А где Никас? И почему закрыта дверь в библиотеку?

— Никас и Онора ушли гулять в сад.

Кристал смотрела на библиотечную дверь и, нахмутив брови, о чём-то думала.

— Агни, ты старше и лучше меня понимаешь. Ты думаешь — это хорошо, что Онора выйдет замуж за Никаса?

— С любой точки зрения — это очень выгодно, — заверила Аня.

— Для нас? — уточнила девочка.

— Да.

— Я помню, что ты говорила про учителя для меня. Но в чём ещё выгода для нас?

— Несмотря на кукол, денег у нас маловато, если учесть, что надо бы одевать тебя в вещи по твоему размеру. Надо бы покупать хорошие фрукты и овощи для стола. Куклы — увы, это несерьёзно.

— Почему? — перебила удивлённая Кристал.

— Посмотри: мы сейчас не знаем точно, купят ли тех кукол, которые у нас остались. Не знаем, захотят ли другие девочки играть ими. То есть продажа кукол — это, возможно, не постоянный доход, а такой, который случается время от времени. А нам деньги нужны постоянно. Онора — маг, снимающий проклятия. Таких магов мало в нашем королевстве. Если про Онору узнают, её начнут приглашать все те, кто нуждается в её магии. И деньги будут платить отнюдь... не кукольные.

— Поняла, — со вздохом сказала Кристал и оживилась: — Вот было бы хорошо, если бы наши мальчики начали использовать свои магические способности! Тогда бы денег у нас было ещё больше!

— И тогда бы мы и тебя послали в школу магии! — помечтала Аня.

Кристал взглянула на неё, а потом шагнула к ней и взяла за руку. Секунды спустя она

прижалась к ней и снова вздохнула:

— Да-а... Хорошо бы. Я бы очень старалась, правда!

С грохотом протопала по лестнице Лисса с куклой под мышкой. Подбежала к сёстрам и напомнила:

— Мой кувшинчик в огороде! Побежали?

... В общем, как день, так и вечер тянулись теперь очень долго, если вспомнить, как хотелось видеть Таегана.

Полночь скрыла все звёзды на небе низкими тучами, предвещающими дождь.

Таеган появился раньше обычного. Аня поняла это, когда спускалась к озеру по тропке и сразу увидела одинокую фигуру на мостках. Пока шла, пока смотрела, как он, в очередной раз оглянувшись в сторону её дома, встал на ноги и пошёл навстречу, с трудом удерживала слёзы: неужели придётся провести эксперимент с образами собственной силы? Неужели ей придётся оставить этот мир со всеми теми, кто полюбил её и кого полюбила она?..

И не выдержала, побежала к нему, заметив, как и он в нетерпении ускорил свой шаг.

Под накрапывающим дождём они обнялись, а целовались уже под ливнем. Потом именно Таеган спохватился и охнул:

— Ваше зеркало под мостками! Испортится!

И они десять минут потеряли на то, чтобы добежать до мостков, вынуть из-под досок зеркало, а потом торопились к террасе, чтобы спрятать его под крышей от ливня. И оказалось — это хорошо, что вспомнили о зеркале. Целоваться под крышей, на сухой и тёплой после жаркого дня деревянной скамье, слушая грохот сильного дождя, было настолько хорошо, что они не отрывались друг от друга, пока тот же Таеган вдруг не прошептал ей в губы:

— Сколько времени? Я... всё ещё говорю...

И они теперь пережевали поцелуи догадками о том, что произошло, и пришли к выводу, что образ его силы всё-таки что-то прорвал во вражеском заклинании, а потому...

Таеган замолчал ближе к рассвету, но не расстроился, как обычно, и не ушёл сразу, а долго сидел рядом с Аней, обнимая её за плечи и мечтательно глядя на деревья. Ночной дождь закончился, и в саду стоял мерный шелест от капающей с листьев воды... И дышалось свободно.

По утрам второй этаж обычно представлял собой чуть ли не студенческое общежитие: то и дело хлопали двери комнат, слышались переклики и деловые разговоры, ноги топотали так, что счастьем можно было считать старенькую дорожку в коридоре.

Первое самостоятельное утро Оноры. Время от времени поднимаясь на второй этаж проверить, встали ли мальчики и Кристал с Лиссой, Аня сначала удивлялась, почему она не видит и не слышит Оноры. Казалось бы, такая девушка, как она, должна, что называется, вставать с первыми птицами. А её всё нет и нет. Странно. Появилась даже мысль, что Онора сумела-таки открыть библиотечную дверь и сидит, занимается своими формулами. Но та дверь была закрыта и, судя по магическим знакам, никем не потревожена.

Когда все обитатели дома, кроме девушки, потянулись в столовую залу, Аня убедилась, что Онора из своей комнаты не выходила. Удивлённая и даже несколько обеспокоенная, Аня поспешила к ней.

Постучав в дверь, вошла и подняла брови: Онора сидела возле окна, свежая (умылась!), гладко причёсанная (расчесалась!), словно прилежная ученица — сложив руки на коленях.

— Доброе утро! — улыбнулась ей Аня, сообразив наконец, в чём дело. — Идём в столовую? Пора завтракать.

А про себя отметила: не забыть бы напомнить Никасу приучать свою невесту к расписанию дома и самому, хотя бы неделю или две, водить её в столовую. Девушка просто-напросто боялась выходить из комнаты, чтобы не попасть впросак со временем завтрака и не очутиться среди детей, которые всё ещё могут унизить её. Да и для будущей семейной жизни хорошо — постоянно ходить парочке вместе, а то и под ручку... А когда Онора нерешительно встала и пошла к двери, Аня хмыкнула:

— Так, фигурка у тебя, конечно, хороша. Но всё же мне хотелось бы, чтобы ты начала носить платья. Никасу приятно будет, если ты рядом с ним будешь выглядеть женственно. Тебе нравятся платья?

— Очень! — откликнулась девушка. — Только вот... У меня два школьных платья, а ещё дин Хармон купил мне два домашних. Но они... они уже... — Она покраснела.

— Малы, — кивнула Аня. Подумала и сказала: — После завтрака мы занимаемся огородом. А потом идём в мою гардеробную и ищем то, что тебе подойдёт. Ты ростом немного ниже — укоротить пару-тройку платьев («Благо они все неприталенные», — подумалось с радостью) будет легко. Всё, пойдём — нас заждались.

В столовой Аня одобрительно кивнула мальчикам — они пришли в старой одежде. Хотели в новую одеться с утра, но Аня сказала:

— Подумайте сами. Завтрак у нас простой. Но ведь жаль, если нечаянно капнете кашу на новенькие камзолчики. Вы умеете вести себя за столом, но от случайностей никто не ограждён.

Так что обнови висели сейчас на деревянных вешалках-плечиках, оставшихся от распоротых-раскроенных на кукольные детали платьев Агни.

На выходе из столовой Аня улучила момент и шепнула Никасу:

— С завтрашнего утра заходи за Онорой отводить её в столовую. Она пока стесняется выходить одна.

Никас кивнул, а потом покачал головой, кажется удивляясь собственной

несообразительности.

Прежде чем уехать с братьями в город, Никас принёс из конюшни замок более... скажем так, нормального размера и показал, как его закрывать. Затем подвёл Аню к кустам и развёл в стороны ветви. Среди зелени пряталось странное каменное сооружение, похожее на толстый столбик, высотой где-то в три кирпича, с широкой дырой на уровне третьего. Заглянув в эту дыру, Аня увидела сухую полочку. Ого. Даже ночной ливень сюда не проник.

— Это место для ключа, — сказал Никас. — Закроешь за нами ворота и положишь ключ сюда. Пойдём, проверим, работает ли замок.

Замок работал — ключ в нём вертелся, как смазанный маслом. И Никас усмехнулся:

— Хорошо, что дайна Эннис не умеет работать с металлом!

Кажется, он имел в виду магическую работу.

Мужчины уехали.

Глядя им вслед, Кристал неудержимо улыбнулась, а потом объявила:

— Мальчики в новой одежде совсем другие! Очень... строгие!

— Да, очень подтянутые, — согласилась Аня.

Долго не стояли — побежали в огород, где Оноре вручили маленькую тляку и показали, что нужно окучивать. А сами принялись поливать грядки.

Затем, как Аня и обещала, подбирали платья для девушки. На новой демонстрации мод Лисса повизгивала от восхищения и бегала вокруг вновь смущённой Оноры, поправляя складки на платьях, пока Аня обмеряла, сколько нужно подогнуть, чтобы не наступать на подол при ходьбе. Кристал смотрела очень въедливо. Выждав, когда её взгляд смягчится, Аня шепнула девочке:

— Хорошенькую себе невесту выбрал Никас, правда? Вот продадим ещё пару кукол — и поедem в город, искать по лавкам туфли — ей и тебе.

Кристал только вздохнула от счастья. Штаны для повседневной носки — сразу пару штук — Никас вручил ей ещё вчера, так что, судя по всему, все разговоры о будущих обновках ей казались предвкушением праздника.

Наконец, Онору проводили в библиотеку.

Когда дверь за девушкой закрылась, Кристал обернулась к Ане и подозрительно спросила:

— Она там будет с бумагами возиться, а мы опять работать? Или... — Лицо девочки осветилось надеждой: — Может, мы на озеро пойдём? Пока ты болела, мы только в выходные дни Никаса туда ходили. Но ведь теперь ты выздоровела, Агни!

— Благодаря Оноре, — напомнила Аня и добавила: — Да, мы пойдём работать. — Выждав, когда девочки с несколько театральной обречённостью вздохнули и надулись, таинственно проговорила: — Но... Пойдёмте-ка со мной! Что я вам сейчас покажу-у!..

Заинтригованные девочки двинулись за ней.

Недалеко.

Вечером, когда Никас с Онорой пришли с прогулки по саду и девушка хотела было снова юркнуть в библиотеку, Аня остановила обоих. В результате краткой беседы, пока младшие сидели по своим комнатам и в комнате Ани, взрослые немного побегали: Аня и Онора в три приёма перенесли на второй этаж, в новую комнату Оноры, весь нехитрый скарб девушки, из которого самым тяжёлым оказался груз из книг и тетрадей с конспектами. За то же время их беготни Никас убрал из старой комнаты кровать, а на её место поставил довольно просторный шкаф с открытыми полками. Аня ещё хмыкнула: «Богатырище, да?»

Такую махину перетащить!.. Жил бы ты, Никас, в моём мире, такой шкаф, даже с вынутыми полками, только с места и сдвинул бы. ДСП — это тебе не лёгкое дерево!» Это она успела примериться к тяжести одной из полок... Из мебели добавили в комнату удобные столики, почти такие, как в библиотеке, только попроще, без интарсий.

Утром, пока все ещё спали, Аня устлала средние полки шкафа длинной, вышитой цветами прошвой и уже на неё усадила трёх готовых кукол в одежках. Руки их переплела так, чтобы видно было сразу — закадычные подружки! Двух других, которым платья и фартучки ещё нешили, усадила в кресло и укрыла диванной подушкой, плоской и мягкой. Словно что-то вроде одеяльца. И, присматриваясь к тому, что получается, Аня неожиданно рассмеялась: картинка сотворилась наподобие рождественской открытки! — близко к тому, когда думаешь о сказочной старушке, сидящей в кресле перед уютно горящим камином и за вязанием рассказывающей какую-нибудь детскую историю внучкам, играющим с котятками на ковре ...

... Заинтересованно шагавшая следом Кристал вдруг разочарованно сказала:

— Мы идём убираться в старой комнате Оноры?

Но Аня, с предвкушением улыбаясь, уже распахнула дверь в комнату.

Лисса ахнула, вырвала ладошку из руки остановившейся Кристал и вбежала вовнутрь. Аня даже вздрогнула, когда из помещения раздался ликующий вопль малышки.

Кристал с недоумением посмотрела на Аню, а потом поспешила посмотреть, чему так радуется Лисса. И ахнула.

Через десять минут, переглядев все принесённые в комнатку вещи и мебель, Кристал спросила:

— Ты же хотела занять под мастерскую одну из комнат на втором этаже. Почему ты передумала? Почему хочешь шить кукол здесь?

— Кристал, я тоже не сразу сообразила, почему нельзя держать кукол на втором этаже. Но подумай сама: кто у нас шьёт кукол?

— Мы! — пискнула Лисса, которая обнималась с куклой, сташенной с полки шкафа.

— Нет, Лисса, — улыбнулась Аня. — Красивых кукол шьют наши старенькие Сайл и Бридин! Помните? А ещё... Наш Никас носил кукол со второго этажа для покупательницы. И это тоже неудобно. А здесь — красота! И пригласить в эту комнатку новых покупателей не страшно. Ну? Что теперь скажете? — И тут же с шутливым ужасом подумала: «Боже! Я учу их вранью!»

— Ой, я и забыла! — ахнула Кристал и уже решительно сказала: — Где-то я видела коврик из очень грубой нитки. Мне кажется, он сюда подойдёт!

И вскоре все три «девочки» носились по дому, выискивая и неся в бывшую комнатку Оноры всё, что казалось необходимым для мастерской.

Оглядев получившийся интерьер, Кристал счастливо вздохнула.

— Агни, а может, сюда добавить твоих дамских журналов?

— Только если прятать их от покупателей, — отозвалась старшая сестра. — Ведь они не поймут, почему наши Сайл и Бридин такие образованные, что их интересуют даже журналы. Ну что? На сегодня хватит заниматься этой комнатой. Пора готовить обед.

Обе оглянулись на «бабушкино» кресло, где сладко спала Лисса, обнимая сразу двух кукол. Утомилась, пока носилась туда-сюда. Переглянулись и тихонько вышли, оставив дверь полуоткрытой.

Вскоре обед был готов. Сбегали за Онорой, вывели её из библиотеки, причём Кристал,

кажется, начала привыкать к присутствию девушки и даже посмеялась над её трудолюбием. И только Аня обеспокоенно подумала, не слишком ли покрасневшие глаза у девушки-мага. Даже встревоженно спросила:

— Онора, у тебя голова не болит? Ты столько сидела за книгами!

— Нет, спасибо за участие, — пробормотала девушка.

Но всякий случай Аня пошла рядом с ней, чтобы подхватить её, если что: уж очень бледно выглядела Онора. Даже Кристал прониклась состоянием девушки. Удивлённо поглядывая на неё уже за столом, девочка говорила с ней более мягко.

А после обеда Аня решительно заявила:

— Онора, в библиотеку пусти тебя только после отдыха! Мне не хотелось бы, чтобы из-за усталости ты сделала бы что-то не так!

— Но я... — растерялась Онора.

— А я согласна с Агни! — встряла Кристал. — Ты вся серая, как будто... — Она споткнулась на полужеле, и Аня насмешливо подумала: уж не хотела ли она сказать: «Как будто только что из гроба!»?

— Вот! Сейчас допьёшь чай и пойдёшь в свою комнату! — скомандовала Аня. — Будешь лежать и отдыхать! А потом я приду за тобой и отведу в библиотеку. Идём!

Онора шла по коридору второго этажа как под стражей: с обеих сторон шли готовые поддержать её, если что, Аня и Кристал, за спиной топала Лисса.

... Вымыв посуду, Аня снова поднялась на второй этаж — посмотреть, что делает её подопечная. А как ещё назвать эту упорную девочку, которая так истово готова работать по своей специализации?

Приоткрыв дверь, невольно усмехнулась: Онора лежала на кровати, не раздевшись, зато почти как Лисса — в обнимку со своей куклой, недавно и нечаянно отвоёванной у чужих покупательниц!

Легонько закрыв дверь, Аня ушла, не желая мешать. Слишком многое от Оноры зависит: и для Таегана, и для всей их семьи, если учесть, что Никас сделал ей предложение... Она всем нужна здоровой.

Внизу её дожидались Кристал и Лисса.

— Мы пойдём на озеро? — нетерпеливо спросила Кристал и добавила, явно чтобы ублажить Аню: — Мы выкройки кукол взяли с собой. Искупаемся — будем сушиться и шить! Не только Онора должна работать!

— Думаю, что мы можем... — улыбаясь, начала говорить Аня — и осеклась.

Все три «девочки» обернулись на мелодичный звон, которыми ворота оповещали о гостях. Звон без примеси атональных звуков — значит, никто не рвётся попасть на территорию поместья, а терпеливо дожидается появления хозяев. То есть не дайна Эннис ждёт их. Или... А если эта тётка решила цивилизованно дождаться Агни? Которая вынужденно должна выйти к ней?

Аня взялась за ювелирку — за висевший на шее кулон. Осмотрела остальные магические украшения, особо отметив помолвочное кольцо-оберег, при взгляде на которое в груди потеплело. Вооружена и опасна!

Чуть не рассмеявшись, Аня решительно зашагала к входной двери из гостиной.

— Агни, а мы? — растерянно спросила в спину Кристал.

— Пока я не знаю, кто там, спрячьтесь и не высовывайтесь, — велела она. — А потом — по ситуации.

А когда вышла на крыльцо, сложила пальцы правой руки так, чтобы указательный стал дулом пистолета, и надменно хмыкнула. Берегись, дайна Эннис!

И всё-таки рассмеялась, дивясь собственной глупой и детской игре. Что она сумеет противопоставить опытной дайне Эннис — она, совершенно не разбирающаяся в магии и её законах? «Тоже мне — вооружена...»

Она стремительно прошла дорогу от крыльца до ворот и удивлённо подняла брови. Нет, не ландо дайны Эннис. Ой, кажется — ура? Покупательница?

На ходу Аня свернула к кустам и забрала ключ от замка.

— Добрый день, — поприветствовала она женщину в лёгком, но очень дорогом (судя по обилию кружев) платье. Ко всему прочему, та пряталась от солнца под кружевным же зонтиком, а насколько Аня помнила любовные романы, дамы высшего света старались прятать от солнца свою нежную кожу. Признак аристократизма — белая кожа!

— Добрый день, — нежно откликнулась дама и шагнула к воротам, обнаружив таким образом за своей спиной женщину, лет пятидесяти, небольшого росточка и полненькую. — Нам сказали, что в вашем доме шьют кукол. Мы приехали, чтобы посмотреть и выбрать для наших детей таких, каких видели у нашей дальней родственницы.

— Здрасьте, — тихонько сказала полненькая женщина. В отличие от своей дайны, она была одета очень пёстренько и выглядела добродушно.

— Проходите, — пригласила Аня, кивнув одновременно и кучеру, сидевшему на облучке настоящей крытой кареты. Пока тот проезжал мимо ворот, она сообразила, что пока закрывать их не стоит. Если даже дайна Эннис появится, она не посмеет вести враждебные действия при чужих.

А потому Аня быстро догнала своих гостей и повела их к дому, расспрашивая, сколько дочерей у покупательницы и какого они возраста — любимая тема многих мамочек. Не прогадала: неизвестная, не представившаяся дайна мгновенно защебетала о своих двух девочках, а потому Аня могла прекратить любые расспросы до дома.

С любопытством поглядывающая по сторонам полненькая женщина семенила следом за своей госпожой, и Аня забавлялась догадками, кто она. Но так и не угадала. Или не успела угадать. Как посмотреть...

— Нянюшка!!

С пронзительным воплем вылетела из коридора в столовую Лисса. Резко остановилась, глядя на ошеломлённую полненькую женщину, которая просто-напросто таранилась на малышку, потеряв дар речи.

— Нянюшка!!

С новым воплем Лисса кинулась через всю гостиную к нянюшке, чтобы через несколько стремительных шажков повиснуть на её шее.

— Лисса! — запричитала та, мгновенно облившись слезами и обняв прижавшуюся к ней малышку. — Деточка моя горемычная! Лисса! Мы уж думали — потеряли тебя навеки!

Изумлённая Агни взглянула на женщину-покупательницу. Та стояла, сжав руки на груди... Нет, Аня подозревала, что однажды среди покупательниц кукол Тильда может оказаться человек, который узнает Лиссу, едва только завидев её. Но почему Лисса бросилась к нянюшке, а не к матери? Или... Или эта женщина, которая стоит чуть ли не в прострации, сжав руки на груди и беззвучно плача, не мать Лиссе? Но... кто она в таком случае?

Успокоились все не сразу. Успела проснуться и попробовать спуститься Онора — Аня

видела, как девушка немедленно сбежала опять на второй этаж при виде взволнованных незнакомых дам. Успела втихаря подобраться к Ане Кристал, у которой глаза тоже оказались на мокром месте.

Наконец Аня поймала мгновение, когда поняла: пора командовать парадом. И предложила гостям сесть в уголке, где располагался диванчик, любимый двойняшками, и несколько кресел перед ним. Лисса, заикаясь и вздыхая, уселась между нянюшкой и дайной Мадэйлеин, как последняя представилась. И взяла обеих за руки.

После этого движения уже совсем ничего не понимающая Аня сначала предложила гостям чаю, но те отказались.

Вздыхая от пережитой встречи, дайна Мадэйлеин сама начала объяснение.

— Лисса — дочь моей младшей сестры. Мы все (две семьи) жили в доме деда — известного ювелира. Когда дед... — она испуганно взглянула на макушку Лиссы, прислонившейся к плечу нянюшки, и, видимо, поправилась: — Ушёл из этого мира в мир иной, мы поняли, что пора разъезжаться. Дедовский дом был очень старый и в основном деревянный, отремонтировать его было невозможно. Наши семьи, моя и сестры, очень дружили. Неудивительно, что мы договорились найти дом, куда могли бы заселиться вместе, чтобы жить привычной жизнью. Или, если уж не получится, найти два дома, чтобы жить в близком соседстве. — Она сглотнула и немного прокашлялась. Снова взглянула на малышку — и снова её глаза наполнились слезами. Но, справившись с собой, дайна Мадэйлеин, продолжила: — Когда мы начали переезжать, переезд был сопряжён с большими хлопотами. Ведь необходимо было не только переезжать самим, но и перевозить и заново расставлять вещи, мебель, а заодно искать что-то новое, потому как вместе с домом дедушки устарели и некоторые предметы обстановки. Нянюшка, — она посмотрела на женщину в пёстреньком, и та закивала, — следила за нашими детьми, но однажды понадобилась её помощь. Боги, зачем мы её позвали?! — вознесла к небу руки дайна Мадэйлеин. — Когда нянюшка вернулась, в комнате сидели только мои дочери. Лисса исчезла напрочь. И даже мои девочки не могли сказать, в какое время она пропала. Мы искали её очень долго, но так и не преуспели в поисках...

Примерно догадываясь о развитии событий, помня слова Кристал, откуда появилась Лисса, Аня осторожно спросила:

— Дом вашего дедушки находится рядом с рынком?

Женщина, снова заливавшаяся слезками, говорить не могла, только закивала.

— Я нашла девочку там.

— Её всегда привлекал этот окаянный рынок, — проворчала нянюшка, сморкаясь в подол фартучка. — Говорила — ей там весело и красиво.

— Если вы там её нашли, почему не сообщили в полицию? — осведомилась дайна Мадэйлеин, тоже промакивая выступившие слёзы, правда, кружевным платочком.

И этот поворот Аня вполне представляла себе, поэтому лишь чуть пожав плечами, объяснила, кинув взгляд на Кристал, которая закивала, подтверждая её следующие слова:

— Лисса была в таком потрёпанном платье и такая худенькая, что я решила: эта девочка — нищая сиротка.

Нянюшка прервала рассказ Ани, вновь бурно возрыдав над бедной малышкой. Лисса, только было успокоившаяся, разревелась за компанию. Глядя на неё, и Кристал хлопала мокрыми ресницами.

Дождавшись, когда можно будет продолжить, Аня закончила:

— В полицию я побоялась о ней сообщать, ведь если она обычная сиротка, её могли отвезти в сиротский приют. А жизнь маленьких девочек в приюте весьма и весьма не сладкая, как вы сами понимаете. А потом... — Она снова переглянулась с Кристал, которая вздохнула. — Потом я тяжело заболела. Почти месяц. И только недавно мы услышали от Лиссы странную песенку о драгоценностях. И поняли, что она отнюдь не из нищих. Но, поскольку проблемы у нас тоже довольно важные, с полицией решили подождать.

— Мы подавали объявления в газеты! — всхлипнула дайна Мадэйлеин. — Несколько раз нас оповещали, что девочку нашли. Но это было не так...

— Только вчера мы обнаружили за ушком Лиссы магический знак её дома, — сказала Аня и даже сумела усмехнуться. — Я передала рисунок знака брату. Он работает в суде и сегодня должен был найти дом Лиссы.

— Вы ничего не нашли бы, — вздохнула дайна Мадэйлеин. — Старый дом, чей знак всё ещё на ушке Лиссы, разрушен. А это значит, что он вычеркнут из реестров городской мэрии. Хотя и есть надежда на архивы.

— Вы несколько странно рассказываете, — заметила Аня. — Что случилось с родителями Лиссы?

Малышка тоже подняла на тётю вопросительные глаза.

— Моя бедная сестра вместе с мужем так страдали от потери ребёнка, что переехали в другой город, чтобы улицы нашего не напоминали им об ужасном горе. Счастье, что он находится близко к нашему. Сегодня я тоже распорядюсь, чтобы послать человека к сестре и её мужу с вестью о счастливой встрече с их дочерью.

Пока она говорила всё это, Аня поневоле зацепилась взглядом за странное выражение лица Лиссы: возмущение, обида буквально распирали его. Тётя всё ещё говорила, наверное по инерции, какими образом и в каких словах она объявит сестре и её мужу о замечательной находке, как Лисса резко перебила её:

— Они уехали! Они бросили меня и уехали?!

Пока никто ничего не ожидал, малышка быстро съехала с диванчика, на котором сидела, и бросилась к террасе. «Умняшка! — поразилась Аня про себя. — Она-то знает пароль от потайной дверцы, а нянюшка и тётя — нет!»

Всполошённые тётя и нянюшка, кажется ожидавшие, что Лисса будет в восторге от переезда в дом тёти, где её встретят двоюродные сёстры, тоже вскочили с диванчика, совершенно обалдевшие. Кристал первой сообразила побежать за Лиссой, примерно представляя, куда та могла спрятаться.

— Она всё неправильно восприняла! — страдальчески причитала дайна Мадэйлеин. — Родители её не бросали! Не бросали!

— Успокойтесь, дайна Мадэйлеин! — бегала вокруг неё безымянная нянюшка. — Успокойтесь, милая!

— Но куда она побежала?! Зачем?! Мы же не хотели причинить ей какое-то горе! Что происходит?! Что я неправильно высказала, дайна Агни?!

Ане хотелось зажмуриться, а потом открыть глаза — и чтоб никого в гостиной!

Поразмыслив, пришла к единственно верному выводу и озвучила его женщинам, потерянно плачущим и вскрикивающим:

— Дамы, успокойтесь! — жёстко сказала она, чтобы уже интонациями заставить женщин выслушать её. — Кристал, моя младшая сестра, сейчас найдёт Лиссу, но стоит ли сейчас увозить малышку домой?

— Но ведь мы... — беспомощно начала нянюшка.

— Я договорю, — с нажимом сказала Аня, и нянюшка замолкла, глядя на неё мокрыми глазами и охая, пока обнимала свою госпожу. — Если вы, дайна Мадэйлеин, собираетесь послать сообщение родителям Лиссы уже сейчас, думаю, они не будут ждать, пока вы переправите девочку к ним?

— Нет, конечно, — пробормотала та, шмыгая носом. — Они приедут сами!

— Любая попытка убедить Лиссу переехать к вам в дом приведёт только к её слезам, — продолжала Аня, с каждым собственным словом убеждаясь, что права. — Давайте же сделаем так, чтобы все были довольны. Пусть до приезда родителей Лисса останется у нас. Как видите, ей здесь комфортно. А вы можете чуть позже, но сегодня же привезти своих дочек. Знакомые лица порадуют Лиссу. А там, глядишь, приедут родители, и малышка поверит, что они её не бросали. И спокойно поедет вместе с ними куда угодно.

— Да! Да! — страстно воскликнула дайна Мадэйлеин. — Вы правы! Именно так мы и поступим! Мы приедем к вам, как только я успокоюсь и сумею собрать девочек! Лисса будет очень рада увидеть родные лица!

«Сколько там у нас кукол? — лихорадочно размышляла Аня, слушая непрерывный от волнения монолог дайны Мадэйлеин. — Если она приедет с дочками, будет ли возможность продажи? Господи, о чём я думаю... Я думаю о семье! — тут же напомнила она себе. — Так что — чужая тревога понятна, но мне тут жить и жить!»

— Но мы дождёмся Лиссы, да? Не можем же мы уехать без неё? — нервно спрашивала дайна Мадэйлеин. — Ох, я хочу сказать, не увидевшись с нею вновь?

— Дайна Мадэйлеин, — чуть не споткнувшись на имени гостыи, ответила Аня, уставшая от всех воплей и слёз. — Спокойно уезжайте домой и привозите своих девочек. Если вы сейчас попытаетесь увидеть Лиссу, боюсь, всё закончится снова слезами..

— Вы правы, — выдохнула гостыя и повернулась к входной двери. — Но с девочкой ничего не случится? Может, нам оставить нянюшку у вас?

Няня преданно устала на Аню.

Про себя Аня закатила глаза. Вслух сказала следующее:

— Целый месяц Лисса жила в этом доме сытая и чисто одетая (чуть язык не прикусила, вспомнив, в каких перепачканных одеждах порой бегала эта малолетняя хулиганка). Неужели вы думаете — ситуация изменится из-за каких-то нескольких часов или дней? Всё с Лиссой будет хорошо — до приезда её родителей.

И она лично (а что делать? Собственных слуг нет! Ну, не считая Сайл и Бридин конечно) проводила их к карете, проследила, чтобы обе уселись вовнутрь, и дошла до ворот, чтобы проконтролировать, не собирается ли одна из этих отчаявшихся женщин спрыгнуть по дороге, пока ворота не заперты. Уф... Не спрыгнули.

Закрыла ворота и вернулась в дом.

Как две затихарившиеся мышки, Кристал и Лисса выглядывали из-за диванчика.

— Вылезайте! — позвала Аня. — Они уехали!

— Точно? — шмыгнула носом Лисса.

— Точно. Твоя тётя пообещала, что твои родители приедут за тобой сами. Но через несколько часов нам придётся снова встречать гостей. — Аня взялась рукой за голову, нывшую от небольшой боли. — Так что, Лисса, неплохо бы тебе переодеться, чтобы в чистом и красивом платье встретить собственных кузин.

— Мои сёстры приедут... — прошептала Лисса — и побежала на второй этаж.

Кристал — за ней. Аня понадеялась — помочь с умыванием и переодеванием.

Онора, снова появившаяся на лестнице, отшатнулась от бегунов и сошла вниз.

— Агни, ты сможешь мне войти в библиотеку? — растерянно спросила она.

— Идём, — кивнула Аня и поспешила к библиотечной двери, размышляя: как только

Таеган освободится от проклятия старого храма, надо будет попросить его снять заклинание личного входа Агни для библиотеки. Никас пока ещё не владеет секретами магического мастерства, а Таеган, насколько Аня понимала, занимался именно этим — расшифровкой магических символов различных заклинаний.

Больше всего она жалела, что не смогла продать кукол. Это Аня так себе объясняла своё унылое настроение. Деньги от предыдущих-то ещё оставались, но одежда для мальчиков съела основную сумму, отданную Никасу. На руках у Ани осталось совсем немного... А ведь им ещё жить и жить, пусть теперь и без одного маленького рта, шустрая владелица которого больше не будет бегать по дому и по саду, таская с собой свою драгоценную Тили!..

Аня всхлипнула и быстро вытерла глаза краешком жилета. Стратегию безболезненного для малышки отделения от семьи Агни она уже продумала. В покинутом мире у «её» брата и сестры тоже были кузены. Жили неподалёку. Пока были детьми и подростками, семьи часто справляли свои внутренние праздники, заезжая в гости друг к другу. И расставаться детям в конце празднества было ой как трудно... Вот и собиралась Аня предложить дайне Мадэйлеин привозить сюда своих девочек каждый день — до приезда её родителей, а порой приглашать и Лиссу к себе. Девочки — это сплошная игра и хихиканье. Захочет ли потом Лисса оставаться в доме, где живут только взрослые и не звучат звонкие голосишки и смех?.. Не захочет.

Сердце в очередной раз вздрогнуло от болезненного укола, когда Аня представила, как одиноко будет Кристал. «Впрочем, кому — кому, а этой девочке скучать будет некогда», — вздохнула Аня.

После отъезда тёти Лиссы прошло полтора часа. В течение этого времени Аня бегала готовилась к приёму неожиданных гостей, привычно прихватив в помощницы Кристал и Лиссу. Надела на обеих фартуки — и вскоре из отдельной печурки кухонной плиты пополз замечательный запах сладкой выпечки. Пока выпекали, Аня несколько раз повторила для Кристал, пока та не запомнила, какие ингредиенты и в каком порядке должны работать в этом рецепте. Одновременно был изготовлен чайный напиток из трав и с мёдом. Итак, угощение для гостей готово. Теперь... Оглядев Кристал, Аня схватила её за руку и потащила её на второй этаж. Заинтригованная Лисса — следом.

Быстро подогнали ещё одно платье под худенькую фигурку Кристал.

— Ты будешь постоянно с младшими гостями, а они наверняка приедут в праздничном!

— А ты? — возмутилась девочка.

— А я сейчас надену платье, в котором была на вечере у дина Вилея.

Перед самым приездом неожиданных гостей вышла из библиотеки Онора и сказала, что у неё всё готово к ритуалу, снимающему с дина Таегана проклятие враждебного храма. Не дослушав, замороченная цейтнотом, Аня и её заставила нарядиться в парадное платье, тоже настолько заморочив переодеванием голову девушке, что та забыла потом сказать, что именно осталось сделать... Чуть позже выяснилось, что Онору Аня зря не дослушала.

Начиная с послеобеденного времени, день словно стремительно закурился в мелких и крупных событиях.

Приехали гости.

Слёз и воплей самых маленьких при встрече было столько, что трёх воссоединившихся кузин с трудом уgomонили.

Оказалось, Аня зря старалась с подготовкой своего скудного угощения. Дайна Мадэйлеин оказалась женщиной наблюдательной и сразу сообразила, что в этом доме

определённого достатка не водится. И привезла с собой столько лакомств, что семье Ани хватило бы на месяц. Хотя предложенное угощение распробовали, все и, кажется, кое-кому оно даже понравилось.

Наблюдательной и сообразительной оказалась и нянюшка. Как объяснила дайна Мадэйлеин, именно нянюшка потребовала привезти Лиссе не слишком ношенные, старые вещи дочерей своей нынешней хозяйки, благо тем уже восемь и десять лет, а их старая одежда бережно хранились в сундуках как память. И, пока девочки, в пышных платьицах, чинной толпой, в число которой входила и Кристал, заседали, болтая, в мастерской, три женщины вновь устроились на диванчике и в креслах. Аня рассказывала о жизни Лиссы в этом доме, подталкиваемая нетерпеливыми расспросами.

Куклы! Когда дайна Мадэйлеин деликатно постучала в мастерскую, чтобы напомнить дочерям, что время визита истекло, девочки взглянули на мать умоляюще: на коленях каждой сидело по кукле! Гостья спокойно отнеслась к цене, будучи ранее предупреждённой, так что и Аня спокойно приняла сумму за все четыре куклы.

Уехали гости за час до ужина, чему Аня обрадовалась, естественно умолчав о своей радости. В большей степени она с тревогой наблюдала за Лиссой, побаиваясь слишком бурной реакции из-за расставания с родными. Удивительно: Лисса проводила кузин и тётю с нянюшкой довольно весело. Хотя позже даже Кристал заметила, как, вернувшись в дом, малышка задумалась.

К ужину приехали братья и поразились количеству разнообразных сладостей: Аня спрятала большую часть привезённого дайной Мадэйлеин, чтобы выставить в следующие визиты, но на столе осталось довольно много. «Девочки» рассказали о замечательном событии в жизни Лиссы, а Никас поделился рассказом о том, как он не просто узнал, что происходит с семьями, в которых есть маги с редкой специализацией, но уже подал на рассмотрение заявление о том, что в его семье есть таковые. К его заявлению отнеслись очень серьёзно и пообещали рассмотреть его в краткие сроки. А мальчики объявили, что в классе очень удивились их новым одежаниям и отнесли уже гораздо более уважительно. Лица двойняшек сияли, и Аня украдкой вздохнула: значит, в этом классе они всё-таки были почти на положении изгоев из-за бедности одежды?..

После ужина Никас галантно предложил Оноре руку и увёл её гулять в сад.

Мальчики сказали, что сбегают к озеру — порисовать, а девочки, прихватив чай и конфеты с печеньем, устроились в мастерской.

— Агни, я должна буду уехать в другой город? — грустно спросила Лисса.

— Твоя тётя сказала, что этот город находится неподалёку от нашего, — дипломатично заметила Аня, стараясь не отвечать прямо.

— Я не хочу в другой город, — надувшись, заявила малышка.

— Почему?

— Раньше здесь у меня были только кузины! А теперь — ты и Кристал! А ещё Греди и Кеган! А ещё Никас и Онора! А та-ам?.. Я не хочу-у!..

Аня взяла заплакавшую Лиссу посадить к себе на колени и обняла, укачивая. После визита своих кузин Лисса не переделась, и в кружевном платьице выглядела обиженным ангелом... Аня вздохнула. Ну что можно сказать в этой ситуации, чтобы утешить малышку? Слова на язык не шли...

— Лисса, зато представь, какой будет праздник, когда ты будешь приезжать к нам! Мы тебя будем встречать и радоваться тебе...

— А так вы мне не радуется? — буркнула малышка в её плечо. — Когда я здесь?

Логично — снова вздохнула Аня. Но что ещё сказать? Не умеет она с маленькими разговаривать!.. Кристал скосилась — губы у неё обиженно разъезжались: тоже не хочет расставаться с Лиссой.

Через несколько минут Кристал отодвинулась и принялась за работу — шить ещё одну куклу. Лисса, глядя на неё, сердито посупилась, но тоже соскользнула с коленей Ани, чтобы присоединиться к девочке. Так и успокоились. «До следующего раза», — снова прикинула Аня, вставая и выходя из мастерской.

Дверь за собой закрывать не стала. Чувствовала себя глупо, потихоньку бредя к террасе: очень хотелось, чтобы её саму утешили, чтобы обняли крепко-крепко и объяснили, что ничего страшного нет в том, что Лисса покинет их. Малышка, по малолетству, быстро смирится с потерей семьи, которая её приютила. А вот как быть им — без весёлого, звонкоголосого человечка, умеющего так бурно радоваться и так бурно предаваться своему «детскому горю»?.. «Привыкнем и мы», — печально утешала себя Аня, пристраиваясь на любимейшей скамье террасы.

И только вечером, когда стемнело и когда Никас нехотя расстался с Онорой, та, даже слегка испуганная, постучала в дверь к Ане.

— Сегодня лучшая ночь для проведения ритуала избавления! Простите, что забыла сказать вам об этом сразу!..

— Тебе! — перебила Аня.

— Что? — осеклась Онора.

— Мы договорились общаться на «ты»!

— Ох, простите... прости. По всем вычислениям, сегодняшнее расположение звёзд и планет идеально для проведения ритуала. Нет, завтра тоже можно будет его провести, но сегодня... И пентаграмма готова... — уже совсем растерянно произнесла Онора.

Аня оцепенела.

Вот что хотела сказать девушка за минуты до приезда гостей!

Взгляд в окно. Темно. До полуночи час с небольшим.

И как теперь дозваться до Таегана?! Она-то тоже готова: все тридцать шесть карточек с рисованным огнём хранятся в отдельной папке, выжидая своей очереди в ритуальном действе.

Но время... Хуже того — вечер, когда с противоположного берега Таеган не разглядит, что делается на их берегу!.. Попросить Никаса впрячь лошадь и поехать в поместье дина Вилея? Но из-за озёр дорога в обход настолько долгая, что они не успеют вернуться к полуночи!.. Что же делать...

Она помнила, что ритуал должен быть проведён ровно в полночь. То есть начнётся в полночь. Таеган обычно приплывает ближе к этому времени, чтобы наговориться сразу, едва только проклятие отступает и временно освобождает его способность к речи.

«Значит — успеем!» — отчаянно решила она.

Посмотрела на Онору и кивнула.

— Около полуночи дин Таеган будет в библиотеке! — твёрдо заверила она девушку.

Напряжение с лица Оноры полностью не пропало, но сквозь него проступила толика облегчения.

Аня высунулась из-за двери, внимательно прислушалась к пустующему коридору. Тихо. Переволновавшаяся Лисса, как и Кристал, спят в своих комнатах. Братья уснули наверняка

ещё раньше: завтра — на работу и на учёбу. Оглянувшись, тихо сказала:

— Идём в библиотеку.

Она провела Онору в помещение с книгами, где пришлось осторожно обойти начертанную пентаграмму возле выхода из библиотеки. Сразу вспомнились рассказы Никаса, что Онора и её, Агни, тоже проводила через ритуал именно в библиотеке, как в самом сильном магическом месте в доме. И у этой пентаграммы велела объяснить, как будет проходить ритуал и какие предметы и в каком порядке (вспомнилось, как она объясняла Кристал рецепт выпечки) в нём будут участвовать. Аня в этом ритуале не разобралась, но ей нужно было удостовериться, что девушка не споткнётся в своём перечислении всех этапов ритуала, что она чего-то не забудет. Онора быстро и без заиканий рассказала всё и вопросительно посмотрела на хозяйку поместья.

— Подождёшь меня здесь? — мельком глянув на настенные часы над дверным косяком, спросила Аня.

— Да, именно здесь и подожду, — вздохнула девушка.

Аня снова обошла пентаграмму и кинулась к террасе. Открыла потайную дверь и выскочила в сад в надежде, что Таеган не выдержал и пришёл ещё раньше: её сила, создавшая отражение его силы, уже успела слегка повредить вражеское проклятие. Может, он захочет побыть с Аней подольше?

Беспорядочные мысли мелькали одна за другой, пока Аня мчалась по тёмной тропке к озеру, вытягивая шею, чтобы заранее увидеть, сидит ли Таеган на мостках.

Но мостках пусто. Зато от противоположного берега протянулась к мосткам линия, серебристо поблёскивающая в свете полной луны. Плывёт! Они успеют!!

— Быстрее! — закричала Аня, когда сообразила, что он её услышит с этого расстояния. — Быстрее, Таеган!

Он так рванул вперёд, что напомнил ту сумасшедшую скорость, с которой он ринулся спасать тонущую Лиссу!

Стремительно выпрыгнул из воды — по впечатлениям, едва только коснувшись руками края мостков. Встревоженно поднял брови: «Что случилось?!»

— Онора рассчитала время ритуала! — Аня, схватившись за рукав его мокрой рубашки, потащила его с мостков. — Выяснилось, что сегодня — лучшее время, Таеган! Мои карточки для тебя тоже готовы! Быстрее! Быстрее бежим! Надо успеть до полуночи!

Они бежали так, что Аня сама первой начала отставать — сравняться с мужчиной-бегуном, имеющим военное прошлое? Смешно! В конце концов, Таеган безмолвно рассмеялся и сам повёл её за руку в ночном беге под тёмно-синим небом с налившейся белым холодом луной.

— Я обезопасила гостиную от нечаянных свидетелей ритуала! — встретила их Онора, запыхавшаяся. — Прости, я забыла об этом, но успела, успела! Дин Таеган, вставайте на это место в пентаграмме! И не выходите из неё, пока я вам не позволю!

Аня изумлённо покосилась на Онору: у девушки прорезались командирские нотки в голосе? Впрочем, её право — как проводящей ритуал. Кажется, это понимал и встревоженный и глубоко дышавший Таеган, потому как только кивнул на этот приказ.

— Агни, раскладывай карточки! — продолжала распоряжаться Онора.

Причём девушка не просто следила за порядком раскладки, но и успела, как видящая магию, подправить этот порядок, когда карточки заалели огнём, но некоторые недовольно затлели гнилостным оттенком.

Затем были потушены все свечи.

Если Аня ожидала от ритуала чего-то фееричного, но ничего особенного не произошло. Пока Онора ждала их, она раскрыла шторы на двух окнах рядом с выходом из библиотеки. Из них излилась голубовато-ледяная луна, полностью осветив пентаграмму.

Онора встала тоже в рисунок на полу и принялась читать заклинания.

Аня осталась в гостиной — на всякий случай, если вдруг магическая «зачистка» девушки не сработает и кто-то спустится со второго этажа и помешает проведению ритуала... Странно было смотреть, как с карточек тянется к Таегану огненная волна и заключает его в столб, своим жаром не совпадающий с холодком полной луны... Странно было смотреть на столб, внутри которого очутился человек, и на хрупкую девушку, которая стоит напротив и повелительно читает необыкновенные слова, не поддающиеся пониманию простого человека...

Луна медленно уходила с линий пентаграммы. Когда её свет переступил последние границы магического рисунка, огненный столб стал прозрачным и, по впечатлениям, впитался в тело Таегана. Буквально минуту спустя мужчина расправил плечи, до сих пор напряжённо приподнятые. Ещё минута — и Онора шагнула назад, а Аня — открыла рот, обнаружив, что пентаграммы нет! Она... пропала вместе со словами Оноры?..

Девушка тем временем, тоже дыша ртом, прислонилась к одному из стеллажей. Пот катил по лбу и скулам, и она то и дело вытирала его пальцами, а то и ладонью. И улыбалась, словно не верила, хотя тут же проговорила:

— У меня получилось... У меня получилось...

Таеган тоже недоверчиво оглядел себя, после чего вышел из библиотеки и подошёл к большому зеркалу — убедиться, что магические силы вернулись.

— Таеган! — вполголоса позвала его Аня, испуганно сев на корточки: падающую без сил Онору удержать не сумела.

В любом случае, пришлось оставить девушку сидеть на полу, чтобы провести мужчину через порог библиотеки. Силы-то вернулись, но против защиты дина Хармона нужны ещё и знания, как он это сделал и какие силы привлёк. Так что, держа Таегана за руку, Аня помогла Таегану войти и поднять Онору на руки.

— У меня ноги не держат... — шёпотом пожаловалась девушка. — Я всё пытаюсь встать, а они подгибаются...

— Ничего, — с улыбкой сказала Аня, скрывая, что перепугана до чёртиков. — Дин Таеган отнесёт тебя в твою комнату и уложит.

— Никас! — пискнула Онора в ужасе.

Аня поняла: если Никас увидит, что дин Таеган на руках несёт его невесту...

— Покажете мне комнату Никаса, — велел Таеган, — и я сделаю так, что ваш жених не встанет до утра! Идёмте же!

Когда они, вдвоём, уже сошли на первый этаж, Аня закрыла дверь в библиотеку и, огладив лицо ладонями, попросила:

— Таеган, я пока мало разбираюсь в магии — даже в собственной. Дин Хармон учил меня выборочно. Помогите нам, когда у тебя будет свободное время, сделать так, чтобы доступ в библиотеку был у всех нас! Но только не для чужих!

— Помогу, — торжествующе усмехаясь, пообещал Таеган.

А потом они взглянули на часы и ахнули: неудивительно, что Онора устала до такой степени! Ритуал проходил два часа! И они поспешно побежали на любимые мостки —

посидеть хоть немного, хоть до восхода!

Уходя, точнее — перед отплытием, Таеган чуть не угрожающе и в то же время смеясь, объявил, что с завтрашнего дня он собирается назначать свидания в саду Аниного поместья, поскольку ему надоело завидовать Никасу, который гуляет со своей невестой среди деревьев! Аня устало улыбнулась:

— Ты видел их?

— Видел. И мечтал о том времени, когда мы с тобой погуляем, собирая цветы как в лучших рыцарских романах!

— Но почему уже завтра?

Таеган вздохнул, становясь серьёзным. Вгляделся в её лицо.

— Я собираюсь восстановиться на своей службе. Мне придётся не только восстанавливать права на магическую военную службу, но и сдавать экзамены, которые покажут, что я готов к её прохождению. Поэтому...

И они договорились о времени свидания — ближе к обеду.

Завтрак прошёл в темпе. Судя по всему, Таеган слегка переборщил с усыпляющей магией, а растерянная Аня не поняла, почему братья продолжают спать. Надо ли им на работу и на учёбу? Никто с вечера не предупредил. Кажется. Или она всё-таки не помнит — забыла во время суматошных дел? На всякий случай разбудила Никаса — и началась такая спешка, что все домашние только рты открывали на такие скорости. Аня же порадовалась, что сначала приготовила завтрак, а уж потом побежала будить Никаса.

После завтрака, проводив братьев, Аня напомнила девочкам, что сегодня они снова встречают гостей и что неплохо бы хорошенько подготовиться, придумав какие-нибудь интересные игры. Заняв маленьких дам, Аня отвела Онору в библиотеку и велела взять из неё в свою комнату всё, что посчитает нужным, до того времени, как помещение станет доступным для всех домашних. И что раньше думали? Бедная Онора побаивалась часто просить хозяйку дома о помощи, а ведь могли бы давно упорядочить хотя бы такое положение дел!

Когда девушка набрала книги, Аня помогла ей перенести их на второй этаж.

Затем, убедившись, что все заняты делом, оповестила этих всех, что собирается поработать в саду, — и побежала на свидание. Пока бежала к террасе, вспомнила, что место встречи-то они не удосужились назначить, и начала думать, где может ждать её Таеган. Мостки? Тропка?

Рванула дверь — и попала в крепкие объятия!

Когда нацеловались вдосталь, Аня засмеялась от счастья и спросила:

— Помнишь, как я убегала от тебя, а ты пытался открыть эту дверь?

Вместо ответа... Или в ответ? Таеган вновь приник к её губам...

А потом они и в самом деле бродили по высокой садовой траве, густо пахнувшей непросохшим сеном и медвяными ароматами цветов, и взахлёб мечтали о будущем...

Звук искажённой мелодии заставил Таегана инстинктивно прижать Аню к себе.

— Что это?

— Судя по звуку, снова приехала дайна Эннис, — кисло протянула Аня. — Давай не будем обращать на неё внимания? Может, ей надоест торкаться в ворота — и она уедет?.. Ой, девочки испугаются!

Пришлось быстро идти, обходя дом, к воротам.

Хм. Зрелище, достойное богов! Разъярённая (а она, интересно, бывает иной?) дайна Эннис нервно трясла ворота. Так потешно, что Таеган расхохотался!

Впрочем, он успокоился, пока они вдвоём (к сожалению, уже не касаясь друг друга) дошли до ворот. Причём, завидя их, дайна Эннис вытаращила глаза и завопила что-то нечленораздельное, из чего Аня поняла лишь одно: дайна считает её легкомысленной изменницей — ну, это мягко говоря. Как же — она изменила покойному мужу с неизвестным мужчиной спустя почти полтора года!

Не снижая шага, Таеган вскинул руку с ладонью горизонтально воротам. Дайну Эннис резко отнесло назад, на почтительные пять метров — по прикидкам изумлённой Ани: Таеган магически такой сильный?! Но и Таеган ничего не успел сделать, едва только поставив дайну Эннис на место.

Женщина внезапно оглянулась. А в следующий момент и Аня расслышала, что по дороге к поместью грохочет множество копыт. Насторожённый Таеган крепко взял её за руку и подвёл к воротам, чтобы рассмотреть, что происходит. Пока он вглядывался вдаль, недоумевающая Аня заметила, что другой, правой рукой он словно держится за бедро. Чуть склонившись назад, пока никто не видит, заметила какую-то штуку и долго смотрела, пока не догадалась, что видит ножны с торчащей из них рукоятью холодного оружия. Нож? Кинжал?

Тем временем к воротам подъезжала целая армия всадников, следом за которыми следовали как минимум десять карет! Вот теперь Аня испугалась до дрожи. Да что, чёрт бы всё подрал, происходит?!

— Муниципальная стража, — с небольшим недоумением определил Таеган. — Что случилось? — И вдруг насмешливо повысил голос, чтобы его услышала дайна Эннис, всё ещё стоявшая неподалёку: — Неужели дайна Эннис ещё в чём-то провинилась, кроме того что чуть не отравила вдову своего брата?

Дайна Эннис взглянула на него — лицо белое, обрюзгшее от потрясения — настолько, что Аня про себя ахнула: не угадал ли Таеган, всего лишь желая пошутить, новое преступление этой страшной женщины?!

Заслышав за спиной тоненькие голоса, Аня оглянулась. Ну да, конечно, как же без них? Девочки бежали к воротам — правда, странно бежали: то резко и быстро, то вдруг останавливаясь и хватая друг друга за руки, будто предостерегая друг друга же не торопиться. Что это они? Но, поразмыслив, Аня сообразила: они и боятся приближаться к воротам, за которыми происходит нечто странное, но и любопытство их гонит сюда изо всех сил. Тем более — здесь взрослые, а с ними не так страшно.

Тем не менее, когда Кристал и Лисса добежали, Аня отослала их в дом. Мало ли?..

Испуганный лекарь дайны Эннис торопливо согнал лошадей к обочине, где под деревом уместилась и карета. Назад подавать было тяжеловато: дорога была заполнена скачущими и едущими настолько, что даже ниже обочины не проехать мимо.

И наконец, когда дайна Эннис суматошно отбежала подальше, всадники домчались до ворот и тут же раздались в стороны. Вскоре подъехала первая из карет, а когда остановилась, из неё выскочил деловой и явно замотанный Никас.

— Агни! Открывай ворота!

Чьему слову поверила Агни, так это слову Никаса. Брат выглядел уставшим до чёртиков, но решительным и каким-то обретшим уверенность в себе. Он первым прошёл в открытые створы и уважительно поздоровался с Таеганом — от Ани и Оноры за завтраком, хоть и в

спешке, но узнал о ритуале. Затем они втроём отошли в сторону, пропуская мимо всадников муниципальной стражи и кареты с важными лицами.

Последнее, что увидела Аня, поднимаясь уже по ступеням к входным дверям и оглядываясь (вспомнила про сестру мужа и встревожилась!): люди в строгой военной форме чуть не под руки подвели дайну Эннис к её карете и усадили её, после чего махнули лекарю, сидевшему вместо кучера, и карета помчалась от дома Ани так, словно за ней гнались чудовища!

И только за столом в столовой (вынужденно, конечно: таких гостей Аня точно не ждала!) выяснилось: дом Ани берёт под своё покровительство сам король!

Никаса, написавшего заявление о наличии в семье как минимум двух магов образов, уже на следующее, то есть уже сегодняшнее утро проверили приехавшие из муниципалитета видящие специалисты по магии и подтвердили истину! А прецедент — тот, что Никас раскопал в суде, требовал от властей следующего: дом под защиту сильнейших магов! Ограждение от всяких не нужных редким спецам типов! Уже сейчас месячная плата за будущую работу — причём плата довольно-таки солидная, поскольку плодами трудом магов образов могут воспользоваться только самые богатые люди — и маги, соответственно. И прочая, прочая привилегии!

Аню попросили показать, как она использует магию образов, на любом из присланных стражей. Никас объяснил:

— Я — проверен. Теперь хотят узнать, правда ли и ты маг образов.

Притихший было Таеган, с небольшой усмешкой прослушавший пожелание магов из муниципалитета, неожиданно для всех встал и спокойно предложил:

— Посмотрите на мне. Я дин Таеган, недавно уволенный из военных частей магов, расследующих вражеские ловушки на границах нашего королевства. Уволен по причине полного отсутствия магии. Ритуал возвращения был совершён моей невестой, дайной Агни, сегодня ночью.

Он вышел из-за стола и даже раскинул в стороны руки. Сразу несколько магов сгрудились вокруг него, с жадностью считывая с него магические линии силы — насколько поняла это Аня. Они чуть не обнюхивали его, быстро-быстро обмениваясь своими аналитическими выводами.

... Когда гости, восхищённые и даже в чём-то счастливые, убрались из поместья, оставив закреплённую защиту по всем границам, включив в число внезапных, но желанных гостей дома лишь дина Таегана — в качестве жениха, когда Никас закрыл за ними ворота, он же, утомлённо улыбаясь, сказал:

— Они ещё не знают, что моя невеста — маг, снимающий проклятия. Женюсь на ней — тогда и скажу. Думаю, ничего страшного, не правда ли, Онора? В конце концов, ты и так член нашей семьи. — И, оглянувшись на Аню, усмехнулся: — Почти дочь.

И, снова предложив смущённой Оноре руку, повёл её к дому.

Таеган, глядя им вслед, спросил:

— Ты расскажешь мне, что он имел в виду?

— Расскажу, — пообещала Аня. — Теперь ты тоже член нашей семьи и должен знать некоторые нюансы, которые касаются меня и членов моей семьи.

Он поцеловал её прямо у ворот, а потом они тоже пошли в дом: надо было готовиться к появлению родных Лиссы.

Конец истории

